

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 23 № 3 / 2023

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 63

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва)
430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68, оф. 411,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 63

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute» (Publishing Center of History and Sociology Institute of National Research Mordovia State University)
19, Bakhtin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Of. 411, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий: актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
Ангелика Кауфман
Автопортрет. 1775 г.*

Компьютерная верстка
и художественное оформление Г. Н. Давыдовой
Редактор Е. В. Савойская
Перевод А. А. Сомкина

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 25.09.2023.
Дата выхода в свет 30.09.2023.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 10,08
Тираж 300 экз. (1-й завод – 100 экз.)
Заказ № 702. Цена свободная

Адрес типографии:

430005, Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24
Типография Издательства
Мордовского университета

*The journal
«Russian Journal of the Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
Angelica Kaufman
Selfportrait. 1775s*

Desktop publishing
and graphic design by G. N. Davydova
Editor E. V. Savojetskaja
Translation A. A. Somkin

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 25.09.2023.
Date of publishing 30.09.2023.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 10,08
Number of copies 300 (1 plant – 100)
Order No. 702. Free price

Address of the Printing House:

24, Sovetskaya St., 430005, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia.
Mordovia State University Printshop

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fnn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленски Анжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, Полтавский национальный технический университет им. Ю. В. Кондратюка, slava-home50@mail.ru (Полтава, Украина)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylypost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Чулуун Сампилдондов – доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.ushakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornishina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Vyacheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Kondratyuk Poltava National Technical University, slava-home50@mail.ru (Poltava, Ukraine)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Academician, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rrgu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylpost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmets.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.ushakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

О. И. Марискин, Э. П. Кириллов

**ХРАМЫ И МОНАСТЫРИ АРДАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XVII–XVIII вв. 257**

О. В. Гальцева

**РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЛЯСКА
КАК ЯЗЫК ВНУТРИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ 268**

А. В. Слудных

**РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 287**

ФИЛОСОФИЯ

С. Ю. Белоконов, А. А. Косарева

**ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 299**

Д. К. Стожко, К. П. Стожко

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. А. БОГДАНОВА:
ОТНОШЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА
«СОБИРАНИЯ ЧЕЛОВЕКА» (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО) 311**

А. А. Типикина

ТЕМА ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ В. В. РОЗАНОВА 324

Е. В. Антонова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, ОРИЕНТАЦИИ И ИДЕАЛЫ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 336**

ПСИХОЛОГИЯ

Н. Е. Кулешова, Ж. Г. Гаранина, Л. И. Лашмайкина

**ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ
В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ У СТУДЕНТОВ 349**

Л. А. Кунаковская, Е. В. Кривотулова, М. Р. Арпентьева

**РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА 357**

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 371

CONTENT

HISTORY

Oleg I. Mariskin, Eduard P. Kirillov

**TEMPLES AND MONASTERIES OF THE ARDATOV DIOCESE OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN THE 17th – 18th CENTURIES** 257

Olga V. Galtseva

**RUSSIAN TRADITIONAL DANCE AS A LANGUAGE OF INTRAETHNIC
COMMUNICATION** 268

Anatoly V. Sludnyh

**DEVELOPMENT OF THE URAL OPTICAL AND MECHANICAL PLANT
IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – MID 1960s
IN A SOCIOCULTURAL CONTEX** 287

PHILOSOPHY

Sergey Yu. Belokonev, Anna A. Kosareva

**THE INFLUENCE OF INTERNET COMMUNICATIONS ON THE FORMATION
OF POLITICAL IDENTITY AND POLITICAL BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH** 299

Dmitrii K. Stozhko, Konstantin P. Stozhko

**HUMANISTIC VIEWS OF A. A. BOGDANOV: RELATIONS OF COOPERATION
AND THE PROBLEM OF «GATHERING A PERSON»
(TO THE 150th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A SCIENTIST)** 311

Alina A. Tipikina

WOMAN'S TOPIC IN PHILOSOPHY OF V. V. ROZANOV 324

Ekaterina V. Antonova

**POLITICAL VALUES, ORIENTATIONS AND IDEALS OF MODERN YOUTH
AND THEIR REFLECTION IN VIRTUAL SPACE** 336

PSYCHOLOGY

Natalia E. Kuleshova, Zhanna G. Garanina, Liudmila I. Lashmaikina

**THE STUDY OF INTELLECTUAL AND LEADERSHIP QUALITIES
IN THEIR RELATIONSHIP AMONG STUDENTS** 349

Ludmila A. Kunakovskaya, Elena V. Krivotulova, Mariam R. Arpentieva

**REFLEXIVE LEARNING AND PROBLEMS OF SELF-IMPROVEMENT
OF A UNIVERSITY TEACHER** 357

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 372

УДК 94(470.345)

О. И. Марискин¹, Э. П. Кириллов²

¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: mariskinoi@mail.ru*

² *Ардатовская епархия Мордовской митрополии (Ардатов, Россия),
e-mail: konfmodern@yandex.ru*

Храмы и монастыри Ардатовской епархии Русской православной церкви в XVII–XVIII вв.

Аннотация

Введение. Сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти сегодня является стратегическим национальным приоритетом многонациональной и многоконфессиональной России.

Результаты и обсуждение. В 1555 г. была образована Казанская епархия, которая вернула активную работу по христианизации народов Поволжья. В 1672 г. территория Алатырского уезда вошла в состав вновь образовавшейся Нижегородской и Алатырской епархии. Это событие было тесно связано с усилением старообрядчества в Поволжье и задачей крещения нерусского населения региона. Центрами распространения христианства в мордовском крае стали православные монастыри. Наряду с церковно-государственной христианизацией мордовского народа, существовала и ее народно-бытовая форма, которая реализовывалась на почве добровольного хозяйственного и культурного общения с русским населением. Значительную роль в православной жизни края в XVII–XVIII вв. играли Спасо-Преображенская Старцеугловская пустынь и Казанская Ключевская пустынь.

Заключение. В целом крещение мордвы, основание монастырей и пустыней, открытие церквей стали важным шагом в укреплении православия в крае, сыграли положительную роль в духовном и нравственном воспитании народа, оставили заметный след в развитии просвещения и культуры. Произошли изменения в повседневной жизни, традициях и обрядах.

Ключевые слова: мордва-эрзя, новокрещены, христианство, церковь, монастыри, епархия, Алатырский уезд, Ардатовский уезд, деревня, крестьяне.

Для цитирования: *Марискин О. И., Кириллов Э. П.* Храмы и монастыри Ардатовской епархии Русской православной церкви в XVII–XVIII вв. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 257–267. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202304.257-267.

Temples and Monasteries of the Ardatov Diocese of the Russian Orthodox Church in the 17th – 18th centuries

Abstract

Introduction. The preservation of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory today is a strategic national priority of multinational and multi-confessional Russia.

Results and Discussion. In 1555, the Kazan diocese was formed, which launched an active work on the Christianization of the peoples of the Volga region. In 1672, the territory of the Alatyrsky district became part of the newly formed Nizhny Novgorod and Alatyrsky diocese. This event was closely connected with the strengthening of the Old Believers in the Volga region and the task of baptizing the non-Russian population of the Volga region. Orthodox monasteries became centers for the spread of Christianity in the Mordovian region. Along with the church-state Christianization of the Mordovian people, there was also its folk form, realized on the basis of voluntary economic and cultural communication with the Russian population. A significant role in the Orthodox life of the region in the 17th – 18th centuries. Spaso-Preobrazhenskaya Startseuglovskaya Hermitage and Kazanskaya Klyuchevskaya Hermitage played.

Conclusion. In general, the baptism of the Mordovians, the foundation of monasteries and the desert, the opening of churches became an important step in strengthening Orthodoxy in the region, played a positive role in the spiritual and moral education of the people, and left a noticeable mark on the development of education and culture. There have been changes in daily life, traditions and rituals.

Keywords: Mordva-Erzya, novokreshcheny, christianity, church, monasteries, diocese, Alatyrsky district, Ardatovsky district, village, peasants.

For citation: Mariskin O. I., Kirillov E. P. Temples and Monasteries of the Ardatov Diocese of the Russian Orthodox Church in the 17th – 18th centuries // *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 257–267. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.257-267.

Введение

Сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти сегодня является стратегическим национальным приоритетом многонациональной и многоконфессиональной России. Православные монастыри и храмы были и будут наиболее представительными и значимыми организациями, выступающими хранителями духовных традиций и распространителями их среди народов России. Изучение региональной истории этих духовных и социокультурных организаций является важной

и актуальной научно-практической задачей.

Материалы и методы

Изучение региональной истории православных храмов и монастырей имеет определенную историографическую традицию [2–4; 6]. Менее изученными пока остаются процессы христианизации мордвы-эрзи и строительства православных храмов и монастырей на территории современной Ардатовской епархии [1; 9]. В XVII–XVIII вв. Ардатовская епархия в значительной части административно входила в состав Алатырского уезда, а с

1780 г. – и в состав Ардатовского уезда Симбирской губернии.

Результаты и обсуждение

Вторая половина XVI в. стала судьбоносной не только для Поволжья, но и для всего населения единого многонационального Российского государства. Церковный историк А. Ф. Можаровский так описывал ход миссионерского дела после покорения в 1552 г. Казани: «Казань взята внешним оружием: осталось покорителям взять ее оружием духовным. И Иоанн тотчас... начал дело это с водружения животворящего креста в покоренной иноверческой земле... Иоанн понимал, что водружение здесь креста, особенно же привитие православия к покоренным, не может совершиться вдруг... И вот мы видим возведение в покоренном краю городов или крепостей, основание монастырей, учреждение епархий и переселение сюда русских из внутренних областей государства» [10, с. 5–6].

В 1555 г. была образована Казанская епархия, которая развернула активную работу по христианизации народов Поволжья. При учреждении на Руси патриаршества в 1589 г. была учреждена Патриаршая область, которая находилась в церковном отношении в непосредственном ведении патриарха Московского и всея Руси. Уже в начале патриаршества территория области была достаточно обширна. В 1593 г. к ней было присоединено Понизовье, в том числе междуречье Суры и Мокши – территория современной Ардатовской епархии.

Центрами распространения христианства в мордовском крае стали православные монастыри. В Алатыре были основаны Свято-Троицкий мужской монастырь (1584 г.), Николаевский (Старо-Николаевский) женский монастырь (упразднен в 1765 г.) и, позднее, Новодевичий Киево-Николаевский женский монастырь (1639 г.). Киево-Николаевский монастырь был основан игуменьей Ладинского Прилуцкого монастыря

Елисаветой (Летинской) вместе с монахинями, часть которых пришли из Киева, спасаясь от гонений на православную веру со стороны католической шляхты.

При патриархе Никоне, пользовавшемся большим могуществом и сильным влиянием на дела церковные и государственные, Патриаршая область достигла высшей степени развития. На этот период во входивших в нее г. Алатыре и уезде насчитывалось 65 церквей и 2 придела.

В 1672 г. территория Алатырского уезда вошла в состав вновь образовавшейся Нижегородской и Алатырской епархии. Это событие было тесно связано с усилением старообрядчества в Поволжье и задачей крещения нерусского населения Поволжья, в том числе мордвы.

С 1681 по 1688 г. подписан ряд указов об устройстве церкви в д. Ардатова на р. Алатырь (ныне г. Ардатов Ардатовского района Республики Мордовия) и поселении в ней новокрещеной мордвы («Кирюшки Степанова с товарищи»): для ограждения православной мордвы от притеснений и создания положительного примера в деле принятия христианской веры. На новом месте в д. Ардатова, ставшей с. Новотроицким под руководством стольника и воеводы Степана Кузьмина-Караваева, новокрещены Кирюшка Степанов «с товарищи» к осени 1686 г. отстроили деревянную Троицкую церковь, обустроили свои дома; сюда же пришли русские крестьяне. В период массовой христианизации в 1740–1750-е гг. храмы были возведены в 30 мордовских поселениях Алатырского уезда [1, с. 361].

Наряду с церковно-государственной христианизацией мордовского народа, существовала и ее народно-бытовая форма, которая реализовывалась на почве добровольного хозяйственного и культурного общения с русским населением. Мордовские селения располагались по соседству с русскими, нередко имели смешанный состав.

Все это благоприятным образом сказывалось на восприятии мордвой христианства.

Так, краевед В. С. Ястребов опубликовал в 1928 г. статью «Из прошлого села Чеберчино», где сообщал, что в Чеберчине три резко отличающиеся между собой общины: первая – Заев конец – обрусевшая мордва, выселившаяся из с. Сайнина Старо-Гулюшевской волости; вторая – середина села – бывшие крепостные крестьяне графа Румянцева-Задунайского и третья группа (одна улица), по преданию, – племя буртасы [5, с. 33–34].

В с. Чеберчино Алатырского уезда одной из первых в сельской местности на территории современной Ардатовской епархии была обустроена деревянная церковь. В 1616 г. с. Чеберчино и д. Голодаевка из дворцового фонда «за службы» были пожалованы стольнику, чашнику Ивану Афанасьевичу Плещеву. По вотчинной грамоте земельное пожалование составляло 460 четвертей в одном поле. Из примерной земли 20 четвертей в поле отделили причту чеберчинской церкви Николая Чудотворца [6, с. 287].

В 1702–1704 гг. поместья и вотчины Федора Плещеева – Чеберчино, Голодаевка и «новпоселенная» Явлейка – перешли во владения царского денщика Александра Васильевича Кикина. Но вскоре он оказался в оппозиции к режиму Петра I, сблизился с царевичем Алексеем, которому помог бежать за границу. Большую роль в возвращении царевича Алексея Петровича сыграл другой денщик – Александр Иванович Румянцев. В 1718 г. А. И. Румянцев был пожалован двумя чинами: гвардии майора и генерал-адъютанта, а также поместьями и вотчинами А. В. Кикина.

При Анне Иоанновне Александр Иванович отказался занять должность президента Камер-коллегии и «сгоряча наговорил императрице много неприятного». В мае 1731 г. он был приговорен к смертной казни, которая затем была заменена ссылкой

в «алаторскую вотчину» с лишением всех орденов и чинов. 24 мая 1731 г. А. И. Румянцев с беременной женой, сыном Петром и дочерью Екатериной выехал из Москвы в Чеберчино, где проживал до 1735 г. под надзором.

По свидетельству современников, Александр Иванович, будучи человеком искренне верующим, строго выстаивал службы в чеберчинской церкви, того же требуя от крестьян. Супруги Румянцевы оказывали материальную помощь священнослужителям, давали им деньги на покупку церковных книг и утвари. Особо теплые отношения у семьи сложились со старым вдовым священником Ермолаем Семеновым, который был «по премногу добрый человек, к тому же духовной отец государем нашим», «понеже он человек древной, а паче всему дому отец духовной и всем надобен» [6, с. 294]. В 1733 г. Румянцевы помогли Семёнову при получении епитрахильной грамоты в Нижегородской и Алатырской епархии, а в 1734 г., когда священник был приговорен к высылке на «вечное житъе» в Макарьевский монастырь, использовали все свои связи, чтобы оставить его в Чеберчине.

В начале 1732 г. Румянцевы стали подыскивать иконописцев, чтобы подновить уже стареющую церковь Николая Чудотворца, известную по документам с 1619 г. Мастеров поначалу искали в Арзамасе, славящемся иконописцами, чтобы написать четырех евангелистов по «образцам». Посланному в Арзамас человеку наказывалось: «А хоша дать и по рублю (за образ. – О. М., Э. К.), только смотреть того, чтоб было мастерство хорошее». Затем с заказами стали обращаться в Лысково к иконописцу Ивану Иванову сыну Журавлеву. Последний не только писал иконы, но и изготавливал древки с хоругвями. Когда в 1735 г. рядом с холодной начали строить теплую церковь Александра Свирского, мастеров искали уже в Кинешме.

После кончины А. И. Румянцева в 1749 г. Чеберчино вместе с другими имениями досталось по наследству Петру Александровичу Румянцеву – выдающемуся русскому полководцу, которому после заключения в 1774 г. выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мирного договора был присвоен титул «Задунайский».

Петр Александрович для управления чеберчинской вотчиной в 1750-х гг. составил наставления, остававшиеся на протяжении более полувека обязательной инструкцией для крестьян. Наставления предусматривали меры наказания за несоблюдение церковных обрядов и «непорядочность поведения» в храме. Так, за неявку «без законной нужды» на молитву в церковь в праздничные дни налагался штраф в 10 коп.; за «грубые поступки и оскорбления» – тоже; а «если кто учинит какой крик или шум, или поведет разговор» во время богослужения, – «с таковых брать штраф по две копейки»; не имеющих денег полагалось «сажать в цепь на сутки» [5, с. 30].

В конце XVIII в. генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский заказал для имения в с. Чеберчино проект каменной церкви в стиле раннехристианских храмов, но реализовать его не успел. Его сын Николай Петрович Румянцев, став с 1796 г. владельцем Чеберчина, в 1798 г. взамен сгоревшей деревянной церкви возвел каменную во имя Казанской иконы Божией Матери. Правый придел храма был освящен в честь поклонения честным веригам святого апостола Петра, левый – во имя Святителя и Чудотворца Николая. Согласно клировой ведомости за 1838 г., церковь «построена тщанием его сиятельства покойного графа Петра Александровича Румянцева Задунайского»¹.

Любопытна история старейшего каменного храма, возведенного на территории со-

временной Ардатовской епархии. В конце XVII в. в с. Троицкое (ныне Атяшевский район Республики Мордовия) прибыла братия для устройства монастыря, собственными силами оборудовавшая пещерную церковь и подземные ходы к ней. В 1695 г. местный помещик стольник Степан Григорьевич Чирков на высоком холме к северо-востоку от села на свои средства построил каменную церковь во имя Живоначальной Троицы. Однако из-за его смерти в 1706 г. дальнейшие работы по обустройству монастыря были прекращены.

В середине XIX в. полковником А. И. Липинским было записано предание об основании Троицкого и попытке обустройства монастыря (опубликовано в 1868 г. в «Материалах для географии и статистики России»): «Наиболее оригинальным мы считаем образование помещичьего имения в селе Троицком-Дубровки (Ардатовского уезда). Население этого села, по преданию, составилось из свободных людей (вероятно, беглых), собравшихся для устройства монастыря. Распорядителем постройки был стольник Чирков (Степан Григорьевич). Так как средств для содержания собравшейся братии не было, то Чирков убедил соседние селения и мордву уступить для постройки монастыря часть принадлежавших им земель и предложил братии заниматься хлебопашеством, пока не будет средств устроить дом Божий. Братия принялась за земледелие, а между тем в 1706 г. С. Г. Чирков умер, не окончивши дела. Впрочем, он выстроил церковь. Монастырь, таким образом, не устроился, а поселившаяся братия была записана крестьянами на имя наследников С. Г. Чиркова» [Цит. по: 8, с. 208]. Согласно клировой ведомости за 1838 г., на средства помещика Федора Ивановича Чиркова и его жены Анны Ивановны в 1795 г. в Троицком «церковь как внутри так и снаружи во всем исправлена»².

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 134. Оп. 2. Д. 599. Л. 229.

² Там же. Л. 547.

Значительную роль в православной жизни края в XVII–XVIII вв. играла Спасо-Преображенская Старцеугловская пустынь, располагавшаяся на берегу речки Вячки над оврагом, на границе современного Большеигнатовского района Республики Мордовия и Сеченовского района Нижегородской области.

Первым опубликовал очерк об истории пустыни в 1909 г. симбирский церковный историк А. И. Соловьев в труде «Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии». Однако, как отмечал сам автор, эта работа была сделана главным образом на основании документов, собранных в подлинниках и в копиях «неутомимейшим тружеником науки, покойным археологом Капитоном Ивановичем Невоструевым, и частью обработанных им» [11, VIII].

Согласно преданию, во время похода 1552 г. на Казань Иоанну Грозному на этом месте явился святитель Спиридон Тримифунтский, предсказавший окончательную победу и указавший устроить тут обитель. С начала XVII в. на этом месте стали селиться монахи-старцы, от них и пошло название – Старцев Угол.

Официально Старцеугловская пустынь была основана между 1641 и 1645 гг. Обитель стала строиться по инициативе и на средства алатырского казака и помещика Бажена Игнатьевича Топорнина (в 1613 г. он был выбран алатырским казачьим головой). О начале пустыни монашествующие в своем челобитье, поданном царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу около 1685 г., писали: «В прошлых, государи, годех по указу блаженныя памяти деда вашего, государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всей Руси, и по благословению святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, построен по обещанию алаторца Бажена Игнатьева сына Топорнина монастырь Всемилоостивого Спаса боголепного Преображения в Ала-

торском уезде, в Старцевом Углу, в черном лесу, на верхах речки Вачки, и тот Бажен Топорнин в том монастыре собрал многую братию, монахов с сорок» [Цит. по: 11, с. 67–68].

Много раз пустынь горела, в огне теряя храмы, иконы, религиозные книги и документы, неоднократно была разграблена разбойниками. Как бедная и малобратственная Старцеугловская пустынь в 1727 г. была временно закрыта, и монахи из нее переведены в Алатырскую Печерскую пустынь, но вскоре вернулись.

В XVIII в. в пустыни обыкновенно жили 6–10 монахов. В 1736 г., после смерти строителя, иеромонаха Авраамия, в ней некоторое время не было ни иеромонаха, ни белого священника, и служба в церквях не отправлялась. «В 1738 году братия, в силу указа Нижегородского архиепископа Питирима, избрала себе в начальники иеромонаха Иваньковской пустыни Иоасафа, но он почему-то не был утвержден в этой должности, так что пустынь оставалась без настоятеля до 1743 года, когда строителем ее назначен был иеромонах Макарий, по прошению братии. В течение десятилетнего управления его пустынь продолжала оставаться бедною и малобратственною. Некоторый доход, хотя и незначительный, монастырь получал от однодневной ярмарки, которая ежегодно устраивалась при нем в храмовый праздник Преображения Господня. На ярмарку в праздник Преображения Господня приезжали из разных мест торговцы со всяким мелким товаром; для них монастырем построено было несколько лавок, с которых собиравлось до 5 руб. оброчных денег. От ярмарки получала доход и казна».

В 1764 г. Спасо-Преображенская Старцеугловская пустынь была упразднена, а иеромонах Феофилакт с четырьмя монахами через некоторое время были переведены в Алатырский Троицкий и другие штатные монастыри.

По описанию церковного историка А. И. Соловьева, здание монастырского храма Преображения Господня было с одной главой, покрытой деревянной чешуей, «длины 6 саж. 2 арш., ширины 3 саж. 1 арш. Церковь не была богата утварью и украшениями; в ней находились: евангелие в лист, обложенное трипом, с медными евангелистами; крест медный; антиминс на полотне, освященный архиепископом Питиримом; два оловянных сосуда со всем прибором: царские двери и иконостас в три яруса были гладкие, обложенные флямом и позолоченные; из образов более замечателен храмовой образ Преображения Господня с 9-ю серебряными вызолоченными венцами и с таким же окладом по полям; лампы и подсвечники были частью медные и жестяные, частью деревянные» [11, с. 75–76].

Монастырская церковь во имя преподобного Спиридона Тримифунтского также была одноглавой, обита деревянной чешуей, «длиною 5 саж. 1 арш., шириною 2 саж. 2 1/2 арш.; в этой церкви иконостас был двухъярусный гладкий, без позолоты; в нем Казанский образ Божией Матери с окладом по полям и венцом серебряными вызолоченными; против местных образов висели две медные лампы и одна жестяная. Ризница была немногочисленная и бедная, но богослужебных книг достаточно, между ними более древними были устав, печатанный в 1641 году, и триоди постная и цветная, печ. 1636 года» [11, с. 76].

При холодной церкви на трапезе находилась деревянная колокольня с четырьмя колоколами массой 6,5 пуда. Деревянных келий было пять: одна настоятельская (4 × 4 саж.) и четыре братских (2 × 2 саж.). Пустынь окружала деревянная четырехугольная ограда длиной в 40 и шириной в 37 саж.

Преображенский храм в 1838 г. был разобран и перевезен в д. Чедаевку (Чаадаевку) Ардатовского уезда, ставшую селом, где был восстановлен на каменном фундаменте. Другая пустынская церковь, во имя преподобного Спиридона Тримифунтского, была оставлена на прежнем месте как кладбищенская и приписана к Преображенской церкви Чедаевки. Согласно клировой ведомости за 1855 г., церковь кладбищенская Спиридона Тримифунтского построена в 1794 г. тщанием прихожан, «здание деревянное, без колокольни, ветхое. Престолов один – холодный во имя Святого Спиридона Тримифунтского Чудотворца. Утварь и все церковное имущество перенесено в Чедаевскую Спасопреображенскую церковь. Находится в уничтоженном в 1836 году 20 января Старцевом Углу. Служба совершается в оной на день Святого Спиридона Тримифунтского Чудотворца»³. В 1877 г. здание церкви было перестроено. Согласно клировой ведомости за 1915 г., «приписная церковь во имя Святого Спиридона на закрытом кладбище, в урочище Старцев угол, в 2 верстах от приходского храма, деревянная, крытая железом, выстроена в 1877 году, утварью достаточна, при ней караулка»⁴.

Подчеркивая роль пустыни в распространении православия и в социокультурном развитии края, современные исследователи отмечают: «Совершенно особая страница православной истории края – монашеская. На прежней территории Ардатовского уезда в XVII веке возникла Старцеугловская Спасо-Преображенская пустынь, иноки которой внесли серьезный вклад в христианизацию мордвы и в цивилизацию края» [1, с. 34].

В XVIII в. важной святыней современной Ардатовской епархии стала Казанская Ключевская мужская пустынь около с.

³ ГАУО. Ф. 134. Оп. 2. Д. 601. Л. 551.

⁴ Там же. Д. 251. Л. 379.

Четвертаково (ныне пос. Тургенево Ардатовского района Республики Мордовия). Согласно преданию, в одном из родников, бивших среди полей вблизи села, была явлена Казанская икона Божией Матери: «Чудо, положившее начало будущему монастырю, произошло в 1707 г.: на источнике явилась Казанская икона Божией Матери. Начались исцеления. При святом ключе возвели церковь. Через некоторое время образовалась мужская монашеская община, названная Казанской Ключевской».

В 1708 г. по указу Троице-Сергиевой лавры здесь была построена деревянная церковь. 29 августа 1708 г. она была освящена во имя Казанской иконы Божией Матери приходским священником с. Четвертаково отцом Иоанном с причтом (село составляло вотчинное владение в числе других Алатырского Троицкого монастыря). Из благословенной грамоты, данной в 1767 г. епископом Нижегородским и Алатырским Феофаном архимандриту Алатырского Троицкого монастыря Геннадью, становится известно, что «в 1767 г. первая деревянная церковь, построенная над родником, пришла в ветхость и была сломана, а вместо нее была построена новая деревянная, по счету вторая, церковь в то же наименование» [12, с. 73].

В 1764 г. при утверждении монастырских штатов Казанская Ключевская пустынь (храмовые строения и 10 дес. земли) была приписана к Алатырскому Троицкому монастырю. До этого же года пустынь находилась только в заведовании и управлении монастыря. Для приезжающих поклониться чудотворной иконе было устроено специальное помещение, в немногих кельях жили монашествующие. Позже здесь сформировались архив и большая библиотека с редкими изданиями, в том числе старыми рукописными книгами.

Казанская Ключевская пустынь всегда служила местом паломничества верующих, являлась одним из центров христианизации

мордовского народа, культурного просвещения и духовного развития региона. Как отметил историк-краевед В. Э. Красовский, «мордва, населявшие окрестности, пребывали в то время в язычестве, и только через чудотворения, бывшие от вновь явившейся иконы Богоматери, они уверовали в истинного Бога и приняли св. крещение» [7, с. 14].

Согласно описанию В. Э. Красовского, чудотворная Казанская икона Божией Матери была написана на липовой доске, длиной в 6 1/2, а шириной в 5 1/2 вершка. В конце XVIII в. она была перенесена в Алатырский Троицкий монастырь. В 1803 г. на чудотворную икону сделали серебряную позолоченную ризу, украшенную драгоценными камнями – «поля в три ряда из страз с аметистами. Венец с сиянием весь из червленого золота, в нем корона, венчик на Спасителе с тремя репьями и пять звезд, украшены или сделаны бриллиантами, алмазами, яхонтами, изумрудами и другими дорогими камнями». Пожертвования на украшение иконы сделали Марья Федоровна Кикина, Иван Васильевич Чирков и другие помещики Алатырского и Ардатовского уездов.

В Алатырском мужском монастыре в честь чудотворной иконы были установлены два ежегодных крестных хода: перед праздником Святых апостолов Петра и Павла, когда эта икона провожалась в Ключевскую пустынь, и когда она возвращалась в Алатырь. Церковный историк XIX в. К. И. Невоструев оставил описание этого события: «По древнему обычаю ежегодно выносятся из монастыря чудотворная икона Казанской Божией Матери в воскресенье пред Петровым днем (если же он случится в воскресенье или понедельник, то в предшествующее за неделю) и до сего (Петрова) дня стоит в Ключевской церкви, а теперь после литургии торжественно переносится в город Ардатов (в 5 верстах от Ключа), а

чрез 6 дней возвращается на Ключ 6 июля (по ст. стилю. – *О. М., Э. К.*) к всенощной. Отсюда после ранней литургии [июля] 9 числа приносится в город Алатырь к поздней соборной литургии, после которой сопровождавший икону многочисленный народ учреждается в обители хлебом, квасом и поспевшими овощами.

В оба пути святая икона встречается и провожается духовенством как из сельских на пути стоящих (в каждом селе на рубеже), так из градских алатырских всех церквей (при подгородной каменной часовне). Стечение народа бывает 8–10 тыс. и на Ключе 28 и 29 июня, а особенно 7 и 8 июля производится ярмонка, для коей от монастыря построено около 80 деревянных лавок с рядами для красного товара, кожевенным, холщевым, косным и др.» [Цит. по: 12, с. 29–30].

Кроме описанных крестных ходов в честь чудотворной иконы Казанской Божией Матери, в Алатыре ежегодно 9 августа совершался еще один крестный ход по случаю избавления города от холеры.

В 1805–1807 гг. тщанием архимандрита Алатырского Троицкого монастыря Авраамия и при финансовом обеспечении преимущественно помещицы Марьи Федоровны Кикиной в Ключевской пустыни была построена каменная церковь «в то же именование во имя Казанския Божия Матери» [12, с. 29]. В ведомости о постройках при архимандрите Авраамии указано: «Выстроена [в] 1805–1807 гг. на Ключе вновь каменная церковь во имя Казанския Богородицы, и на ней купол покрыт тесом и покрашен, и она вся церковным благолепием и иконостасом столярной работы убрана, и иконостас по гульфарбе вызолочен и по местам покрыт разными красками» [Цит. по: 1, с. 47]. Каменный храм был построен уже не на источнике, а выше, на холме. Освящение летней части храма состоялось в

1807 г. по благословению епископа Казанского Павла (Зернова). В начале 1840-х гг. четверик храма был дополнен трапезной, увеличившей его площадь почти вдвое. При храме вначале была деревянная звонница с 8-пудовым колоколом, а во второй половине XIX в. была построена колокольня.

Невдалеке от храма над колодцем, где прежде стояла построенная в 1767 г. деревянная церковь во имя Казанской Божией Матери, была устроена деревянная часовня. Для временного пребывания монашествующих из Алатырского Троицкого монастыря имелся большой деревянный флигель. В этом флигеле располагалась комната, где могли найти приют приезжающие на поклонение чудотворной иконе и на проходящие при пустыни ярмарки.

Заключение

В 1780 г. при учреждении Симбирского наместничества с. Ардатово (Новотроицкое) было переведено в разряд уездных городов и ему был пожалован герб. По ведомости Симбирского наместничества 1780 г., в Ардатовском уезде насчитывалось 147 населенных пунктов, в 62 из них имелись православные храмы с приходами. Всего на территории уезда находилось более 70 храмов (в некоторых селах имелось по две церкви). Третья ревизия (1762–1764 гг.) зарегистрировала в Ардатовском уезде 24 803 жителя мужского пола, все они были православного исповедания.

В целом крещение мордвы, основание монастырей и пустыней, открытие церквей стали важным шагом в укреплении православия в крае, сыграли положительную роль в духовном и нравственном воспитании народа, оставили заметный след в развитии просвещения и культуры. Произошли изменения в повседневной жизни, традициях и обрядах (икона стала принадлежностью жилья и целого ряда обрядов, на кладбищах вместо срубов стали ставиться кресты и т. п.).

Список источников

1. Ардатовская епархия: от прошлого к настоящему / О. И. Марискин, С. В. Першин, В. Б. Махаев [и др.]. Саранск, 2021. 408 с.
2. Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. 973 с.
3. Бахмутов С. Б. Православие в мордовском крае: историко-культурный аспект. Саранск, 2006. 384 с.
4. Бахмутов С. Б. Храмы Мордовии. Саранск, 2015. 320 с.
5. Клеянкин А. В. Земля отчая. Историко-этнографический очерк [с. Чеберчино]. Саранск, 1969. 135 с.
6. Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. Чебоксары, 2015. 412 с.
7. Красовский В. Э. Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь Симбирской епархии. Симбирск, 1899. 30 с.
8. Марискин О. И. Достопримечательности Атяшевской земли. Саранск, 2018. 240 с.
9. Марискин О. И. Строительство церквей в мордовских селениях Алатырского уезда во второй половине XVII – XIX в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21, № 4. С. 356–366.
10. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880. 256 с.
11. Соловьев А. И. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. Симбирск, 1909. XVI. 194 с.
12. Трудом и молитвой. Алатырский Троицкий мужской монастырь: очерки и документы. Чебоксары, 2019. 198 с.

References

1. Ardatov Diocese: from the past to the present / O. I. Mariskin, S. V. Pershin, V. B. Makhaev, etc. Saransk, 2021, 408 p. (In Russ.)
2. Bakhmustov S. B. Monasteries of Mordovia. Saransk, 2000, 973 p. (In Russ.)
3. Bakhmustov S. B. Orthodoxy in the Mordovian Territory: Historical and Cultural Aspect. Saransk, 2006, 384 p. (In Russ.)
4. Bakhmustov S. B. Temples of Mordovia. Saransk, 2015, 320 p. (In Russ.)
5. Kleyankin A. V. The land of despair. Historical and ethnographic essay [p. Cheberchino]. Saransk, 1969, 135 p. (In Russ.)
6. Krasovskij V. E. Alatyr Holy Trinity Monastery of the Simbirsk diocese. Simbirsk, 1899, 30 p. (In Russ.)
7. Kochetkov V. D. The fortress city on the Sura. Essays on the history of the city of Alatyr and the county in the XVIII centuries. Cheboksary, 2015, 412 p. (In Russ.)
8. Mariskin O. I. Sightseeings of the Atyashevskaya land. Saransk, 2018, 240 p. (In Russ.)
9. Mariskin O. I. Construction of Churches in the Mordovian Villages of the Alatyrsky District in the Second Half of the XVII – XIX Century. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(4): 356–366. (In Russ.)
10. Mozharovskij A. Presentation of the course of missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners from 1552 to 1867. Moscow, 1880, 256 p. (In Russ.)
11. Solov'ev A. I. Abolished monasteries and deserts of the Simbirsk diocese. Simbirsk, 1909, XVI, 194 p. (In Russ.)
12. Work and prayer. Alatyr Trinity Monastery: Essays and Documents. Cheboksary, 2019, 198 p. (In Russ.)

Поступила 10.05.2023.

Сведения об авторах

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – проблемы экономической истории России, Среднего Поволжья и финно-угорских народов в XIX – первой трети XX в. Автор более 200 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

E-mail: mariskinoi@mail.ru

Кириллов Эдуард Павлович (Преосвященнейший Вениамин, епископ Ардатовский и Атяшевский) – кандидат культурологии (Ардатов, Россия). Сфера научных интересов: история церкви, философия культуры. Автор 15 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5215-9521>.

E-mail: konfmodern@yandex.ru

Submitted 10.05.2023.

About the authors

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, Department of Economic History and Informational Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: problems of economic history of Russia, the Middle Volga region and Finno-Ugric nationalities in 19th – first half of 20th century. The author of more than 200 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>.

E-mail: mariskinoi@mail.ru

Eduard P. Kirillov (Most Reverend Veniamin – Bishop of Ardatovsky and Atyashevsky) – Candidate of Culturology (Ardatov, Russia). Research interests: the history of the church, philosophy of culture. The author has 17 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5215-9521>.

E-mail: konfmodern@yandex.ru

УДК 394.3 (470+571)

О. В. Гальцева*Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: ol.galczewa@yandex.ru*

Русская народная пляска как язык внутриэтнического общения

Аннотация

Введение. Статья нацелена на определение характера участия народной пляски в процессе формирования этнической и национальной идентичности русского народа. Для этого пляска рассматривается как средство социальной коммуникации и анализируется на примере наиболее распространенных вариантов ее применения в практике повседневного и праздничного общения русского сельского населения Нижегородской области второй половины XX в. Особое внимание в статье уделяется военному времени, когда пляска становится маркером этничности победителей.

Материалы и методы. В процессе работы над статьей был использован сравнительно-исторический метод, что позволило представить динамику исторического развития традиционной пляски с конца XIX до второй половины XX в. Также применялся структурно-функциональный метод, который дал возможность определить основные функции плясовой культуры в жизнедеятельности сельского сообщества. Эти методы использовались в комплексе с анализом историографических трудов и источников и методом полевых исследований.

Результаты. Русская народная пляска как особый эмоционально-чувственный язык, выраженный в этнической телесной пластике, за известный исторический период претерпела целый ряд изменений. Первоначально она имела ритуально-культовое значение, получила развитие в рамках мужской боевой традиции, использовалась в продуцирующих обрядах календарного и свадебного циклов. В XX в. коммуникативный потенциал пляски был направлен внутрь социума, крестьянской общины, сельского сообщества. Пляска стала универсальным языком праздничного общения. Значение одного из компонентов национально-государственного самосознания она приобрела после Победы в Великой Отечественной войне.

Обсуждение и заключение. Этнокультурное значение пляски в жизни сельского сообщества второй половины XX в. может быть проиллюстрировано кульминационной фазой годового сельского праздника. Во время него пляска мужчин, продолжателей своего рода, наследников победителей и защитников Отечества, вносит в общее эмоциональное единение окончательный, жизнеутверждающий и архаический по своей природе смысл, провозглашая право всех собравшихся родовых групп на жизнь и почитание предков на своей земле.

Ключевые слова: пляска, народная хореография, плясовая лексика, плясовая коммуникация, традиционная праздничная коммуникация, национальная идентичность.

Для цитирования: Гальцева О. В. Русская народная пляска как язык внутриэтнического общения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 268–286. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.268-286.

© Гальцева О. В., 2023

Olga V. Galtseva

Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve
(Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: ol.galczewa@yandex.ru

Russian Traditional Dance as a Language of Intraethnic Communication

Abstract

Introduction. The article aims to determine the nature of the participation of folk dance in the process of forming the ethnic and national identity of the Russian people. For this purpose, the dance is considered as a means of social communication and analyzed by the example of the most common variants of its application in the practice of everyday and festive communication of the Russian rural population of the Nizhny Novgorod region of the second half of the 20th century.

Materials and Methods. In the process of working on the article, a comparative historical method was used, which allowed us to present the dynamics of the historical development of traditional dance from the end of the 19th to the second half of the 20th centuries. The structural and functional method was also used which made it possible to determine the main functions of dance culture in the life of the rural community. These methods were used in combination with the analysis of historiographical works and sources, as well as methods of field research.

Results. Russian folk dance has undergone a number of changes over a certain historical period. Initially, it had a ritual and cult significance, developed within the framework of the male military tradition, and was used in the rituals of the calendar and wedding cycles. In the 20th century, the communicative potential of dance began to be directed to the rural community. Dance becomes the universal language of festive communication. It acquires the significance of one of the components of national identity after the Victory in the Great Patriotic War.

Discussion and Conclusion. The ethno-cultural significance of dance in the life of a rural community in the second half of the 20th century can be illustrated by the culmination of the annual village festival. During it, the dance of men, successors of their kind, heirs of the winners and defenders of the Fatherland, brings a final, life-affirming and archaic meaning to the general emotional unity. It proclaims the right of all participants in the holiday to live in their own land and honor their ancestors.

Keywords: dance, folk choreography, dance vocabulary, dance communication, traditional holiday communication, national identity.

For citation: Galtseva O. V. Russian Traditional Dance as a Language of Intraethnic Communication. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 268–286. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.268-286.

Введение

Традиционную (реликтовую) пластику движения, лежащую в основе всех форм народной хореографии, без преувеличения можно назвать визитной карточкой этноса. Среди всего многообразия традиционных хореографических жанров со временем выделился один универсальный, способный максимально ярко выразить особенности менталитета того или иного народа. В XX в. для русских таким жанром стала пляска.

В традиционной культуре русского народа пляска долгое время имела ритуально-культовое значение. В конце XIX – начале XX в. мироощущение и устои крестьянского общества переживали серьезную трансформацию. В этот период праздничная жизнь патриархальной деревни наполнилась новыми, городскими, но «по-прежнему ориентированными на стилистику традиционной обрядовой пляски, хореографическими жанрами» [12, с. 171]. «В XX в. повсеместно

в России одним из любимых жанров стала пляска с частушками («песнепляска»)» [22, с. 177], которая, вопреки общественному мнению, приобрела особую популярность у молодежи. Постепенно пляска стала одной из форм внутригруппового общения сельской и заводской молодежи и вместе с ней перешла в старшую возрастную страту.

После революции народная пляска выступила своеобразным классовым антиподом салонного танца: «танцуют» на балах, «пляшет» народ [17]. В культурной политике молодого Советского государства она стала частью новой модели социалистической культуры. В этот период ведущую роль в популяризации пляски играла художественная самодеятельность. В 1928 г. в СССР создан первый профессиональный Ансамбль красноармейской песни и пляски, по образцу которого организовывались самодеятельные армейские коллективы [15, с. 39].

В годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу пляска стала мощнейшим средством этнической и национальной консолидации, а после Победы – своеобразным этническим символом народа-победителя. Ее популярность росла, во второй половине XX в. в СССР редкий концерт или художественный фильм обходились без пляски. Одновременно пляска продолжала естественное, «жизненно-практическое» бытование. Она сохранила за собой отведенную ей ранее особую роль в общинном строительстве [22, с. 178] и приобрела качественно новые функции в праздничной жизни советской деревни. В 70-е гг. XX в. советский балетмейстер, автор книги «Основы русского народного танца» А. А. Климов писал: «Пляска – наиболее распространенный и любимый сейчас жанр народного танца. Ритм нашей эпохи, дух соревнования соответствует характеру русской пляски. Пришедшая к нам из глубины веков, она сохраняет свою основу, бытует в народе не как “музейный экспонат”, а как живой род-

ник многообразного народного хореографического творчества» [8, с. 106].

Анализируя значение народной пляски, исследователи разных гуманитарных направлений единодушно подчеркивают чрезвычайно яркое воплощение в ней национальных черт, ментальных особенностей [2, с. 49], доминирующих ценностей и типичных моделей поведения русского народа: «Каждая пляска, исходя из местных особенностей, имела свой стиль, свою манеру исполнения, тематику и своеобразную лексику. Но какую бы область или местность России мы ни взяли, как бы ни назывались пляски, каков бы ни был костюм исполнителей, русская пляска прежде всего несет в себе черты русского национального характера» [8, с. 109].

Связь пляски с этническим и национальным самосознанием русского народа, представленная в большинстве исследований как факт, практически не изучена. В современном российском обществе, не один десяток лет переживающем культурный кризис, запрос на исследования такого рода вполне назрел. Подтверждением может служить парадоксальная ситуация, наблюдаемая порой на концертах или «вечерках» городских молодежно-фольклорных коллективов, пропагандирующих чистоту традиционного исполнения музыкального наследия русского народа. Так, чем больший акцент делается на аутентичности техники и манере в исполнении фольклорного материала, тем меньше он обращен к образу этнической идентичности самих носителей традиции (старшего поколения сельских жителей). Более всего это заметно именно в хореографических (невербальных) жанрах, особенно в пляске. Эта ситуация позволяет говорить об актуальности изучения народной пляски как в социокультурном аспекте, так и в аспекте телесности как сложно регламентированного способа выражения индивидуального

эмоционально-чувственного состояния в группе (этносе, народе).

В соответствии с принятой научной классификацией пляска является одним из основополагающих жанров русского народного танца. Это во многом определило преимущество хореографического (К. Я. Голейзовский, В. Н. Карпенко, А. А. Климов, В. Н. Нилов и др.) [3; 7; 8; 14] и этнохореографического (А. И. Шилин) [22] аспектов ее изучения. В числе основополагающих и не потерявших актуальности работ на данную тематику следует отметить книги К. Я. Голейзовского «Образы русской народной хореографии» [3] и А. А. Климова «Основы русского танца» [8]. В них обобщен и систематизирован масштабный материал по русской народной хореографии, определены ее основные жанры и освещены исторические этапы их развития. Пляска рассматривается авторами как наиболее популярный жанр народного хореографического творчества, имеющий для русского народа особое национально-культурное значение. Этнохореографическому анализу мужской плясовой традиции посвящена статья А. И. Шилина «Традиции мужского исполнительства в русской народной хореографии» [22]. В ней автор приводит ценные этнографические сведения о характере бытования, функционале и праздничной драматургии народной пляски.

В этнографических работах этнокультурные и коммуникативные функции пляски никогда не становились предметом отдельного исследования. Среди небольшого количества работ, рассматривающих русскую народную пляску в социальном аспекте, необходимо отметить монографию И. А. Морозова и И. С. Слепцовой «Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянства (XIX–XX вв.)» [12]. Здесь пляска представлена в рамках исследования традиционного севернорусского празднично-игрового комплекса как один

из инструментов внутригруппового и межгруппового взаимодействия крестьянской молодежи. Особое внимание авторы уделяют знаковому изменению в структуре и характере народного гулянья конца XIX – начала XX в., связанному с переходом сельской молодежи от хоровода под протяжные песни к пляске. Отдельные сведения о пляске как способе внутригруппового общения русских крестьян содержатся в известной работе М. М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» [4]. Характерные черты плясовой коммуникации, присущие мужской боевой традиции, представлены в статье Г. Н. Базлова «Традиции костюма кулачных бойцов» [1]. Особую ценность для данного исследования имели работы Л. Н. Пушкарева «Очаги бытования фольклора и методика работы фольклориста-фронтовика» [16] и В. Н. Морохина «Сквозь огонь великой битвы: устное народное творчество нижегородцев времен Великой Отечественной войны» [13], которые позволили представить масштабы бытования музыкального фольклора на фронтах Великой Отечественной войны. Также следует отметить статью Е. А. Поляковой и А. Г. Молявко «Советские хореографические самодеятельные коллективы: формирование и развитие» [15], в которой рассмотрены основные этапы развития советского самодеятельного хореографического творчества в период с 1920-х по 1980-е гг.

Из теоретических исследований, рассматривающих социальный аспект бытования народного танца, следует выделить статью Н. Ю. Кособуцкой «Народный танец: социокультурные характеристики и функции» [9], работу А. А. Сохоревой «Танец как средство коммуникации в социокультурном пространстве» [19], К. Н. Джиоти «Танец как метод общения» [6].

Роль народного танца в процессе формирования этнического самосознания освеще-

на в работе О. Г. Диваняна «Семиотические предпосылки языка танца: социально-философский аспект» [5], который определяет народный танец как один из способов социальной интеграции индивидов, древнейший, но доступный для всех поколений язык эмоционального общения. Т. П. и Н. А. Мильчарек [11] в своей эвристической модели этнической идентичности относят народный танец к одной из коллективных этнических телесных практик, вписывающих индивида в природное и социальное пространство определенным (свойственным конкретной этнической традиции) образом. В своей совокупности эти телесные практики составляют коллективную этническую телесность, через осознание которой, по мнению авторов, и протекают процессы этнической самоидентификации. В аспекте телесности народный танец анализируется в работах Т. Э. Цветус-Сальховой [23], Л. Н. Слядневой и Е. П. Библина [18]. Проблеме определения понятий «танец» и «пляска» в русской лексике посвящена статья М. А. Ткачук [20].

Материалы и методы

Базовым для статьи стал этнографический материал, собранный автором в сентябре – октябре 2021 г. в Городецком и Дальнеконстантиновском районах Нижегородской области. Выбранные для исследования районы располагаются в разных этнокультурных зонах области (Заволжье и Правобережье) и равноудалены от областного центра (60 и 70 км). В Городецком районе доминирует русское старообрядческое население, в Дальнеконстантиновском русские проживают совместно с обрусевшими потомками мордвы-терюхан. В отличие от сельскохозяйственной территории Дальнеконстантиновского района, где в среде мужского населения долгое время было развито отходничество, исследованные населенные пункты Городецкого района в период с XVIII и до конца XX в. являлись историче-

скими центрами народных художественных промыслов, в которых постоянно была занята большая часть мужского населения. Эти особенности выбранных для исследования территорий позволяют отделить от региональной традиции самобытные элементы локальной культуры. В качестве дополнительного материала к исследованию были привлечены этнографические данные, собранные автором с 2006 по 2019 г. в Вачском, Дивеевском, Кстовском, Княгининском районах Нижегородской и прилегающей территории Кадынского района Костромской областей. Этнографический материал был собран с использованием методов полевых исследований, в частности наблюдения и интервьюирования.

Для достижения основной цели исследования базовый этнографический материал был проработан с использованием сравнительно-исторического метода, что позволило представить динамику исторического развития традиционной пляски с конца XIX до второй половины XX в. Применение структурно-функционального метода сделало возможным определение основных функций плясовой культуры в жизнедеятельности сельского общества исследуемого периода. Социокультурный анализ показал характер организующего влияния народной пляски на процессы формирования этнической идентичности и национального самосознания русского народа.

В процессе работы над статьей был проведен историографический анализ научных трудов, который дал возможность получить большое количество теоретико-методологического и фактологического материала по рассматриваемой проблеме.

Результаты

В современной русской лексике для описания народной хореографии в одинаковом значении используются два разных по этимологии слова «танец» и «пляска». Немецкое по происхождению слово «танец» появилось в России в XVIII в. вместе с ев-

ропейскими бальными танцами. По данным современных этимологических словарей, оно восходит к старофранцузскому *dancier* (от *danson* «тянуть», «вытягиваться», «выстраиваться в линию») [24, с. 227]. Слово «пляска» берет начало от древнерусской формы *пласати*, которая имеет общеславянское происхождение (от старославянского слова *пласати*, близкого к *плескати*, что значит «хлопать, щелкать, шлепать, рукоплескать»¹. «Танец» и «пляска» стали употребляться как синонимы в толковых словарях русского языка с конца XIX в.

Результаты полевых исследований показали, что современные сельские жители старшего поколения до сих пор употребляют слова «танец» и «пляска» для обозначения разных по сути явлений. Так, описывая заведенную последовательность хореографических жанров в праздничном гулянье, наши информанты часто подчеркивали, что «сначала идут танцы, а потом уже плясня»². Житель д. Тонково Городецкого района 1940 г. р., вспоминая послевоенное время, рассуждал на эту тему так: «Танцов у нас не было. “Шестерка” была игра – плясали. Надумают плясать, парень-то приглашает девушку, мол, давай плясать “Шестерку”. Вот пляшут. А была еще пляска “Страдания” – это уже девушки плясали»³. Информант 1933 г. р. из д. Бастраново того же района, вспоминая о довоенном гулянии на Иванов день, которое он видел, будучи еще ребенком, говорил: «Нет, танцов там не было, обыкновенно пляшут. Там луговина большая, берут бутылку, там магазины при-

езжают, пошла плясня и все»⁴. Информанты послевоенных годов рождения также разделяют между собой понятия «танец» и «пляска»: «У нас клубы были, там вот пластинки крутили, вот и танцевали с девушками, а плясать не плясали»⁵. «В клубе, когда уж мы ходили, плясать не плясали, только танцы были»⁶. «Девчонкой я танцевала, а плясать начала только в замужестве»⁷. «Танцевать» означает двигаться по правилам, совершать выученные действия, или па. В этом отношении «пляс», «пляска» противоположны «танцу»: они «естественны», не требуют заучивания и считаются более спонтанными.

В целом смысловое значение слов «танец» и «пляска» в лексике наших информантов можно представить следующим образом. «Танцами» они, как правило, называли пришедшие в деревенскую культуру из города так называемые парно-бытовые танцы (краковяк, падеспань, тустеп, полька и др.), а также более поздние популярные версии бальных танцев: вальса, фокстрота, танго. Слово «пляска» наши респонденты употребляли для обозначения праздничной или обрядовой телесной пластики (сольной, парной, групповой), основанной на традиционных «проходках» (шагах разного типа) с индивидуальным набором ритмических движений: хлопков, притопываний, мазков, присядок и т. д. В отличие от танца, тяготеющего к синхронизации, где выученные движения совершаются по правилам («в танцах все выстраивались по парам, все должно было делаться слаженно»⁸), пляска была более ориентирована на индивидуаль-

¹ Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 2: Н-Я / сост. А. К. Шапошников. М., 2010. С. 142.

² Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2019 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁴ ПМА, 2021 г., д. Бастраново, Городецкий район Нижегородской области.

⁵ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁶ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁷ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁸ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

ность, естественность, спонтанность исполнения – «в пляске у каждого плясуна был набор своих качественных движений: финты, коленца всякие, а без этого никак». «Каждый по-своему плясал, со своими всякими штуками там, коленцами».

В народе пляска всегда связывалась с определенным состоянием, безудержным весельем, эмоциональным выплеском, ликованием. Согласно Ю. М. Лотману, если в танце, особенно бальном, порядка больше, чем свободы, то в пляске, наоборот, свободы больше, чем порядка [10, с. 85–86]. Виктор Викторович Чететкин 1953 г. р., уроженец с. Дальнее Константиново, ныне заслуженный артист балета, а когда-то лучший плясун на деревенских гуляньях (его пляску старожилы вспоминают до сих пор), объяснял нам отличие пляски от танца так: «Танец, он уже правильно, культурно поставленный, а пляска – это удаль! Но удаль такая азартная, хорошая»⁹.

Опираясь на имеющийся в нашем распоряжении полевой материал и выводы большинства исследователей, можно сказать, что пляска – это индивидуальный чувственный посыл, выраженный на языке традиционной пластики, телесно-эмоциональная передача некоего этнически окрашенного смысла, «семиотической предпосылкой которого является движение тела в единстве с движением души» [5, с. 82]. Именно поэтому наиболее выразительной и запоминающейся была пляска зрелых, как говорили наши информанты, «взрослых» (замужних или женатых) исполнителей, которые не просто хорошо владели техникой пляски, но могли свободно «говорить» на этом языке. «У нас здорово плясали, но одна только

женщина запомнилась. Она вышла замуж из другой деревни. Ну, это пляска, знаете, особенная. Я недавно вспоминала. Она плясала с разными выходами. И вся она показывала всякие кренделя, что ли. Как она плясала!»¹⁰. «Когда на Заговенье гуляли, родня приезжала, там все пляшут, и бабенки пляшут, и мужики пляшут, все только замужние. Такие плясуны были, что вот завидно было, и мы подделывались под них. На Николином ключе была одна, уж такая плясуниха, так хорошо она плясала, я вот ее помню»¹¹. «У меня отец уж больно хорошо плясал. У него вот чуб такой был. Он, когда выходил плясать, вот как-то так тряхнет головой, и уже от него глаз оторвать было нельзя, сапоги гармошкой, выходка у него такая была, даже не знаю, как объяснить»¹².

Язык пляски осваивался человеком по мере его взросления. Этот процесс обусловливался традицией, которая продолжала регулировать общественные отношения в сельском социуме вплоть до конца XX в.

Знакомство с пляской происходило в раннем детстве: «Еще в школу не ходили, мы уже это все впитывали»¹³. По мнению наших информантов, пляска была совершенно естественным, доступным и необходимым навыком для всех членов сельского сообщества – «плясали все». Например, одна из наших собеседниц сравнивала умение плясать с умением плавать: «И плавать, и плясать учились от других; вот, другие пляшут, мы с них пример берем и тоже пляшем»¹⁴. Другая респондентка на вопрос, как она училась плясать, отвечала: «Учились самоучкой, на других смотришь и пляшешь»¹⁵. Многие участницы опроса,

⁹ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

¹⁰ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

¹¹ ПМА, 2021 г., д. Мошкино, Городецкий район Нижегородской области.

¹² ПМА, 2019 г., д. Чернышево, Кадейский район Костромской области.

¹³ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

¹⁴ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

¹⁵ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

демонстрируя достойные навыки пляски, не могли вспомнить, как и при каких обстоятельствах они научились плясать: «Да само как-то получалось, я даже Вам и не скажу, когда училась»¹⁶ или «Чего учиться-то, если на улице все плясали. Еще в школу не ходили, мы уже это все впитывали»¹⁷.

Для подростка постижение даже начальных основ пляски было одним из способов социализации, пропуском в более престижную, молодежную страту. Для многих первая публичная пляска становилась настоящим испытанием, своеобразной инициацией. Информантка из Княгининского района вспоминает о первом выходе на круг так: «Мы очень стеснялись выходить. Мы с подругой вышли, прям быстро-быстро у порога сплясали в первый раз. Скомкано так было, стеснялись мы с ней. Сплясали, спели-то как-то непонятно, все быстро как-то было. Волновались очень-очень»¹⁸.

Первая пляска подростка была сродни первому слову ребенка, это была первая самостоятельная заявка старшему социуму о себе: «Я могу говорить!». Для того чтобы говорить на языке пляски уверенно, отдельными фразами, требовалась серьезная тренировка. В Дальнеконстантиновском районе этот процесс носил тайный, даже сакральный характер: «Девочки младшие просили кого-то из старших и гармониста, уходили в дол, брали табуретку и учились плясать, дробы учили. Было очень важно, чтобы никто не видел»¹⁹. Умение плясать сразу повышало общественный статус исполнителя или исполнительницы и давало целый ряд преимуществ перед сверстниками: «Такую гармонист брал на поси-

дёнку или танцы, там были глядельщики, бабы, которые приходили поглядеть. Тут и был самый торжественный момент: из неумехи девочка превращалась в плясунью, глядельщики только удивлялись: “И когда научилась?!” Это был сюрприз, чтобы никто не знал, что она учится»²⁰. По данным, приведенным в книге И. А. Морозова и И. С. Слепцовой, у северорусских крестьян уже в конце XIX в. «умение бойко и ловко “выкамаривать” стало важным достоинством не только “добра молодца”, как это было в старину, но и девушки» [12, с. 174–175]. Аналогичные данные, также относящиеся к концу XIX в., приводит в своей работе М. М. Громыко: «Парень, хорошо танцующий, в чести у девушек и выделяется среди других как зачинщик разных плясок и игр. Среди девушек хорошая плясунья занимает всегда первое место, и парни ее отличают от других» [4, с. 16].

В пляске, как и в труде, сразу были видны физические достоинства и недостатки молодого исполнителя, особенно исполнительницы. Например, долго отбивать дробы было под силу лишь девушкам с сильными ногами, плавное и ровное кружение предполагало хороший вестибулярный аппарат, женская присядка требовала развитого пресса и т. д. В с. Татарское Дальнеконстантиновского района до сих пор помнят девушку, которая умела очень долго кружиться и одновременно «дробить» (отбивать чечетку). Со слов наших информантов, именно за это «ее все уважали»²¹. В своем исследовании И. А. Морозов и И. С. Слепцова пишут: «Пляска рассматривалась в целом ряду “полезных” действий,

¹⁶ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

¹⁷ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

¹⁸ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

¹⁹ ПМА, 2020 г., д. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

²⁰ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

²¹ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

приравнивалась по своим свойствам к работе: в традиционном понимании эти понятия были тесно взаимосвязаны. Скажем, подростков при обучении молотье наставляли: Если молотить не научишься, то и плясать не научишься. А если молотить научишься, то и плясать научишься» [12, с. 172]. Возможно, именно публичная пляска позволяла старшему поколению представить молодого человека или девушку (в будущем потенциального члена семьи) в работе, что всегда учитывалось при выборе пары.

И девушки, и парни в одинаковой степени старались показать готовность к браку, «продемонстрировать молодецкую удаль и девичью грациозность» [12, с. 171] в пляске. В девичьей «выходке» такое целеполагание могло открыто заявляться частушкой:

*Пошла плясать,
Свою выходку казать.
Вот и я, вот и я!
Вот и выходка моя!*²²

Такая заявка была обращена не столько к сообществу сверстниц, сколько к аудитории «глядельщиков» (взрослых наблюдателей), «в этот ответственный момент зачастую определялась репутация молодых людей, причем важную роль здесь играли старые женщины» [12, с. 172]. Если первый выход молодой дебютантки был успешен, она приобретала статус невесты: «Считай, у нее уже кавалер обеспечен, талант есть, таких в первую очередь замуж брали, кто хорошо пляшет, боевых»²³.

По пляске девушки судили о ее здоровье, природной полноценности и эмоциональной зрелости; пляска парня демонстрировала физическую силу, смелость, азарт, смекалку, настойчивость. Пляска ребят

состояла из множества сложных плясовых движений – «финтов», которые часто напоминали настоящие акробатические трюки. Их подготовка также была тайной и была сродни изобретательству: каждый стремился придумать такой «финт», который никто не смог бы повторить. Гармонист из Вачского района вспоминал: «Парни уходили в лес и там даже подкладывали тарелки под живот, чтобы лежа научиться плясать»²⁴. Насыщенная сложными силовыми «финтами» пляска молодых ребят в большей степени являлась вызовом сообществу сверстников, своеобразным задиранием. В Нижегородской области пляска молодых парней очень редко сопровождалась частушками, обычно мужчины пели частушки во время проходов по селу (деревне). Однако несколько плясовых частушек, которыми могла сопровождаться пляска молодых ребят, нам удалось записать. В качестве примера приведем одну из них, на наш взгляд, наиболее выразительную:

*Эй, товарищ мой товарищ,
Здоровенна харища.
Выходи, не подводи
Своего товарища*²⁵

Пляска парней была в первую очередь коммуникацией конфликта, способом открытого соперничества. По воспоминаниям гармониста Благодатина, в Вачском районе в 1950-е гг. пляска парней всегда была состязанием. Такие состязания устраивались обычно в самом начале гулянья, их результат определял заводящую пару в кадрили²⁶. М. Н. Тарасов, гармонист из с. Суворово Дивеевского района, рассказывал, что в его молодость, а это 70-е гг. XX в., парни вообще начинали плясать только в конфликтных ситуациях. Плясали «по-петушину»,

²² ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

²³ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

²⁴ ПМА, 2006 г., с. Арефьино, Вачский район Нижегородской области.

²⁵ ПМА, 2006 г., д. Большое Лебедево Кстовского района Нижегородской области.

²⁶ ПМА, 2006 г., с. Арефьино, Вачский район Нижегородской области.

сцепив руки за спиной»²⁷; обычно такая пляска вспыхивала перед дракой «один против одного». Думается, что подобную пляску можно отнести к отголоскам описанного А. М. Михнецовым обряда «приуготовления» к бою, который служил для включения человека в реальность экстремальной ситуации. Г. Н. Базлов называет такой пляс «военным танцем, после которого, по логике обряда, должны начаться военные действия» [1, с. 138]. Таким же образом можно определить и пляску призывников у военкомата в Дальнеконстантиновском районе, где парни крайне редко плясали на гуляньях и праздниках, однако регулярно плясали у военкомата, во время армейских проводов, когда на одной площади собирались молодежные артели из разных деревень. По рассказам информантов, каждая из них приходила со своим гармонистом, который и начинал (часто намеренно провоцировал) конфликт. Все гармонисты играли одновременно, стараясь перебить или заглушить друг друга, и девушки часто переходили плясать к гармонисту, который играл громче – «лучше». На пике конфликтной ситуации, оттеснив девушек, выходили плясать парни. Пляска носила провокационно-агрессивный характер, после нее всегда начиналась драка.

Для девушек пляска также могла стать публичным способом выяснения конфликтной ситуации. В этом случае на круг выходили вдвоем, их плясовой диалог усиливался хлесткими частушками, которые раззадоривали соперниц, но не главенствовали в плясовом поединке. Со слов наших информантов, в этих случаях частушка не пелась, а «отплясывалась»:

*Ты, подруга дорогая,
Становись со мной рядом,
Только ты не утирайся
Моим беленьким платком.*

Характер взаимодействия исполнительниц в девичьей пляске маркировался соответствующим ситуации наигрышем. Демонстрацией полного согласия между подругами могла быть пляска под наигрыши «Семеновна» или «Страдания». Выяснение отношений происходило под «Русского». При этом наши информанты всегда поясняли, что, в отличие от парней, девушки всё же соперничали в пляске «полшуткой»²⁸, не всерьез, так как, по деревенскому этикету, чувства «никогда не выставлялись напоказ».

Пляска парня и девушки, как и многие молодежные игры, «была направлена на выбор партнера и демонстрации устоявшихся пар» [12, с. 171]. По свидетельствам всех наших респондентов, на территории Нижегородской области во второй половине XX в. парни с девушками плясали очень редко, больше танцевали. Несмотря на это, пляска продолжала оставаться одним из способов публичного заявления о серьезности намерений. Так, информанты из Дальнеконстантиновского района рассказывали, что пригласить на танец можно было любую, но, если во время сольной пляски парень выходил к девушке на круг, он публично заявлял, что это его избранница.

В традиционной культуре русских крестьян строгая субординация в общении между разными половозрастными группами в той же мере распространялась и на плясовую коммуникацию. Так, во второй половине XX в. в северных заволжских районах области под строгим запретом оставалось участие в пляске детей: «Раньше дети не плясали. Боже упаси, чтобы он маленький-то плясал. Плясать начинали, как начинали гулять, до армии»²⁹. «Мы маленькие – нет, не плясали. Ходили, глядели, как плясали на свадьбу, на печи набьемся и

²⁷ ПМА, 2019 г., с. Суворово, Дивеевский район Нижегородской области.

²⁸ ПМА, 2019 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

²⁹ ПМА, 2021 г., д. Бастреново, Городецкий район Нижегородской области.

смотрим»³⁰. В Дивеевском районе до войны девушкам запрещалось плясать под наигрыш «Русского», который считался только мужским. Повсеместно было не принято, чтобы молодежь плясала, когда на круг выходили взрослые. Полностью исключалось участие молодежи в первом и втором днях свадьбы. В свою очередь, для взрослой части общества не считалось приличным участие в пляске на молодежных гуляньях.

Выход на круг взрослой части общества был обозначен особым статусным поводом. Так, отвечая на вопрос, по каким случаям могли плясать взрослые, все наши информанты единодушно и в первую очередь называли престольные праздники и свадьбы, когда съезжалась родня. «Плясали, это на престолах и свадьбах»³¹, «тут уже всё больше, когда родня собиралась, плясали, на свадьбах или на Троицу, и там дома, коли соберутся родные»³², «на престолах, наверное, уже больше плясали, ну и на свадьбах, конечно, когда родни много собиралось»³³.

Однако «не плясать» вовсе не означало исключение данной группы из общей коммуникации праздника или гулянья. Практически в каждом из перечисленных случаев, кроме, пожалуй, свадьбы, участие в них принимали все возрастные группы сообщества, разница была лишь в исполняемой ими коммуникативной роли. Например, в тех случаях, когда плясали старшие, молодые активно наблюдали, старались запомнить отдельные движения, особенности плясовой выходки. «Плясали на празднике замужние, выходили

на круг с пляской только замужние. Девочки тогда еще только ходили, смотрели, а не плясали там»³⁴. На молодежных гуляньях «глядельщики» – старшие члены общества – оценивали пляску молодых, открыто высказывали свое мнение по поводу исполнительства, а порой участвовали в организации: «Родители смотрели, как мы пляшем. Если понравилось, могли нас на празднике попросить сплясать»³⁵. «Мы снимали дом молодежь и гуляли, а родители, кто постарше, и крестные за нами следили, они глядели, как молодежь гуляет, были “глядельщики”»³⁶. «Напротив нашего дома, на пробеле у Киселевых лежали гладкие бревна, а перед ними утрамбованная молодежью площадка. Вечером сюда собиралась на танцы молодежь. “Глядельщики” – пожилые люди, брали табуретки и садились недалеко около домов»³⁷. «Наша была самая большая артель, была сорокового года. Березянские ходили к нам в школу и у нас посидёнки были. У меня мать любила, когда к нам приходили. Все меня просила: “Дочь, вы приходите к нам”, а я ей: “Ну, вот охота мне пол мыть!”, а она: “Я вымою, вы только приходите” – оне любили, наши матеря, на нас смотреть»³⁸.

В народной культуре XX в. слова «плясать» и «праздновать» стали почти синонимами. В конце концов пляска оттеснила медленные и протяжные хореографические жанры [12, с. 171] и во второй половине XX в. стала законным языком праздника и его главным маркером. «Если без пляски, не пляшут, это уж не праздник»³⁹. «Празд-

³⁰ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³¹ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

³² ПМА, 2021 г., д. Бастреново, Городецкий район Нижегородской области.

³³ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

³⁴ ПМА, 2021 г., д. Мошкино, Городецкий район Нижегородской области.

³⁵ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³⁶ ПМА, 2021 г., с. Новое, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³⁷ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³⁸ ПМА, 2021 г., с. Новое, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

³⁹ ПМА, 2021 г., д. Мошкино, Городецкий район Нижегородской области.

ник без пляски представить нельзя было, нет»⁴⁰. «Без пляски – это не праздник»⁴¹. «Без пляски нету праздника»⁴². «Уж такой обычай был, без пляски ни один праздник не обойдется»⁴³.

После революции в календаре русских крестьян появились новые праздничные даты, которые скорее встраивались в уже сложившуюся систему праздников, нежели противопоставлялись ей. Постепенно за ними закрепились праздничный статус, традиционные формы празднования и плясовая коммуникация. Так, в советской деревне второй половины XX в. на территории Нижегородской области пляской завершались проводы Масленицы, святочные посиделки и обходы ряженных, обряды троичко-семицкого цикла, Пасха, Октябрьская (7 ноября), сезонные колхозные торжества, престольные праздники и свадьбы.

Главными праздниками советской деревни во второй половине XX в. по-прежнему оставались престольные праздники. Коммуникация сельских престолов была нацелена на объединение в общем празднике уже не отдельных членов сельского сообщества, жителей одной территории (соседей, земляков, односельчан), а коренных родовых групп, вышедших из одного патронимического корня.

Со слов наших информантов, на престольный праздник родня приезжала «отовсюду»: из города, соседних деревень, других регионов. В каждом доме были гости, которые привозили с собой свои семьи и новую родню. «У нас был праздник летом,

божественный праздник Михайлов день. Вот в этот Михайлов день собирались все гости в эту деревню, всех созывали родных и близких, и гуляли целые сутки, вот тебе престольный праздник»⁴⁴. На время престольного праздника население деревни-именинницы увеличивалось в несколько раз, а сама она превращалась в настоящую творческую лабораторию. Здесь сельская молодежь впервые наблюдала и перенимала основы художественной, сценической пляски. «Из Сормова приезжал папин брат; он здорово плясал, уже так фигурно, с постановкой»⁴⁵. «У нас в семье старший брат Геннадий из армии, когда вернулся, он там научился хорошо плясать, и нас потом учил, даже “Яблочко” плясал»⁴⁶.

Годовое гулянье на престольный праздник, особенно в селе или большой деревне, представляло собой грандиозную музыкально-хореографическую постановку. Мы попытаемся восстановить ее на основе наиболее ярких и полных этнографических материалов, попавших в поле нашего зрения в ходе полевых изысканий.

Этапы, в которых разворачивалось действо, определялись региональными формами праздничной хореографии. Первым этапом было организованное шествие (ряды, караваны, проходки) родственных кланов по селу (деревне) с гармонью⁴⁷. «Престол был – все с гармониями ходили и там плясали». «С песнями караваном ходили. Бывало, вон оттуда идет караван и оттуда. В караване тут родня шла все с гармониями, все замужние большинство»⁴⁸. Главными

⁴⁰ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁴¹ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

⁴² ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁴³ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁴⁴ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁴⁵ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁴⁶ ПМА, 2021 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁴⁷ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁴⁸ ПМА, 2021 г., д. Мошкино, Городецкий район Нижегородской области.

исполнителями частушек и пляски в таких проходках были старшие представители больших семей. Здесь уже не было молодецкой агрессии и нарочитой состязательности, здесь было творчество. «На улицу выходят, каждая компания со своей гармошкой, вот тут и соревнования, кто какой финт придумает, кто как спляшет, тут главное больше внимания к себе собрать, это уже мастера, на них поглядеть все идут, из каждого дому»⁴⁹.

При встрече двух проходок часто вспыхивала пляска, останавливались, делали круг, на который выходили представители той и другой проходки, и начинался пока еще разминочный перепляс; их сменяли следующие участники с той и с другой стороны. «Как вышли, так и пошли из одного конца в конец гулять, могли под любым окошком плясать, никто не ругался, пляшите, пойте, ведь в каждом доме такие гулянья были»⁵⁰. Пляска перед окнами дома родственников второй или третьей линии могла означать приглашение его обитателей присоединиться к пляске, а потом – и к проходке. В целом обстановка, которая возникала в этом момент на деревенской улице, по мнению наших информантов, сравнений не имела. Отовсюду слышались частушки, вдоль улиц двигались торжественные шествия, у каждого дома «шла плясня». «На престол! Это такое было! Это и представить теперь невозможно. Вон со всех концов с гармониями шли, плясали, пели, то вот был праздник»⁵¹. «Это было чудо, скажу я Вам, настоящее чудо, как у нас на Николу гуляли, ведь от каждого дому с гармонью шли, это и рассказать не расскажешь, как было»⁵². «Там и плясня

была. Караваном идут, поют песни»⁵³. «На престол тут у каждого дома пляшут, много гостей, из города приезжали»⁵⁴.

Постепенно все компании приходили к традиционному месту сбора, где всегда проходили гулянья на престольный праздник, – «гуляное место» (с. Хвощевка Богородского района). Это могла быть «заповедная» роща, луговина около почитаемого родника, берег реки, дол за селом и т. д. На месте все в первую очередь выпивали и закусывали – сначала сами, а потом с соседями (с теми, кто расположился рядом), общались, и в «какой-то момент» начинали плясать.

Праздничная пляска взрослых членов сообщества была обусловлена не только выходящим за рамки обыденности поводом, но и особым эмоциональным состоянием, которое можно охарактеризовать как состояние праздности, расслабленности, полной отстраненности от будничных забот, когда ритм тела задается порывом души, «душа поет». Так, во время сбора этнографического материала информанты (особенно мужчины) легко и с удовольствием показывали колена кадрилей, парно-бытовые танцы, игры, но крайне редко соглашались плясать, ссылаясь на то, что нужен «кураж», праздник или хотя бы выпить. «Выпьешь, так захочешь плясать. Я трезвый-то не плясал никогда и не пляшу... тут плясал на свадьбе, ну так я опять плясал поддатый»⁵⁵. В осмыслении наших собеседников опьянение не просто временно отстраняло празднующих от работы, но полностью и гарантировано исключало их из нее. «Выпьешь, так какой ты работник, а плясать, пожалуйста,

⁴⁹ ПМА, 2019 г., р. п. Дальнее Константиново, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁵⁰ ПМА, 2009 г., с. Большое Лебедево, Кстовский район Нижегородской области.

⁵¹ ПМА, 2015 г., с. Помра, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁵² ПМА, 2018 г., с. Муравьиха, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁵³ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁵⁴ ПМА, 2009 г., д. Большое Лебедево Кстовского района Нижегородской области.

⁵⁵ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

пляши»⁵⁶. «Там, где Иванов день гуляли, луговина большая, берут бутылку, там магазины приезжают, пошла плясня, и все»⁵⁷. Непременное распитие горячительных напитков от стола к столу, от компании к компании во время праздника уходит своими корнями к более ранней традиции пивных складчин. Эта часть праздничной культуры является тактильной формой приобщения к празднику, кульминацией которого выступает пляска. «Пляшут все, и пляшут, и пляшут. Кто не пляшет, было плохо, все говорили: “Давай мы тебе сейчас нальем, и пляши”»⁵⁸. «Чай, мы выпивали, помаленечку, но выпивали. А то, как же, выпьешь, осмелеешь, тут и плясать выходишь»⁵⁹. «Вот мы недавно вспоминали, как на Покров мы приходили уже с бутылкой самогонки, там женщины пельменей приносили, и сала соленого, и пироги. И вот все приносили вечером, и, естественно, гармонь, по чуть-чуть выпьем, сразу девки забалдели, вставали в круг и “Сормача” запели, а потом уже выпендривались (плясали)»⁶⁰. Одна из наших собеседниц вспоминала: «Мама мне рассказывала: идут с гармонью мимо нашего дома, а у нас гармони не было, а мама моя плясунья была, бабушка-то ей и говорит, маме-то: “Люська, на-ка, выпей сто грамм да иди, пляши, вон идут с гармонью-то”. И мама пошла...»⁶¹.

Если пляску можно смело назвать маркером деревенского праздника XX в., то маркером праздничной пляски этого периода так же смело можно назвать гармонь: «Пляска – это всегда гармонь, где гармонь,

там и праздник, и там пляшут»⁶². В деревнях северных заволжских районов области даже в послевоенное время в ходу были в основном балалайки. Гармонисты приезжали сюда только на большие, престольные праздники. Здесь для пляски ничего более и не требовалось, «лишь бы гармонь играли, а народ поддержит». Одна наша респондентка из такой деревни Городецкого района говорила о послевоенном времени: «Вот мое мнение, как по моим родителям, лишь бы гармошка заиграла. Заиграла, и запели, и заплясали, и все пошло»⁶³. В то же время в правобережном Дальнеконстантиновском районе, имевшем более тесную связь с городом, почти в каждой деревне были умельцы, изготавливающие мастеровые гармони. Здесь на праздниках предпочтение отдавалось гармониям лучшего, особого звучания. «Гармони были с “заёмом”, это на одну клавишу нажимаешь, и сразу восемь голосов звучит, а три, то двадцать четыре сразу. Такая сила, девки сразу пляшут»⁶⁴. По мнению самих гармонистов, настроение пляске всегда задавала гармошка, тем более если играл самородок-профессионал. В этом случае, особенно если речь шла о сольной пляске, главная коммуникация выстраивалась уже между исполнителем пляски и гармонистом. Это могло быть совместное творчество, а могло быть и соперничество. Как сказал нам один из местных гармонистов: «Еще переспорить нужно было гармонь-то, чтобы по-своему сплясать»⁶⁵. Безусловно, на такой поединок был способен только очень уверенный в себе испол-

⁵⁶ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁵⁷ ПМА, 2021 г., д. Бастреново, Городецкий район Нижегородской области.

⁵⁸ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁵⁹ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁶⁰ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁶¹ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁶² ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁶³ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁶⁴ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁶⁵ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

нитель. Здесь «финтов» было явно недостаточно, и в силу вступали жизненный опыт и мастерство владения плясовой лексикой. Для молодежи это был один из тех запоминающихся на всю жизнь эпизодов, примеры которых мы приводили в самом начале статьи. Увидеть такую пляску, за редким исключением, можно было только раз в году – на престольном празднике.

Начинали пляску, как правило, женщины. Сначала плясали внутри своей компании, потом компании объединялись, круг расширялся, и в конце концов объединял в себе всех собравшихся. Пляска становилась механизмом всеобщей консолидации, через которую, как писала Л. А. Тульцева, «воплощались идеи всеобщности, всепраздности» [21, с. 143]. «Ой, там уже все плясали, и старый, и малый»⁶⁶. «Все вместе пляшут, всяко пляшут, кто как сумеет»⁶⁷. «Плясали на таках гуляньях уже все подряд, и старый, и молодой. Бывало, у дяди Гриши борода до пупка в разны стороны вот так раздувается, а все равно пляшет, все равно трясется»⁶⁸. «Редкий мужик усидит, веселье-то, знаешь, какое было, не то, что сейчас. А раньше-то с бородой, а он все равно трясется под гармошку»⁶⁹.

Кульминация общего праздничного веселья начиналась с выхода на круг взрослых мужчин: «Это только на празднике мужчины плясали»⁷⁰. «Мужики у нас мало плясали, разве что только на больших праздниках»⁷¹.

На рубеже XIX–XX вв. мужская составляющая имела в народной плясовой культуре ключевые, основополагающие позиции. Ее можно было увидеть во время мужских

помочей, братчин, боевых состязаний и т. д. [4, с. 132–146]. Во второй половине XX в. мужская пляска стала прерогативой больших годовых праздников: «Вот когда на празднике, гулянье когда, там плясали мужики»⁷². А. И. Шилин отмечает, что изначально «пляска была преимущественно мужским жанром» [22, с. 179]; после Великой Отечественной войны мужское исполнительство уступило место женскому. Вспоминая праздничную жизнь послевоенной деревни, наши информанты говорили: «Все женщины больше плясали у нас, там мужиков-то и не было почти, в основном молодежь»; «Здесь бывало, что и плясали, но больше, наверное, пели, как-то не до плясок было, чего тут, одни вдовы за столом сидели»; «Фронтовики-то не плясали, их человека три пришло, да оне все инвалиды были, немного пожили, да и померли»⁷³. Информант из Кстовского района вспоминал свои детские впечатления от первого послевоенного гулянья на Троицу, на которое до войны собиралось более десяти деревень: «Чего там плясать, пришли все, как посмотрели, кто вернулся, завывли и разошлись»⁷⁴. Для мужской плясовой традиции война стала непреодолимым «водоразделом» – точкой невозврата. Именно в военные и послевоенные годы традиционно мужскую «песнепляску» – «Русского», «упоминание о которой мы находим еще в бытописательной литературе XVIII в.» [22, с. 177], начали плясать женщины. И все же национальное, гражданское и историческое значение мужской пляски раскрылось именно в годы Великой Отечественной войны.

⁶⁶ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁶⁷ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

⁶⁸ ПМА, 2021 г., д. Драчиха, Княгининский район Нижегородской области.

⁶⁹ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁷⁰ ПМА, 2021 г., д. Савино, Городецкий район Нижегородской области.

⁷¹ ПМА, 2020 г., с. Татарское, Дальнеконстантиновский район Нижегородской области.

⁷² ПМА, 2019 г., с. Суворово, Дивеевский район Нижегородской области.

⁷³ ПМА, 2021 г., д. Тонково, Городецкий район Нижегородской области.

⁷⁴ ПМА, 2006 г., д. Большое Лебедево Кстовского района Нижегородской области.

В 1945 г. русскую народную праздничную пляску, во всем многообразии локальных вариантов мужского исполнительства, увидит вся Европа. Свидетельством тому являются кадры хроники, воспоминания ветеранов и документальные факты. А. А. Климов вспоминает: «В День Победы в Берлине, на ступеньках дымящегося рейхстага советские офицеры и солдаты плясали именно “Барыню”, и каждый выходящий на пляску громко кричал, делая своеобразную заявку: “Мы из Тулы!”, “Мы из Вологды”, “Мы из Воронежа” и т. д.» [8, с. 108]. Через публичное заявление места своего рождения с местоимением «мы» каждый выходящий на круг солдат торжествовал о Победе в своей родной плясовой лексике. В этой победной пляске он устанавливал связь с малой родиной, говорил от имени своих близких, родных, односельчан, приобщая их к своему празднованию. Г. К. Жуков, вспоминая обстоятельства подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, писал: «Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал “русскую”»⁷⁵.

После Победы на всей территории Советского Союза национальная мужская пляска, в первую очередь русская, стала маркером этничности победителей. Русская народная пляска пропагандировалась в творческой деятельности ансамблей песни и пляски военных округов, флотов, групп войск, все чаще исполнялась героями художественных фильмов, без нее не обходился ни один праздничный концерт. На этой культурной почве в среде русской сельской молодежи военных и послевоенных годов рождения формировалась новая традиция мужского исполнительства, влияние на которую в одинаковой степени оказывали и

аутентичная пляска старшего поколения, и армейская художественная самодеятельность, и образы пляшущих героев с киноэкрана. Новую плясовую традицию отличали доступность, простота плясовой лексики, сглаженность локального колорита, универсальность. Именно эти качества позволили русской народной пляске стать национальным символом советской эпохи.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Русская народная пляска как особый эмоционально-чувственный язык, выраженный в этнической телесной пластике, за известный исторический период претерпела целый ряд изменений. Как предполагает ряд исследователей, первоначально пляска имела ритуально-культовое значение, получила развитие в рамках мужской боевой традиции, использовалась в продуцирующих обрядах календарного и свадебного циклов. В XX в. коммуникативный потенциал пляски направился внутрь социума, крестьянской общины, сельского сообщества. На языке пляски начали осуществляться социализация подростков, индивидуальная и групповая коммуникация внутри молодежной страты, регламентировались общественные нормы поведения, реализовалась межпоколенческая преемственность. Пляска стала универсальным языком праздничного общения. Плясовая коммуникация позволила организовать особое чувственно-эмоциональное пространство праздника, в котором одновременно актуализировалось и локальное, и этническое самосознание. Национальное самосознание приобрело выразительность в русской народной пляске после Победы в Великой Отечественной войне. Оно актуализировалось во всех формах ее бытования (молодежное гулянье, сельский праздник, художественная самодеятельность, эстрада,

⁷⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 672.

хореографическое искусство, кино, театр). Многократно отмеченная национальная выразительность народной пляски этого периода является следствием открытого взаимодействия всех этих форм.

Этнокультурное значение пляски в жизни сельского сообщества второй половины XX в. может быть проиллюстрировано кульминационной фазой годового

сельского праздника, где пляска мужчин – продолжателей рода, наследников победителей и защитников Отечества вносит в общее эмоциональное единение окончательный, жизнеутверждающий и архаический по своей природе смысл, провозглашая право всех собравшихся родовых групп на жизнь и почитание предков на своей земле.

Список источников

1. Базлов Г. Н. Традиции костюма кулачных бойцов // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 177–183.
2. Белых В. И., Донская Т. К. Объединяющая сила русского танца // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 4. С. 49–56.
3. Голейзовский К. Я. Образы русской народной хореографии. М.: Искусство, 1964. 368 с.
4. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
5. Диванян О. Г. Семиотические предпосылки языка танца: социально-философский аспект // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 77–83.
6. Джиоти К. Н. Танец как метод общения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 3. С. 239–243.
7. Карпенко В. Н., Карпенко И. А., Татаринцев А. Ю. Характерные отличительные черты форм русского народного танца, его стили и жанровые разновидности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3. С. 233–237.
8. Климов А. А. Основы русского народного танца. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та культуры и искусства, 2004. 316 с.
9. Кособуцкая Н. И. Народный танец: Социокультурные характеристики и функции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2018. № 1. С. 76–82.
10. Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
11. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Коллективная этническая ментальность и коллективная этническая телесность в психологическом содержании этнической идентичности // Вестник Омского университета. 2016. № 4. С. 9–17.
12. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
13. Морохин В. Н. Сквозь огонь Великой битвы. Устное народное творчество нижегородцев времен Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 1995. 185 с.
14. Нилов В. Н. К проблеме исследования русского народного хореографического искусства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства. 2018. № 4. С. 89–95.
15. Полякова Е. А., Молявко А. Г. Советские самодеятельные хореографические коллективы: формирование и развитие // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2022. № 1. С. 37–48.
16. Пушкарев Л. Н. Очаги бытования фольклора и методика работы фольклориста-фронтовика // Via in tempore. История. Политология. 2010. № 7. С. 188–194.
17. Сироткина И. Е. Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 20-е годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. № 1. С. 153–164.
18. Сладнева Л. Н., Библин Е. П. Выразительность как составляющая телесной пластики // Культура. Духовность. Общество. 2002. № 2. С. 86–90.

19. Сохорева А. А. Танец как средство коммуникации в социокультурном пространстве // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 3. С. 258–261.
20. Ткачук М. А. К проблеме определения понятия «танец» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 94–103.
21. Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. М., 1999. Вып. 25. С. 157–210.
22. Шилин А. И. Традиция мужского исполнительства в русской народной хореографии // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика. Мужской фольклор. М., 2001. С. 177–183.
23. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «Телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 70–73.
24. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. Панцирь – Ящур. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.

References

1. Bazlov G. N. Traditions of the costume of fist fighters. *Muzhskoy sbornik* = Men's collection. Iss. 1. Man in traditional culture. Moscow, 2001: 177–183. (In Russ.)
2. Belykh V. I. Donskaya T. K. The Unifying power of Russian dance. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura* = The Science. Art. Culture. 2016; 4 (12): 49–56. (In Russ.)
3. Goleizovsky K. Ya. Russian Russian folk choreography images. Moscow, 1964, 368 p. (In Russ.)
4. Gromyko M. M. Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the XIX century. Moscow, 1986, 274 p. (In Russ.)
5. Divanyan O. G. Semiotic prerequisites of the dance language: socio-philosophical aspect. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2020; 2: 77–83. (In Russ.)
6. Jyoti K. N. Dance as a method of communication. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History. 2018; 3 (222): 239–243. (In Russ.)
7. Karpenko V. N., Karpenko I. A., Tatarintsev A. Yu. Characteristic distinctive features of the forms of Russian folk dance, its styles and genre varieties. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* = Russian Journal of the Humanities. 2015; 3: 233–237. (In Russ.)
8. Klimov A. A. Fundamentals of Russian folk dance. Moscow, 2004. 316 p. (In Russ.)
9. Kosobutskaya N. I. Folk dance: Socio-cultural characteristics and functions. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* = Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2018; 1(53): 76–82. (In Russ.)
10. Lotman Yu. M. Pushkin's novel "Eugene Onegin": Commentary. Leningrad, 1980, 416 p. (In Russ.)
11. Milcharek T. P., Milcharek N. A. Collective ethnic mentality and collective ethnic physicality in the psychological content of ethnic identity. *Vestnik Omskogo universiteta* = Bulletin of Omsk University. 2016; 4: 9–17. (In Russ.)
12. Morozov I. A., Sleptsova I. S. Circle of the game. A holiday and a game in the life of a North Russian peasant (XIX–XX centuries). Moscow, 2004, 920 p. (In Russ.)
13. Morokhin V. N. Through the fire of the Great Battle. Oral folk art of Nizhny Novgorod residents during the Great Patriotic War. Nizhniy Novgorod, 1995, 185 p. (In Russ.)
14. Nilov V. N. On the problem of the study of Russian folk choreographic art. *Kul'tura i obrazovaniye nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstva* = Culture and education scientific and informational journal of universities of culture and Art. 2018; 4 (31): 89–95. (In Russ.)
15. Polyakova E. A., Molyavko A. G. Soviet choreographic amateur groups: formation and development. *Uchenyye zapiski (AGAKI)* = Uchenye zapisi (AGAKI). 2022; 1(31): 37–48. (In Russ.)

16. *Pushkarev L. N.* Foci of folklore existence and methods of work of the folklorist-front-line soldier. *Via in tempor. History. Political science.* 2010; 7(78): 188–194. (In Russ.)
17. *Sirotkina I. E.* Dancing according to the instructions: creating a “Soviet mass dance” in XX. *Vestnik Permskogo universiteta* = Bulletin of Perm University. Ser. History. 2019; 1(44): 153–164. (In Russ.)
18. *Slyadneva L. N., Biblin E. P.* Expressiveness as a component of bodily plasticity. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* = Culture. Spirituality. Society. 2002; 2. (In Russ.)
19. *Sokhoreva A. A.* Dance as a means of communication in the socio-cultural space. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* = Scientific records (AGAKI). 2017; 3 (13): 258–261. (In Russ.)
20. *Tkachuk M. A.* On the problem of defining the concept of “dance”. *Oikumena. Krayevedeniye* = Oikumena. Regional studies. 2011; 2 (17): 94–103. (In Russ.)
21. *Tultseva L. A.* Patronal feast in the picture of the world (mirocolice) of an Orthodox peasant. *Rasy i narody: sovremennyye etnorasovyye problemy: yezhegodnik* = Races and Peoples: Modern Ethnic and racial problems: yearbook. Moscow, 1999. Iss. 25: 157–210. (In Russ.)
22. *Shilin A. I.* The tradition of male performance in Russian folk choreography. *Muzhskoy sbornik* = Men's collection: Iss. 1. Man in traditional culture: Social and professional statuses and roles. Power and authority. Men's paraphernalia. Male folklore. Moscow, 2001: 177–183. (In Russ.)
23. *Tsvetus-Salkhova T. E.* “Body” and “Physicality” in cultural studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University. 2011; 351: 70–73. (In Russ.)
24. *Chernykh P. Ya.* Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols. Vol. 2.: *Pantsir FMD*. Moscow, 1999. 560 p. (In Russ.)

Поступила 14.04.2023.

Сведения об авторе

Гальцева Ольга Валерьевна – заведующий сектором этнографии, Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Нижний Новгород, Россия). Сфера научных интересов: этнология и антропология народов России, праздничная и обрядовая культура. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>.

E-mail: ol.galczewa@yandex.ru

Submitted 14.04.2023.

About the author

Olga V. Galtseva – Head of the Ethnography Sector of the Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve (Nizhny Novgorod, Russia). Research interests: ethnology and anthropology of the peoples of Russia, festive and ceremonial culture. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>.

E-mail: ol.galczewa@yandex.ru

УДК 338.45(470.5)

А. В. Слудных

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*

Развитие Уральского оптико-механического завода во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в социокультурном контексте

Аннотация

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях становления постиндустриального общества изучение социокультурных факторов развития оптики позволит дополнить целостную картину позднеиндустриальной модели российской индустриальной модернизации.

Материалы и методы. Методологической основой исследования стала теория модернизации, которая предполагает учет не только экономических, но и социальных, культурных и личностных факторов промышленного развития.

Результаты исследования. Социокультурный контекст развития предприятия во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. соответствовал тенденциям позднеиндустриального развития. Предприятие активно взаимодействовало с широким кругом НИИ, высших учебных и научных организаций. Социально-культурную инфраструктуру завода дополнили библиотека научно-технической литературы, поликлиника, спортзал, база отдыха, детский сад и пионерский лагерь для детей сотрудников. Возводилось жилье для работников завода. При заводском клубе работали кружки (хоровой, драматический) и оркестр. Ценность труда была важной частью этики рабочего класса. Судьбы многих работников Уральского оптико-механического завода являются яркой иллюстрацией механизмов социальной мобильности позднеиндустриальной эпохи и социальной солидарности социалистического общества.

Обсуждение и заключение. На микроуровне, на примере деятельности Уральского оптико-механического завода, показаны закономерности начавшейся в изучаемый период завершающей стадии индустриальной модернизации в оптической отрасли. Анализ осуществлен в контексте социокультурных процессов: с учетом развития системы подготовки кадров, социокультурной сферы предприятия, социалистического соревнования, движения новаторов и рационализаторов, взаимодействия науки и производства.

Ключевые слова: завод «Геофизика», завод № 217, Уральский оптико-механический завод, позднеиндустриальная модернизация, социокультурные процессы, социалистическое соревнование, движение новаторов и рационализаторов, подготовка кадров, наука.

Для цитирования: Слудных А. В. Развитие Уральского оптико-механического завода во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в социокультурном контексте // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 287–298. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.287-298.

Development of the Ural Optical and Mechanical Plant in the Second Half of the 1940s – mid 1960s in a Sociocultural Context

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is due to the fact that in modern conditions of the formation of post-industrial society, the study of socio-cultural factors in the development of optics will complement the holistic picture of the late industrial model of Russian industrial modernization.

Materials and Methods. The methodological basis of the study was the theory of modernization, which involves taking into account not only economic, but also social, cultural and personal factors of industrial development.

Results. Socio-cultural context of enterprise development in the second half of the 1940s – mid-1960s consistent with the trends of late industrial development. The enterprise actively cooperated with a wide range of research institutes, higher educational and scientific organizations. The socio-cultural infrastructure of Ural Optical and Mechanical Plant (UOMZ) was replenished with a library of scientific and technical literature, a hospital, a polyclinic, a gym, a recreation center, a kindergarten and a pioneer camp for the children of employees. Housing was built for factory workers. At the enterprise, there was a sponsored state farm, a greenhouse. Circles (choir, drama) and an orchestra worked at the factory club. The value of labor was built into the ethics of the working class. The fate of many UOMZ workers is a vivid illustration of the mechanisms of social mobility of the late industrial era and the social solidarity of a socialist society.

Discussion and Conclusions. At the micro level, using the example of the activities of the Ural Optical and Mechanical Plant, the regularities of the beginning of the final stage of industrial modernization in the optical industry are shown. This was done in the context of socio-cultural processes: the development of a personnel training system and production, the development of the socio-cultural sphere of an enterprise, socialist competition, the movement of innovators and innovators, the interaction of science.

Keywords: Plant “Geophysics”, Plant No. 217, Ural Optical and Mechanical Plant, late industrial modernization, socio-cultural processes, socialist competition, movement of innovators and rationalizers, personnel training, science.

For citation: Sludnyh A. V. Development of the Ural Optical and Mechanical Plant in the Second Half of the 1940s – mid 1960s in a Sociocultural Context. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 287–298. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.287-298.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях становления постиндустриального общества изучение социокультурных факторов развития оптики (на примере конкретного завода) позволит дополнить целостную картину позднеиндустриальной модели российской индустриальной модернизации.

В основу источниковой базы статьи положены материалы фондов заводского архи-

ва и Музея истории Уральского оптико-механического завода (УОМЗ). Использованы доклады директора завода, пояснительные записки, справки по итогам социалистического соревнования, воспоминания бывших работников предприятия, публикации в заводской газете «Большевицские темпы».

Впервые составить полную историю завода попытались в 2002 г. авторы юбилейного сборника «Уральский оптико-механический завод: под счастливой звездой» [3].

В 2014 г. было запущено издание серии работ «История завода – история людей». Первой вышла книга Р. М. Куренца, фронтовика, начальника сборочного цеха УОМЗ, почетного работника завода, проработавшего на предприятии 50 лет [4]. Развитие завода в военные и послевоенные годы освещено автором настоящей статьи в монографии по истории предприятия [7]. Использованы работы современных авторов о движении рационализаторов и изобретателей в СССР [8]. Сформировать методологические подходы к исследованию помогли работы А. Р. Белоусова [1], А. С. Сенявского и Т. М. Братченко [2], коллективные монографии ученых Института истории Уральского отделения РАН «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» (2000) [5] и «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие микро- и макро-процессов» (2011) [6].

Целью настоящего исследования стал анализ развития Уральского оптико-механического завода («Геофизика», завод № 217) во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в социокультурном контексте. Среди задач приоритетными стали следующие: исследовать признаки позднеиндустриальной модернизации в оптике в контексте развития социокультурной сферы предприятия; проанализировать проблемы в системе подготовки кадров для отрасли и пути их преодоления; выявить роль личностных факторов в развитии конкретного завода; исследовать взаимодействие завода № 217 с научно-исследовательскими и учебными центрами оптики; проанализировать роль социалистического соревнования, движения новаторов и рационализаторов в повышении производительности и качества труда в изучаемый период.

Материалы и методы

Опираясь на труды представителей ведущей научной школы в области гуманитарных наук Института истории и археологии

Уральского отделения РАН, исследование базируется на теории модернизации, с учетом развития социокультурной сферы и личностных факторов. Становление одного из предприятий оптико-механической отрасли рассматривается в контексте позднеиндустриальной модернизации оптической отрасли. Среди методов исследования важное место заняли нарративный подход; сравнительно-исторический метод; историко-социологический подход.

Результаты

Завод № 217 во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. развивался в соответствии с основными тенденциями третьей крупной модернизации – позднеиндустриальной. Ее исходным пунктом в технологическом отношении, по мнению авторов сборника «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века», было «преобразование процесса труда на основе научной инженерной организации. Возникает поточно-конвейерное производство, ориентированное на массовый выпуск стандартной продукции... Позднеиндустриальная модернизация привела к первому этапу НТР – соединению производительного труда с научным знанием» [5, с. 8].

В связи с постановлением Совета министров СССР от 1945 г. бывший московский завод № 217, эвакуированный на Урал, после войны остался в Свердловске. Предприятие было объединено с эвакуированным на Урал из Подмоскovie электромеханическим заводом, который в военные годы выпускал патроны, гильзы и пулевые сердечники.

Предприятие было подчинено образованному в 1946 г. на базе Наркомата вооружения Министерству вооружения СССР и стало главным предприятием оптико-механической промышленности Урала. По словам А. С. Сенявского и Т. М. Братченко, «модернизация в виде или на основе многочисленных, разнообразных по задачам реформ инициировалась и проводилась сверху, рос-

сийским государством, а иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития» [2, с. 91].

Хотя предприятие было в подчинении оборонного ведомства, в 1945 г. возобновился выпуск продукции гражданского назначения. Началась коренная перестройка производства. По генеральному плану реконструкции завода 1946 г. все цехи должны были разместиться на одной площадке, для чего были построены новые производственные корпуса. В 1948 г. министр вооружения СССР Д. Ф. Устинов утвердил новый устав завода [3, с. 115].

Завод № 217 способствовал восстановлению послевоенной экономики, выпускал геодезические приборы (нивелиры, теодолиты, тахеометры) для строек четвертой пятилетки. Первая партия теодолитов с завода № 217 была отправлена на восстановление Днепрогэса, а первый в стране фазовый дальномер с полупроводниковым излучателем, изобретенный и запущенный в производство на заводе, а также радиодальномер 1962 года выпуска использовались в исследовании Южного полюса.

Завод способствовал электрификации колхозов Свердловской области: на нем было налажено серийное производство выключателей для строящихся сельских электростанций. Завод выпускал также театральные бинокли, настольные лупы, игрушку «Оптик-конструктор» и т. д.

Завод активно взаимодействовал с научно-исследовательскими и учебными заведениями отрасли. Совместно с Уральским политехническим институтом им. С. М. Кирова завод проводил работы по изготовлению и внедрению новых высокопрочных материалов для приборных пружин; исследовательские и экспериментальные работы по созданию геодезического дальномера с применением лазера. Совместно с НИИ-48 проводились полигонные испытания блока КПП-1р, доработка прибора комплексного контроля.

Совместно со Свердловским научно-исследовательским и проектно-технологическим институтом машиностроения был получен 13-й класс чистоты поверхности под шкалу лимба из алюминиевого сплава «Азизаль» методом алмазного точения и последующей полировкой специальными пастами. Метод отличался простотой и не требовал высококвалифицированного труда. Был отработан режим ультразвуковой промывки деталей.

Завод № 217 активно сотрудничал с другими предприятиями своей и смежных отраслей. Проводились экскурсии специалистов завода на другие предприятия. В свою очередь завод № 217 посещали специалисты других предприятий. Происходил обмен чертежами приспособлений, станков, инструментов. Технические мероприятия освещались через ЦБТИ.

На заводе была создана и постоянно пополнялась библиотека научно-технической литературы. Ее фонд составлял свыше 38 тыс. экземпляров книг, она обслуживала более 3 тыс. читателей. На базе библиотеки совместно с бюро технической информации проводились лекции, семинары, технические информации, школы передового опыта, показы научно-технических фильмов.

Во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в промышленности СССР сохранялась проблема дефицита квалифицированных кадров. Многие специалисты погибли на фронте, воспроизводство рабочих и инженерно-технических кадров в годы войны шло тяжело. Низкая квалификация вызывала и проблему высокой текучести кадров на предприятии.

Уволенных работников в 1953 г. оказалось 82 % по отношению к принятым, тогда как в 1952 г. это отношение было 65 %. Главным мотивом увольнения являлись семейные обстоятельства (нехватка жилья, сложные социально-бытовые условия заводчан). В 1953 г. почти в 4 раза больше

стало переводов на другие заводы, выросло количество увольнений ради учебы¹.

На заводе проводилось повышение квалификации работников, обучение вторым профессиям. В 1953 г. были подготовлены 560 рабочих и 2 мастера. Повышение квалификации прошли 985 чел.: в стахановских школах – 273 чел. (28 %), на обучении вторым профессиям – 14 (0,01 %), на курсах целевого назначения – 253 (26 %), на производственно-технических курсах – 271 (27 %), на курсах и семинарах для инженерно-технических работников (ИТР) – 174 чел. (17%). 48 руководящих и инженерно-технических работников приняли участие в работе семинаров, научно-технических конференций, проводимых министерством, Домами техники в Москве, Ленинграде, Свердловске, а также институтами и Уральским филиалом Академии наук СССР (УФАН). Заочно обучались в институтах 23 чел., в заочных техникумах – 25 чел.²

Обеспеченность квалифицированной рабочей силой и ИТР в послевоенные годы стала несколько лучше по сравнению с 1930-ми гг. и военным периодом. На 1 января 1954 г. руководящих и инженерно-технических работников на заводе насчитывалось 519 чел. Из них 127 чел. (25 %) были дипломированными инженерами, 138 (27 %) – дипломированными техниками, 254 чел. (49 %) – специалистами-практиками. Специалисты-практики, главным образом начальники и заместители начальников небольших заготовительных цехов, административно-хозяйственных отделов и производственные мастера, имели образование от 7 до 10 классов.

В 1960-е гг. не хватало главным образом токарей, фрезеровщиков, револьверщиков, слесарей по инструменту (штампам, фор-

мам, приспособлениям). В сборочных цехах не хватало квалифицированных сборщиков-механиков, что создавало трудности в освоении новой техники. В связи с большим набором рабочей силы из-за текучести увеличивался разрыв между фактической разрядностью рабочих и разрядностью работ.

Текучесть кадров в 1960-е гг. была высока: уволенные составляли 72 % от принятых. Самая высокая текучесть наблюдалась у рабочих (99 % уволенных к принятым). Основными причинами текучести были: недостаточное обеспечение жильем, нехватка детских садов, призыв в армию, уход на учебу. 72 % увольнялись по собственному желанию, 36 % уходили на учебу, 6 % – в армию, 7 % – по инвалидности и на пенсию³.

В 1963 г. на заводе работали 1 233 инженерно-технических работника, из них дипломированных инженеров – 359 (29 %), со средним специальным образованием 403 (33 %), специалистов-практиков – 471 (38 %). Мастеров с высшим образованием было 18 чел., со среднетехническим – 74, практиков – 125. Завод испытывал недостаток в специалистах оптического приборостроения. По этой профессии за 1963 г. не было подготовлено ни одного специалиста. Были подготовлены только специалисты по механической обработке металлов.

В 1963 г. было обучено 2 925 чел., в том числе 542 рабочих, из них 14 студентов дневных вузов и учащихся дневных средних специальных учебных заведений. По основным специальностям были подготовлены 84 токаря, 28 токарей-револьверщиков, 37 фрезеровщиков, 68 специалистов механосборочных работ, 77 слесарей-сборщиков, 38 электромонтажников и намот-

¹ См.: Доклад директора завода за 1953 г. С. 72 // Материалы фондов Архива АО ПО «УОМЗ».

² См.: Там же. С. 76.

³ См.: Доклад директора завода за 1963 г. С. 79 // Материалы фондов Архива АО ПО «УОМЗ».

чиков, 7 литейщиков, 8 прессовщиков, 66 оптиков. Практиковалась очно-заочная подготовка новых рабочих. Из 542 обученных в 1963 г. десятиклассников было 137 чел., подростков – 153, прочих – 252 чел⁴.

В 1963 г. повышение квалификации прошли 546 ИТР, в том числе на курсах и в учебных заведениях без отрыва от производства – 20 чел. Обучение без отрыва от производства проводилось в Школе рабочей молодежи (ШРМ), техникумах, на подготовительных курсах и в институтах – 1 200 чел. Окончили институты – 9 чел., техникумы – 31, 10 классов ШРМ – 110, 8 классов ШРМ – 99 чел. Учебой были охвачены 46 цеховых мастеров. Образовательный уровень работников завода к началу 1960-х гг. был следующим: с высшим образованием – 2 504 чел. (17,5 %); со средним техническим – 2 523 чел. (17,7 %).

В послевоенные годы работники завода, как и все население страны, уставшее от огромного напряжения сил, остро нуждались в жилье, хорошем питании, социальных благах. Руководство УОМЗ принимало меры для решения этих проблем. В газете «Большевистские темпы» от 9 января 1946 г. в статье «Наши обязательства на 1946 год» говорилось: «Обеспечить широкое развитие индивидуального животноводства и огородничества. Улучшить жилищно-бытовые условия работающих на заводе: обеспечить общежития завода постельным бельем; подвести водопровод к заводским домам. Обеспечить развитие животноводства и высокий урожай овощей в подсобном хозяйстве завода»⁵.

10 января 1947 г. в газете «Большевистские темпы» были опубликованы «Обяза-

тельства завода на 1947 год», среди которых: «Мобилизовать коллектив на интенсивное строительство 75 индивидуальных домов для рабочих завода. Построить летнего типа пионерлагерь на 200 чел. Капитально отремонтировать клуб, развернуть самодеятельность рабочих завода и организовать при клубе новый кружок духового оркестра из 20 человек, хоровой, драматический и другие кружки»⁶.

В январе 1949 г. на заводе был организован отдел капитального строительства (ОКС). Возводились каменные, брусковые, шлакоблочные дома. Все строительные работы, в том числе сантехнические, электрические, штукатурно-малярные, производились заводом самостоятельно. Поэтому строительство велось медленно, в 1952 г. было введено в эксплуатацию всего 29 % жилой площади от запланированного⁷.

В начале 1950-х гг. при предприятии появился детский сад на 100 мест. При детском учреждении имелись врач и медсестра. Жилой фонд предприятия состоял из 45 домов и бараков (3 каменных, 28 деревянных домов и 8 бараков), расположенных в нескольких районах города, например по Сибирскому тракту и в поселке Синие Камни. В них проживали 3 125 чел. вместе с членами семей. Завод также арендовал для проживания работников 2 дома и 1 барак, принадлежавшие университету, и 3 дома, принадлежавшие педагогическому институту. Большая часть зданий завода были построены в 1950–1953 гг. Бараки были временного типа, построены в 1941–1942 гг. Срок их эксплуатации к началу 1950-х гг. истек. Завод ежегодно производил в них ремонт. Все жилые дома были электрифици-

⁴ См.: Доклад директора завода за 1963 г. С. 80 // Материалы фондов Архива АО ПО «УОМЗ».

⁵ Наши обязательства на 1946 год // Большевистские темпы. 1946. 9 янв.

⁶ Обязательства завода на 1947 год // Большевистские темпы. 1947. 10 янв.

⁷ См.: Пояснительная записка к годовому отчету по капитальному строительству за 1952 г. ОКСа завода. С. 2 // Материалы фондов Архива АО ПО «УОМЗ».

цированы, оборудованы центральным отоплением, водопроводом, канализацией, за исключением поселка Синие Камни⁸.

В 1963 г. были введены в эксплуатацию два дома: 32-квартирный жилой дом площадью 875,6 кв. м и 30-квартирный жилой дом «Вставка» площадью 862,3 кв. м. В 1963 г. 50 семей рабочих и служащих завода получили отдельные квартиры. Были улучшены жилищные условия 30 семей рабочих и служащих. Ликвидировано 368 кв. м аварийного жилья в связи с реконструкцией промышленной площадки в поселке Синие Камни⁹.

В 1940–1960-е гг. в СССР сохранило актуальность и расширилось начатое в годы первых пятилеток движение новаторов и рационализаторов производства, а также социалистическое соревнование. В 1950 г. число изобретателей и рационализаторов в СССР составило 555 тыс. чел, в 1955 – 1 139 тыс., в 1965 г. – 2 935 тыс. чел. С 1959 по 1965 г. число изобретателей и рационализаторов на промышленных предприятиях Урала увеличилось почти в 1,5 раза [8].

Движение рационализаторов было тщательно продумано и организовано. На предприятиях создавались бюро рационализаторов и изобретателей (БРИЗ). БРИЗ вело статистику рацпредложений, подсчитывало экономический эффект от их внедрения; проводило конференции изобретателей; внедряло рацпредложения в номенклатурные планы цехов, проводило месячники рацпредложений, социалистическое соревнование между новаторами и изобретателями. Победители этого соревнования поощрялись премиями; на имя каждого рационализатора был открыт лицевой счет;

происходил систематический обмен опытом с другими предприятиями в области внедрения рацпредложений.

В статье «Результаты творческой работы», опубликованной в газете «Большевицкие темпы» от 28 мая 1946 г., говорилось: «За период месячника собрано 195 рацпредложений, которые дадут заводу 400–500 тыс. руб. родовой экономии, и внедрено в производство 65 предложений на сумму 250 тыс. руб.»¹⁰.

В 1950 г. число рационализаторов достигло 423 чел. Заведенные впервые в 1950 г. лицевые счета каждого рационализатора дали возможность учитывать результаты деятельности в области рационализации всех рабочих и ИТР, выяснить причины отказа от участия в рационализаторской работе¹¹.

В начале 1950-х гг. на УОМЗ, как и на других предприятиях, появились общественные конструкторские бюро (ОКБ). В 1965 г. на четырех крупнейших заводах Урала работало около 80 таких бюро, объединивших 850 рабочих и специалистов. Они внедрились в производство 900 собственных разработок [8]. На заводе № 217 также было создано конструкторское бюро. Оценивая его деятельность в послевоенный период, начальник конструкторского бюро завода М. П. Хориков говорил: «Несмотря на то что было нас мало, заказы выполнялись в сжатые сроки. Меньше полугодика уходило на проектирование, 6 месяцев – на выпуск опытных образцов. Следовательно, было достаточно одного года, чтобы создать новый технический образец»¹².

В 1962 г. на заводе поступило 888 рационализаторских предложений, эконо-

⁸ См.: Доклад директора завода за 1953 г. С. 106–107.

⁹ См.: Доклад директора завода за 1963 г. С. 80.

¹⁰ См.: Большевицкие темпы. 1946. 28 мая // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

¹¹ См.: Справка по итогам социалистического соревнования изобретателей и рационализаторов, проведенного на заводе № 217, за 1950 г. // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

¹² Воспоминания М. П. Хорикова // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

мия от внедренных предложений достигла 249 тыс. руб. Коллектив рационализаторов в начале 1960-х гг. составлял 966 чел. Половина из них – рационализаторы со стажем 10–15 лет.

Социалистическое соревнование оставалось мощным стимулом роста производительности труда в 1940–1960-е гг. Соревнованием в 1953 г. было охвачено 92,3 % всех работников предприятия. 50 % из них были ударниками труда. Количество стахановских бригад к концу 1953 г. достигло 116. В 1964 г. в соревновании за коммунистический труд участвовали 19 цехов, 9 отделов, 1 570 чел.; 3 224 чел. соревновались за звание «Ударник коммунистического труда»¹³.

Опыт стахановского движения на промышленных предприятиях сохранял значение и в условиях послевоенного развития и развертывающейся научно-технической революции. Возникшее в это время движение за коммунистическое отношение к труду использовало методы высокопроизводительного труда стахановцев и движения рационализаторов и изобретателей с целью повышения эффективности производства [7, с. 312].

В 1940–1960-е гг. был высок уровень общественного энтузиазма. Высокий уровень социальной сплоченности и социальной ответственности превращался в самостоятельный фактор экономического развития. Приведем отрывок из рапорта штамповщицы А. Скачковой 1957 г.: «Мне в этот день радостно сознавать, что я тружусь в дружном коллективе нашего завода. Здесь я приобрела и усовершенствовала профессию штамповщицы, завод стал для меня родным домом. Славный юбилей Советской власти я встречаю выполнением двух годовых

норм. В предпраздничном соревновании мне присвоено почетное звание “Передовик соревнования в честь сорокалетия Великого Октября” и красный выпел. Это мой трудовой подарок Октябрю!»¹⁴

Экономическое развитие в 1940–1960-е гг. определялось не только научно-техническими открытиями, но и особенностями трудовой мотивации. Социалистические обязательства воспринимались как свидетельство включенности работника в решение общих задач. Существовала органичная связь между отдельным человеком и обществом, направленная на решение коллективных задач.

Социально-политические практики 1940–1960-х гг. были построены на активном участии общественно-политических организаций (комсомола, партийного комитета завода) в развитии производства, идеологическом сопровождении экономической деятельности предприятия. Комсомольцы были самыми активными участниками движения рационализаторов. От комсомольцев и молодежи в БРИЗ завода в 1950 г. поступило 331 рацпредложение. Комсомольцы завода № 217 участвовали в строительстве общежития для молодых работников предприятия на 252 чел.; собирали металлолом; участвовали в строительстве заводского стадиона, разработке рацпредложений, создании заводской газеты. По словам А. Р. Белоусова, в СССР «был создан мощный механизм социальной мобилизации – консолидации всех слоев общества вокруг целей и смыслов Красного проекта» [1, с. 34].

Личностный фактор во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. оставался значимым двигателем развития завода. До 1947 г. заводом № 217 руководил Виктор Осипович Сафронов (директор завода с

¹³ См.: Воспоминания М. П. Хорикова // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ». С. 76.

¹⁴ Большевицские темпы. 1957. 5 нояб. // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

1939 г.). За выполнение заводом заданий Государственного комитета обороны, разработку новых образцов боевого оружия и снабжение ими Красной армии он был награжден орденами Ленина и Отечественной войны I степени. По окончании войны под его руководством завод начал переезд на новые площади и реконструкцию цехов. В 1947 г. В. О. Сафронов уехал на работу в Минск.

С 1947 по 1949 г. завод возглавлял Сергей Васильевич Аленичев. Он также внес большой вклад в расширение производства гражданской продукции, реконструкцию предприятия и освоение новых опτικο-механических приборов и оборудования.

Александр Петрович Андреев был директором завода с 1949 по 1953 г. Начав трудовой путь на заводе чертежником во время Великой Отечественной войны, он стал главным технологом, потом главным инженером, затем директором завода. За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. При нем завод завершил реконструкцию и начал строительство жилья и пионерского лагеря.

Иван Михайлович Корнилов руководил предприятием 33 года (с 1953 по 1986 г.). За эти годы завод превратился в крупное предприятие оптического приборостроения, ведущее в Свердловской области, объем производства предприятия вырос в 20 раз, а численность трудового коллектива – в 5 раз. Судьба И. М. Корнилова демонстрирует механизмы социальной мобильности индустриальной эпохи. Он родился в с. Дивеево Нижегородской губернии, окончил девять классов школы, педагогический техникум, учительствовал на селе. Работал в Ленинграде чертежни-

ком, служил в армии, окончил ИТМО, работал на заводе № 69 конструктором, старшим мастером ОТК, начальником ОТК. И. М. Корнилов избирался парторгом, был слушателем Академии вооружения. В 1953 г. он был назначен директором завода № 217. И. М. Корнилов был эффективным руководителем советской эпохи. Под его началом прошли реконструкция и строительство нового предприятия, была создана социальная инфраструктура [4]. В автобиографии И. М. Корнилов писал: «Собственными силами завода построено более 70 многоквартирных домов, 12 детских комбинатов, больница, поликлиника, библиотека, спортивный зал, тепличное хозяйство, были расширены пионерский лагерь и база отдыха. Полностью ликвидированы бараки и ветхие строения вблизи завода в микрорайоне Синие Камни...»¹⁵.

Лидия Петровна Радкевич получила известность и как ученый, и как организатор производства. Она родилась в 1925 г. в г. Ельня Смоленской области, в 1949 г. окончила Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. В 1950 г. поступила работать на Уральский опτικο-механический завод, в конструкторский отдел, где занималась разработкой и исследованием опτικο-механических изделий. Избиралась секретарем бюро ВЛКСМ, заместителем председателя профбюро. Она была инициатором проведения совместных научных исследований с отраслевыми институтами, участником конференций в ГОИ им. С. И. Вавилова, Ленинградской военно-воздушной инженерной академии им. А. Ф. Можайского, Институте проблем механики АН СССР. В 1980 г. Л. П. Радкевич защитила диссертацию кандидата технических наук. За активную производственную деятельность (ударник коммунистического

¹⁵ Автобиография И. М. Корнилова // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

труда) Лидия Петровна была награждена юбилейной медалью, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, знаками «Победитель социалистического соревнования» за 1975 г., «Изобретатель СССР» и медалью «Ветеран труда СССР»¹⁶.

Михаил Петрович Хориков (1916–2004) – начальник ОКБ, главный конструктор завода в 1964–1985 гг., Герой Социалистического Труда. В 1937 г., после окончания Ленинградского техникума точной механики и оптики, он пришел в конструкторское бюро завода № 217. В конструкторском бюро сформировался талантливый коллектив единомышленников из выпускников Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, кадровых специалистов завода по геодезическим изделиям. Заказы преимущественно поступали от Военно-воздушных сил по созданию различных приборов для авиации. Атмосфера была пронизана творчеством. «Хорошая, интересная работа – это жизнь человека, его счастье...», – утверждал М. П. Хориков в воспоминаниях¹⁷.

Огромная заслуга в освоении технологических процессов и развитии производства принадлежит главному технологу Э. С. Яламову и конструкторам Л. М. Дегтярю, М. С. Файтельсону, специалистам ОКБ по гироскопии С. М. Машалову, Ю. В. Мосунову, по химико-технологическим процессам и материалам – Л. В. Рабиновичу, по фотоприемным устройствам – Л. А. Неверову, И. Н. Глазкову, по оптике – И. В. Шаркунову [3, с. 128].

Обсуждение

Таким образом, на примере деятельности завода № 217 показаны закономерности начавшейся завершающей стадии индустриальной модернизации в оптике. Согла-

симся с мнением авторов сборника «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие микро- и макропроцессов»: «Микроистория отнюдь не призвана концентрироваться на “мелочах”, напротив, микроанализ позволяет увидеть преломление общих процессов в “определенной точке реальной жизни”» [6, с. 43].

После войны завод № 217 (УОМЗ) решением правительства остался в Свердловске, став главным предприятием оптико-механической промышленности Урала. Произошли реконструкция и расширение производства УОМЗ, его объединение с эвакуированным на Урал электромеханическим заводом из Подмосквы.

Проблемами в развитии социокультурной сферы завода в этот период оставались нехватка и текучесть квалифицированных кадров, нехватка жилья, социальной инфраструктуры.

Заключение

Одной из тенденций начавшейся поздней индустриальной стадии развития во второй половине XX в. стали тесная связь промышленности с наукой и внедрение ее достижений в производство. Развивалось сотрудничество УОМЗ с ГОИ, ЦКБ «Геофизика» в Москве, Уральским филиалом АН СССР, Свердловским научно-исследовательским и проектно-технологическим институтом машиностроения, Уральским политехническим институтом им. С. М. Кирова, Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии, Ленинградской военно-воздушной академией им. А. Ф. Можайского, Институтом проблем механики АН СССР, Институтом технической экономики и информации и другими научно-исследовательскими и учебными учреждениями.

¹⁶ См.: Воспоминания Л. П. Радкевич // Материалы фондов Музея АО ПО «УОМЗ».

¹⁷ Воспоминания М. П. Хорикова.

На заводе № 217 была создана библиотека научно-технической литературы (38 тыс. экземпляров книг), на базе которой проводилась информационно-аналитическая, образовательная, исследовательская деятельность. В начале 1950-х – 1960-е гг. на УОМЗ функционировали конструкторские и патентные бюро, советы новаторов, опытные цеха. Конструкторское бюро предприятия стало центром научно-технических разработок и внедрения их в производство.

Проблема нехватки квалифицированных кадров решалась при помощи вечернего образования, школ передового опыта, курсов повышения квалификации без отрыва от производства, школ рабочей молодежи, сотрудничества с учебными заведениями: ИТМО, Московским институтом инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Военно-воздушной академией им. Н. Е. Жуковского и др.).

Социокультурный контекст развития предприятия в 1950–1960-е гг. соответствовал тенденциям поздней индустриальной

стадии развития. Социально-культурную инфраструктуру УОМЗ дополнили больница, поликлиника, спортзал, база отдыха, детский сад и пионерский лагерь для детей сотрудников. Возводилось жилье для работников завода. При заводском клубе работали кружки (хоровой, драматический) и оркестр.

Легитимность трудовой мобилизации опиралась на коллективный энтузиазм, понимание труда как ценности и была созвучна профессиональной этике рабочего класса. В социокультурном развитии завода принимали активное участие комсомол, профсоюзы, партийная организация, объединения рационализаторов и новаторов производства. Они объединяли активных работников, молодежь, способствовали передаче профессионального опыта и росту производительности труда. Судьбы многих работников УОМЗ являются яркой иллюстрацией механизмов социальной мобильности поздней индустриальной эпохи и социальной солидарности социалистического общества.

Список источников

1. Белоусов А. Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. № 2–3. С. 28–77.
2. Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная стадия модернизации дореволюционной России: истоки, тенденции, результаты // История России. 2010. № 1. С. 90–104.
3. Коридоров Э. А., Грамолин А. И. Уральский оптико-механический завод: под счастливой звездой. Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во; Новое время, 2002. 263 с.
4. Куренец Р. М. История завода – история людей. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2014. 527 с.
5. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. академик В. В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
6. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие микро- и макропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков [и др.]; Ин-т истории и археологии УрО. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. 404 с.
7. Слудных А. В. Оптика в годы, опаленные войной. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск, 2020. 328 с.
8. Яхнев И. Н. Движение рационализаторов и изобретателей в СССР // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2013. Т. 2. С. 301–303.

References

1. *Belousov A. R.* Formation of the Soviet industrial system. *Rossiia XXI* = Russia XXI. 2000; 2–3: 28–77. (In Russ.)
2. *Bratchenko T. M., Senyavsky A. S.* Early industrial stage of modernization of pre-revolutionary Russia: origins, trends, results. *Istoriya Rossii* = History of Russia. 2010; 1: 90–104. (In Russ.)
3. *Koridorov E. A., Gramolin A. I.* Ural Optical and Mechanical Plant: under a lucky star. Ekaterinburg: Middle Ural book. Publishing house New time, 2002, 263 p. (In Russ.)
4. *Kurenets R. M.* The history of the plant is the history of people. Ekaterinburg: Ural worker, 2014, 527 p. (In Russ.)
5. Experience of Russian modernizations. XVIII–XX centuries / Ed. Acad. V.V. Alekseev. Moscow, 2000, 246 p. (In Russ.)
6. Experience of Russian modernizations of the 18th–20th centuries: interaction of micro- and macroprocesses / V. V. Alekseev, E. V. Alekseeva, K. I. Zubkov and others; Institute of History and Archeology of the Ural Branch. Ekaterinburg: Bank of Cultural Information, 2011, 404 p. (In Russ.)
7. *Sludnykh A. V.* Optics in the years scorched by the war. Pages of the history of the Ural Optical and Mechanical Plant. Saransk, 2020, 328 p. (In Russ.)
8. *Yakhnev I. N.* Movement of innovators and inventors in the USSR. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya* = Industrial Urals. Bakunin readings. Ekaterinburg, 2013. T. 2. P. 301–303. (In Russ.)

Поступила 22.04.2023.

Сведения об авторе

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Автор 4 научных статей и 2 монографий. Сфера научных интересов: проблемы экономической истории России, история оптико-механической промышленности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Submitted 22.04.2023.

About the author

Anatoly V. Sludnyh – Candidate of History, Graduate Student, Graduate Student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). The author of 4 scientific publications and 2 monographs. Research interests: problems of economic history of Russia, history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

УДК 303.625.2

С. Ю. Белоконев¹, А. А. Косарева²

¹ *Финансовый университет при правительстве РФ (Москва, Россия),
e-mail: SYUBelokonev@fa.ru*

² *Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия),
e-mail: anyakosareva06@gmail.com*

Влияние интернет-коммуникаций на формирование политической идентичности и политического поведения российской молодежи

Аннотация

Введение. Авторы раскрывают тему влияния интернета как средства коммуникации на формирование эго- и коллективной политической идентичности средней группы молодежи (18–24 лет).

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой данной работы стали поведенческий и сетевой подходы, метод систематизации полученных результатов. В рамках прикладного аспекта исследования нами был использован метод индивидуального интервью со специалистами в области политических коммуникаций.

Результаты исследования. На данный момент устойчивая политическая идентичность у поколения 18–24 лет в России не сформирована, что является причиной низкого уровня политического участия данной возрастной группы по сравнению с другими. Для того чтобы создать тренд на формирование устойчивой политической идентичности у исследуемой возрастной группы, необходимо создание единой коммуникационной системы, которая будет планомерно и ненавязчиво создавать условия для интернализации молодыми людьми ценностных компонент национально-государственной идентичности. Эксперты сходятся во мнении, что интернет-технологии могут повысить легитимность власти у молодежи за счет использования адаптированного под молодую аудиторию контента (геймифицированный, недлительный видеоконтент, желательно с участием лидеров общественного мнения), так как молодежь более всего доверяет именно интернету и чаще использует его среди остальных средств массовой коммуникации.

Обсуждение и заключение. Несформированность политической идентичности у российской молодежи объясняется отсутствием четкого образа будущего государства; слишком частыми конъюнктурными изменениями; увеличивающейся дистанцией между властью и молодежью; уменьшающимися, по мнению молодежи, возможностями для профессиональ-

© Белоконев С. Ю., Косарева А. А., 2023

ной самореализации в стране. Все это в совокупности препятствует самоидентификации исследуемой возрастной группы в отношении тех или иных политических институтов и/или процессов. Интернет, так как его социализирующее влияние на молодежь со временем становится все более весомым, может исправить положение, но только в том случае, если механизмы и технологии, используемые в киберпространстве политическими акторами, будут прозрачными и верифицируемыми.

Ключевые слова: политическая идентичность, российская молодежь, политические представления, политическое поведение, интернет-коммуникации, избирательные технологии.

Для цитирования: Белоконев С. Ю., Косарева А. А. Влияние интернет-коммуникаций на формирование политической идентичности и политического поведения российской молодежи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 299–310. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.299-310.

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта «122101100022-4 – Возможности формирования мировоззрения в разных возрастных группах» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Sergey Yu. Belokonev¹, Anna A. Kosareva²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia),*

e-mail: SYUBelokonev@fa.ru

² *Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia),*

e-mail: anyakosareva06@gmail.com

The Influence of Internet Communications on the Formation of Political Identity and Political Behavior of Russian Youth

Abstract

Introduction. The author of the article develops a theme of the Internet influence on formation of ego- and collective identity of youth ages 18–24.

Materials and Methods. Behaviorism, network approaches were used as the theoretical and methodological strategy of the study, as well as systematization of results, obtained during the 14 interviews.

Results. We have come to the conclusion that political identity of Russian youth ages 18–24 isn't formed. This fact can be one of the causes of low political participation of the studied age group. In order to set a trend for sustainable political identity of youth forming, we need to create a unified communication system, which will help to create conditions for internalization of citizen identity values by young generations. Experts agree on the opinion, that the legitimacy of Russian government in the eyes of youth can be enhanced by implementing Internet-technologies, adapted to the young audience's special perception of information (gamified content, short video content, preferably with the opinion leaders participation), as Russian youth, firstly, tend to rely on the Internet as the most transparent source of information, secondly, young people of Russia use the Internet more often, comparable to other generations.

Discussion and Conclusion. Underdevelopment of political identity of Russian younger generations is explained by several factors: first of all, the absence of well articulated by the Russian state image of the future, secondly, too frequent to adapt to them policy changes, thirdly, increasing distance between Russian government and Russian youths and, finally, creating conditions, that decrease the possibility of professional self-realization of younger generations. Raising its socializing effect on youth and becoming more significant mean of communication, the Internet can be used as a political tool, which could help with the forming of sustainable political

identity of Russian youth but only if technologies, used by political actors in cyberspace, would be transparent and available for verification.

Keywords: political identity, Russian youth, political perceptions, political behavior, Internet-communications, electoral technologies.

For citation: Belokonev S. Yu., Kosareva A. A. The Influence of Internet Communications on the Formation of Political Identity and Political Behavior of Russian Youth. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 299–310. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.299-310.

Acknowledgments: The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project “122101100022-4 – Opportunities for the formation of a worldview in different age groups” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Введение

Политическая идентичность является неотъемлемой составляющей политической культуры: именно политическая идентичность определяет политические ориентации и ценности индивида, что в свою очередь влияет на политическое участие и политическое поведение как индивида, так и группы людей. Политическая идентичность является следствием политической идентификации – процесса формирования собственной политической идентичности, происходящего в ходе политической социализации. Так, особенности среды, окружающей индивида в процессе взросления, влияют на формирование у него определенной политической идентичности. Как отмечает Е. Б. Шестопал, из всех возможных агентов политической социализации в России наиболее влиятельным является семья, в то время как «ни школа, ни учителя или учебники, ни официальные СМИ или политические партии не играют той роли, которую им приписывают исследователи политической социализации» [8]. Именно члены семьи становятся теми первыми «значимыми другими», социальную реальность которых индивид интернализирует. Более того, именно в семье у индивида закладывается первичное отношение к власти. «Семейные

отношения являются первым специфическим образцом общественных отношений. Недолго оставаясь основным источником социализирующей информации, семья формирует у ребенка психологическую основу моделей политического поведения и установок» [6, с. 59].

Процесс глобализации и появление киберпространства «размывают» не только идентичности национальных государств, но и политические идентичности индивидов, что обуславливает необходимость переосмысления политической идентичности в новых социокультурных реалиях.

Не последнюю роль в генерации культурных кодов и смыслов, на базе которых формируется виртуальная идентичность, играют социальные сети. Слабо регулируемое институтами государства или гражданского общества воздействие технологий интернет-коммуникаций на общественное сознание путем различных манипуляций с контентом может способствовать тому, что граждане в определенной ситуации сделают выбор в пользу неконвенциональных форм политического участия [2]. Согласно исследованию Mediascope, проведенному в 2022 г., молодежь 13–24 лет проводит в интернете в среднем 5–6 ч в день. При этом 20 % времени (более, чем по любой другой

категории) уходит на пользование социальными сетями [3]. Конвергенция онлайн- и офлайн-пространств со временем приобретает всё более внушительные масштабы: с постоянно повышающейся ролью каналов интернет-коммуникации, во многом заменяющих коммуникационные процессы офлайн, значимость интернет-среды в процессе формирования социальной идентичности и идентичности политической как ее составляющей возрастает. В данном разрезе хотим обратиться к концепции сетевых фронтиров, предложенной Е. В. Морозовой, И. В. Мирошниченко и Н. А. Рябенко. Под сетевым фронтиром авторы понимают «подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих социальных и культурных практик» [4, с. 86]. Данная граница имеет свойство менять положение в зависимости от степени проникновения технологий Web 2.0 в повседневную жизнь общества. Такой процесс не может не повлечь за собой формирование специфической сетевой политической идентичности, нередко противоречащей политической идентичности человека в офлайн-пространстве. Как отмечают Е. Л. Солдатова и Д. Н. Погорелов, «феномен альтернативных идентичностей в реальной жизни рассматривается как патологическое состояние, исследуемое в рамках психиатрии. В виртуальном же мире появление альтернативных идентичностей воспринимается как норма, не имеющая отношения к психологическим заболеваниям» [7, с. 111].

Политическая идентичность и идентификация тесно связаны с явлениями легитимности и легитимации, так как «идентичность и идентификация предполагают признание правомерности занятия той или иной позиции со стороны других субъектов политических отношений» [5]. В условиях социально-политических вызовов, среди

которых сегодня выделяется специальная военная операция, идентичности индивидов и социума трансформируются. В данных обстоятельствах высока вероятность переживания индивидом состояния кризиса идентичности: в ситуации резких социальных изменений, как писал К. Маннгейм, молодежь находится в состоянии активного поиска ответов, которые соответствовали бы требованиям новой ситуации, что может стать препятствием для усвоения ими моделей поведения старших поколений [9].

Данная статья призвана решить следующие задачи:

во-первых, описать существующую политическую идентичность средней группы молодежи (студенты, молодые рабочие 18–24 лет), а также причины возникновения именно такой политической идентичности;

во-вторых, определить специфику выстраивания эффективной коммуникации с молодым поколением;

в-третьих, выявить избирательные интернет-технологии, способные повлиять на повышение участия молодежи в избирательных процессах.

Материалы и методы

Методологию данной статьи составили 14 экспертных интервью со специалистами в области политических коммуникаций: 9 мужчинами и 5 женщинами. Данная статья, состоящая из трех блоков, призвана раскрыть коммуникационный аспект формирования политической идентичности российской молодежи.

Результаты исследования

Представления современной молодежи о власти и политике глазами экспертов

Большая часть респондентов описывают молодежь 18–24 лет как апатичную, пассивную именно в политическом плане. В качестве причины отсутствия запроса у молодых людей на вовлечение в политику выступают невозможность открыто высказывать свое мнение, а также чувство

беспомощности перед властью и бессубъектности в политическом процессе, что становится эмоциональным барьером для вовлечения в политику и приводит к «внутренней миграции» (т. е. к ощущению отчужденности от своей страны, культуры и т. д.) достаточно большой части современной российской молодежи. При этом эксперты подчеркивают, что в других сферах жизни исследуемая возрастная группа может проявлять себя достаточно активно.

«Поскольку нет активных способов выражения своей политической позиции, то они закрываются и у них происходит внутренняя миграция. Они никак не противодействуют этому».

Политическая идентичность молодежи характеризуется экспертами в первую очередь как аполитичная и несформированная: «Аполитичность – это тоже идентичность». Далее, политическая идентичность характеризуется как негативная, т. е. сформированная на противопоставлении себя чему-либо или кому-либо».

«На негативе себя идентифицировать гораздо проще: протест, бунты. Это связано с отсутствием внятного образа будущего у страны: я понимаю, чего я не хочу, но чего я хочу, я не понимаю».

«Легкая идея внутреннего бунта и внутренней оппозиционности у молодежи есть».

Причиной того, что идентификация у молодого поколения с политическими институтами формируется неэффективно, являются чересчур быстрые для того, чтобы под них адаптироваться, конъюнктурные изменения, как на внешней, так и на внутрисполитической арене: «Проактивная молодежь, которая видит возможность быстрого роста, не приемлет затянутые политические процессы». При этом отмечается, что политическая идентичность может быть

сформирована у отдельных индивидов, в то время как в обществе она отсутствует как массовое явление.

Следующей немаловажной причиной несформированной политической идентичности у молодежи служит отсутствие комплексного подхода в идеологической работе с индивидом начиная с периода детства. В целом респонденты сходятся во мнении, что формировать политическую идентичность молодежи нужно с самого раннего этапа социализации индивида всеми агентами социализации: в семье, детском саду и школе. Помимо этого эксперты, обращая внимание на потребность молодежи в принадлежности к какому-либо сообществу и их зависимость при принятии решений от того или иного лидера общественного мнения, популярного блогера или от сверстников, отмечают необходимость донесения мировоззренческих ценностей и установок, разделяемых государством, через неформальные клубы и сообщества.

«Они пассивны, но внушаемы. Феномен Навального¹ не можем исключать. Во время президентских выборов Навальный выводил на митинги школьников, сейчас эти школьники уже достигли совершеннолетнего возраста».

«Им что скажут, то они и делают. Как будет формироваться внутренняя инфоповестка, так они и будут делать. Они поддаются любому внушению».

При этом формирование политической картины мира, по мнению респондентов, должно происходить планомерно и «порционно» в течение рабочего дня школьника или студента: «Комплекс должен быть по всем информационным системам, в которых находится молодежь. Это должно быть утром, когда они завтракают – по ТВ или по новостным ТГ-каналам, в институте и т. д. Должен быть такой легкий Советский Союз. Силком

¹ А. А. Навальный включен в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

не заставишь читать их нужные каналы. Можно ограничить все, что не нужно».

«Если молодежь попадает в ту группу, где очень хорошо выстроена идеология (что-то типа пионеров), то будет нормальная адаптация».

Эксперты отмечают, что за последние 10–15 лет в отношениях молодежи и власти наблюдаются два тренда: 1) увеличивается дистанция между государством и молодежью; 2) усиливается страх молодежи перед властью. Данные тренды респонденты объясняют низкой степенью проникновения традиционных каналов коммуникации в медиапотребление молодежи: «Они читают мессенджеры и смотрят YouTube в первую очередь», а также неэффективно выстроенной коммуникацией власти с молодежью через непонятные ей форматы.

В 2005–2011 гг. власть посредством создания лоялистских движений («НАШИ», «Россия молодая», «Молодая гвардия») выстраивала скорее открытый диалог с молодежью. Эти движения свидетельствовали об эффективном функционировании «карьерных лестниц» в России: «Ты работаешь, показываешь результат, выполняешь функции, и у тебя появляются возможность и перспективы». В 2010-е гг. массовая молодежная политика перестала быть приоритетом государства, и с тех пор тренд не меняется. Несмотря на то что сегодня государство оказывает значительную поддержку молодежным инициативам активистов через систему грантов (например, от Росмолодежи) и конкурсов (например, «Лидеры России»), а также вовлекает молодежь посредством волонтерских проектов, во-первых, данные активности охватывают малый процент российской молодежи, а во-вторых, вышеперечисленные активности не имеют под собой основы в виде артикулированного образа будущего, в котором молодежь сейчас нуждается.

«Молодежь сейчас не очень хорошо относится к власти в массовом формате и тре-

бует: “Нарисуйте нам цель, дайте нам образ нашего будущего”».

«Негатив – это реакция на недоработку. Надо говорить честно. У нас общество потребления, но нет концепции общества социализации. Пока сверху его нет, снизу ты ничего не сделаешь».

«Идеологические потемкинские деревни стоят, но все понимают, что это картон и ненастоящее».

Эксперты отмечают усиление вышеперечисленных трендов с началом специальной военной операции. Что касается увеличивающейся дистанции между властью и молодежью, то с точки зрения молодых людей границы дозволенного для власти раздвинулись, «появилось ощущение, что они хотят все запретить». Увеличение страха перед властью выражается в том, что «молодежь сегодня стала не только бояться выходить на улицы, но и стала избегать высказываний на политические темы».

Респонденты замечают, что с объявлением частичной мобилизации тренды усилились в еще большей мере: «Частичная мобилизация нанесла всему обществу и молодежи в том числе социальную травму»; «Если раньше все было в параллельной реальности, то сейчас все ощутимо, понятно и знакомо».

Частичная мобилизация спровоцировала две стратегии поведения у молодежи, которые можно охарактеризовать как «смирение перед неизбежным» и бегство: «Пришло понимание того, что шутки плохи, завтра за тобой придут. Ты должен понять: у тебя либо есть ресурсы этого избежать, либо ты должен принять реальность таковой, идти собираться и готовиться». Если второй сценарий поведения характерен для молодых предпринимателей, айтишников, обеспеченных молодых людей, творческой интеллигенции и жителей мегаполисов, то первый был свойствен скорее финансово неблагополучным жителям преимущественно из сельской местности.

Учитывая специфику внутри- и внешне-политической ситуации, в которой Россия оказалась с началом специальной военной операции, запросы на открытый диалог власти с молодыми гражданами, на ее честность, а также предоставление властью возможности развиваться в профессиональном плане у молодежи возрастает. На данный момент образ власти у молодого поколения следующий: власть ограничивает, она несовременная и устаревшая, воспринимается как «чужая». Поскольку самоидентификация индивида с «чужим» невозможна, молодежь скорее будет все больше противопоставлять себя действующему истеблишменту. Способствовать сокращению дистанции между молодежью и властью могут:

1) «омолаживание» кадров: данный процесс способен разрушить существующий у школьников и студентов миф о власти как о чем-то недостижимом и недоступном для молодого малоопытного человека без связей;

2) снижение барьера для прихода молодых во власть: «Сейчас молодежи просто неинтересно в этом участвовать, они не видят в этом себя. Они видят, как блогер начинает зарабатывать большие деньги спустя два месяца, и им это нравится, потому что это своего рода игра. Это может быть такой формат игры в “Лидеры России”, только он должен быть адаптирован под подрастающую возрастную группу. Это должны быть минимальные требования, чтобы потом, находясь внутри системы, люди могли набирать вес. Но на входе им должно быть интересно. Наша задача – вовлечь их в эту историю, тогда внутри системы можно уже говорить об идентичности, о навыках».

Роль каналов политической коммуникации в формировании мировоззрения молодежи

Респонденты сходятся во мнении, что всё большее влияние на политическую картину мира молодежи оказывает интернет, так как

молодое поколение доверяет ему больше, чем другим каналам коммуникации.

«Кроме интернета, других средств коммуникаций для молодежи нет. Молодежь родилась с этим, они в этом живут. Если мы будем убеждать их, что ТВ – это круто, то мы потерпим фиаско, потому что для них это не органично».

«Интернет – неотъемлемая от человека часть сейчас. Зависимость от интернета молодежи делает ее сращенной с телефоном».

«Интернет оказывает самую значительную часть на формирование идентичности молодежи. В основном вся повестка из интернета».

Отличие интернета от других каналов коммуникации, способных влиять на политическую идентичность молодежи, заключается прежде всего в моментальности доставки информации и постоянной включенности в коммуникационные процессы. При этом скорость получения информационных сообщений не дает досконально изучить предмет исследования, что создает благоприятную среду для распространения фейков: «Это как навигатор: когда ты им пользуешься, ты начинаешь забывать город. Отсюда фейки, которые лень проверять»; «Интересуясь новостями, ты рано или поздно попадаешь в ловушку людей, которые занимаются пропагандой и подают тебе новость уже через призму симпатий к той или иной стороне конфликта».

Уникальность интернета в том, что он предлагает форматы контента, соответствующие клиповости сознания молодежи: «Молодым сложно долго фокусировать свое внимание. 90 минут втыкать в ТВ – сложно сегодня».

Респонденты замечают, что государство только недавно начало осваивать интернет-пространство как среду, в которой можно формировать национально-государственную идентичность молодежи. До этого интернет в качестве площадки для продви-

жения тех или иных политических идей использовали оппозиционные блогеры, которые в силу разных обстоятельств не имели доступа к традиционным каналам коммуникации: ТВ, радио и т. д. Следствием стало доминирование оппозиционной повестки в интернет-среде: в социальных сетях, на видеохостингах. Так, государство может столкнуться с вызовом, что оно будет «находиться в одном пространстве интернета, а молодежь – в другом, которые друг с другом не пересекаются» за счет полярности мнений и содержания предлагаемой обеими сторонами собственной инфоповестки. Тем не менее респонденты делают однозначный вывод: если государство будет активно использовать интернет-среду (к которой доверие среди молодежи выше) для продвижения национально-государственных идей, то результат формирования государственной идентичности у молодых поколений будет скорее позитивным.

Что касается крупных сообществ в социальных сетях и мессенджеров, которые могли бы влиять на формирование политических ориентаций у молодежи, таких, по мнению респондентов, на данный момент не существует: «Молодежь массово не сидит ни в политических Telegram-каналах, ни в каких-то политически ориентированных сообществах “ВКонтакте”». В Telegram, например, «молодежных каналов как таковых нет. Это связано с тем, что они не являются целевой аудиторией современных политических акторов». При этом респонденты замечают, что молодежь в основном консолидируется в каналах-миллионниках, носящих развлекательный характер: Mash, Baza, «Двач», «Рифмы и панчи» и т. д.

Тем не менее эксперты выделяют следующие платформы, через которые государству стоит выстраивать коммуникацию с молодежью: Telegram, «ВКонтакте» и YouTube. Первые две площадки использует подавляющая часть молодежи, но вторая

имеет больший потенциал с точки зрения вовлечения молодых людей в сообщества по интересам. YouTube как платформа, транслирующая видеоконтент, может использоваться в качестве распространения коротких роликов политического характера, нацеленных на формирование нужного образа власти и государства.

Участие молодежи в современной политике: актуальные избирательные интернет-технологии для работы с молодежной аудиторией

В целом за последние десять лет тренды на участие молодежи в таких политических процессах, как избирательные кампании и выборы, остались прежними: молодежь бойкотирует выборы, потому что «голосовать – это не модно». При доминирующем тренде к неучастию молодежи в политике с началом специальной военной операции замечается тенденция к политизации населения в целом и молодежи в частности: «С учетом того, что политика заинтересовалась всеми: появились новые статьи в УК РФ по дискредитации ВС РФ, распространении заведомо ложной информации о ВС РФ и т. д., все стали более политически активными (причем как провластные, так и оппозиционеры)».

«Всё больше молодежи понимает, что политика влияет на нее активно, молодежь становится более политически активной, но говорить о крупных трендах повышения политической активности я бы не стал».

В штабах партий и кандидатов, в агитации участвует специальная молодежь – политические активисты, которые когда-то давно сделали выбор в пользу участия в политическом процессе.

Так как молодые избиратели – одна из самых малочисленных категорий населения России, голосующих на выборах, ставка на них при определении целевой аудитории кандидата, как отмечают респонденты, практически не делается. Если

все же кандидат нацелен на молодой электорат, то при разработке образа кандидата важно понимать, что «просто так молодые голосовать не пойдут. У них должна быть дичайшая мотивация: им должен дико нравиться кандидат (он такой же молодой и амбициозный, как и я, или такой же, ничего не имеющий за душой), либо будет кандидат, канализирующий протест, выстраивающий свою кампанию на лозунге “против всех”. Только тогда они пойдут».

В связи с этим респонденты отметили технологии интернет-агитации, наиболее эффективные в работе с молодежью в рамках выборов.

1. Короткие видео, нацеленные на легкость и скорость восприятия: «Рабочая агитация сегодня – это исключительно видеоконтент. Видеоролик должен длиться 10 секунд».

«Наша практика за последние годы показала, что нужно снимать»; «Мы всем кандидатам за последние годы на кампаниях разного уровня делали видео с текстом. Это цепляет».

2. Контент – «хайповый, доступный, интересный. Они будут его потреблять».

3. Любой формат игр: «Геймификация должна присутствовать: если на участке надо будет поймать покемона, молодежь придет, поймает покемона и проголосует».

4. Авторитет лидера общественного мнения: «Чем больше блогеров выскажет одну и ту же мысль, тем больше у них в голове будет создаваться представление о том, как правильно».

Среди наиболее эффективных технологий мобилизации молодежи на выборы респонденты выделяют прямую финансовую мотивацию: «Хороший пример – миллион призов: это и удобство, и возможность получить что-то взамен».

«Формат как был: куда мне заплатят – туда я и пойду, так и осталось».

Если сравнивать эффективность онлайн- и офлайн-агитации в отношении молодежи, то эксперты отмечают необходимость ведения именно интернет-кампании. При этом агитация в интернете всегда должна сопровождаться традиционной кампанией; только за счет этого с большей вероятностью желаемый результат будет достигнут.

«Если же один раз принести бабушке продуктовый набор от партии, то она всю жизнь будет любить эту партию. Но с молодежью так не работает, тут нужна интернет-кампания».

«В интернете тебе нужно постоянно мотивировать свои наработанные контакты. Постоянно удерживать аудиторию надо. Интернет притаскивает 30 % тех, кто пришел на избирательные участки. Есть технология с ДЭГ²: на ДЭГ одэдэшкой не уведешь».

«Голосование в интернете – агитация в интернете; голосование на участке, агитация, в том числе в интернете, но акценты от региона к региону могут ставиться по-разному... Интернет стал обязательным даже в малых регионах».

«Юнемана, например, возьмите. Он вел свою кампанию практически полностью в интернете. Достаточно ярко получилось».

«Для молодежи интернет-кампания, конечно, работает лучше. Но качественной интернет-кампании никто еще не делал. Мне кажется, Интернет быстро займет площадку. Вместо участка появляется электронное голосование, тогда лучше проводить агитку через интернет».

«Эффективность кампании будет высокой, если будет политик, идеи которого будут востребованы молодежью. Тогда интернет-кампания будет как подкидывание угля в огонь».

Отдельно респонденты выделяют эффективность проведения агитации в мес-

² Дистанционное электронное голосование.

сенджерх: «WhatsApp-агитация тоже рабочий инструмент, так как в чатах может канализоваться протест».

В целом эксперты полагают, что за счет интернет-технологий повысить легитимность власти в глазах молодежи можно и нужно.

«Они доверяют интернету. Поэтому чем больше вы их вовлекаете в наблюдение, в участие в выборах, обсуждение политических вопросов, тем больше они будут вам доверять».

«Это так или иначе делается. Фото и видео с участков – этим нужно заниматься. Защищать реальность сложнее, чем распространять фейки. Это такая работа по легитимизации в интернете, и она ведется. В каждой кампании есть наблюдатели, волонтеры. Интернет – необходимая часть, которую многие в момент подготовки ко дню голосования упускают, потом сильно жалеют об этом. Один негативный ролик может вызвать скандал на целый город небольшой, но при наличии нормальной подготовки все бы нивелировалось».

«На это нужно кидать все силы сейчас. Через контент, общение, открытость, источники, каналы коммуникации, контроль. Кучу сеток Telegram-каналов стали контролировать, “ВКонтакте” стал запрещать оппозиционной направленности новости. Это даже очень хорошо может быть, потому что ты гасишь протест».

При этом важно понимать, что усилиями одного интернета легитимность выборов не возрастет. Молодежь доверяет интернету, но не доверяет результатам выборов: «Объясните сначала молодежи прозрачность технологий онлайн-голосования. Вопрос в том, насколько удачно можно объяснить легитимность ДЭГа».

В этой ситуации для власти главное – сфокусировать внимание не на результате выборов, а на легитимации этого результата: «В информационном поле большее значение имеет не чистота результата, а иллюзия

этой чистоты. Создание того самого информационного следа, который привел политика к его победе».

«Самое главное – размыть информацию про то, что будут писать про накрутку и нелегитимность ДЭГа. Информационный фон вокруг при этих публикациях должен быть ярче и шире, чтобы негативные публикации затерялись».

Заключение

Результаты исследования показали, что на сегодняшний день устойчивая политическая идентичность у молодежи скорее не сформирована. Это происходит по следующим причинам: во-первых, у страны отсутствует артикулированный образ будущего, с которым молодежь могла бы себя соотнести; во-вторых, быстрые конъюнктурные изменения не дают молодежи достаточно времени для самоидентификации в отношении тех или иных политических институтов или процессов; в-третьих, дистанция между властью и молодежью со временем все больше растет: молодые люди и политические элиты используют разные каналы коммуникации, в том числе политической, и, по сути, государство и молодежь говорят сегодня на разных языках. Нередко известные федеральные тележурналисты, выступающие рупором государственной политики, используют «старые медиа» как привычный и освоенный способ донесения сообщений до аудитории. Предпринимая попытку адаптироваться под формат «новых медиа», они не учитывают или даже отказываются принимать и специфику той коммуникационной среды, в которую пытаются интегрироваться, и особенности восприятия информации молодежью, в результате чего говорят на своем политическом языке в принципиально иной «языковой среде». В-четвертых, молодежь видит все меньше возможностей для профессиональной самореализации внутри страны, соответ-

ственно вряд ли будет идентифицировать себя с той или иной политической силой в государстве. «Размытая идентичность» или несформированная идентичность в условиях социально-политических потрясений может привести к тому, что ценности российской государственности, воспроизводимые предыдущими поколениями и конструируемые политическим истеблишментом, будут вытеснены ценностными конструктами иного характера [1, с. 27].

Для того чтобы политическая идентичность формировалась эффективнее, по мнению респондентов, стоит обратиться к модели «легкого СССР 2.0» – некой единой коммуникационной системы, в которой все внимание уделяется планомерной и ненавязчивой работе с умами молодых людей по формированию национально-государственной идентичности, начиная с малых лет. При этом большое внимание должно уделяться интернету, со временем все более монополизирующему статус одного из ключевых агентов политической социализации у молодого поколения.

Эксперты сходятся во мнении, что интернет-технологии могут повысить легитимность власти у молодежи. Главное преимущество интернета как инструмента для повышения легитимности – молодежь больше доверяет ему, нежели другим каналам коммуникации. Главным риском в данном процессе респонденты назвали достаточно позднее начало освоения государством медиaprостранства, которое плотно начали использовать оппозиционные политики и политические блогеры. Эксперты отмечают, что наиболее эффективные избирательные интернет-технологии должны учитывать специфику мышления современного представителя молодежи 18–24 лет, среди которых респонденты выделяют эмоциональное восприятие информации, клиповое мышление, предпочтение геймифицированного контента другим видам контента и ориентацию при принятии решений на мнение лидеров общественного мнения – авторитетов в молодежной среде (например, блогеров).

Список источников

1. Белоконев С. Ю., Косарева А. А. Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 5. С. 23–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30.
2. Белоконев С. Ю., Хоконов А. А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 22–29.
3. «Медиа-потребление-2022». Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/883/f11rt3k24o0ju2jkak4v0s0wr836wobp/MEDIAPOTREBLENIE_DIGITAL_14092022.pdf (дата обращения: 13.01.2023).
4. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Фронтис сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 83–97.
5. Политическая идентификация // Фонд знаний Ломоносов. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126576> (дата обращения: 13.01.2023).
6. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Новый хронограф, 2008. 551 с.
7. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. С. 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.
8. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. 2005. № 4. С. 48–69.
9. Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction: studies in modern social structure. London: Routledge & K. Paul, 1940. 469 p.

References

1. Belokonev S. Yu., Kosareva A. A. Political and psychological features of formation of national-state identity among young people: historical review. Humanities and Social Sciences. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Bulletin of the Financial University. 2022; 12(5): 23–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30. (In Russ.)
2. Belokonev S. Yu., Hokonov A. A. The ontological status of social networks in contemporary public policy. *Vlast* = Power. 2021; 29(2): 22–29. (In Russ.)
3. “Media Consumption-2022”. Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/883/f11rt3k24o0ju2jkak4v0s0wr836wobp/MEDIAPOTREBLENIE_DIGITAL_14092022.pdf (In Russ.)
4. Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. The frontier of network society. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2016; 60(2): 83–97. (In Russ.)
5. Political identification // Lomonosov-fund. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126576> (In Russ.)
6. Political socialization of Russian citizens in the period of transformation / Ed. by Ye. B. Shestopal. Moscow, 2008, 524 p. (In Russ.)
7. Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: The contemporary condition of the problem. *Obrazovanie i nauka* = The Education and Science Journal. 2018; 5(20): 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124. (In Russ.)
8. Shestopal Ye. B. Political socialization and resocialization in modern Russia. *Politiya* = Polity. 2005; 4: 48–69. (In Russ.)
9. Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction: studies in modern social structure. London, 1940, 469 p. (In Engl.)

Поступила 10.02.2023.

Сведения об авторах

Белоконев Сергей Юрьевич – кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия). Сфера научных интересов: репрезентации политики в интернете, политические элиты, трансформация политической системы. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>.

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Косарева Анна Александровна – студентка IV курса факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия). Сфера научных интересов: цифровизация политики, политика цифровизации, политическая идентичность. Автор 2 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2965-4708>.

E-mail: anyakosareva06@gmail.com

Submitted 10.02.2023.

About the authors

Sergey Yu. Belokonev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). Research interests: representations of politics on the Internet, political elites, transformation of the political system. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>.

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Anna A. Kosareva – Student of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). Research interests: policy of digitalization, digitalization of politics, political identity. The author of 2 scientific works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2965-4708>.

E-mail: anyakosareva06@gmail.com

УДК 330.8

Д. К. Стожко¹, К. П. Стожко²

¹ *ФГБОУ ВО Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru*

² *ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: kostskp@mail.ru*

Гуманистические взгляды А. А. Богданова: отношения сотрудничества и проблема «собирания человека» (к 150-летию со дня рождения ученого)

Аннотация

Введение. Целями исследования являются оценка значения и обоснование гуманистического характера творческого наследия А. А. Богданова в условиях новой социальной реальности. Задачами исследования являются: компаративный анализ философского и социально-экономического контента сочинений А. А. Богданова; критическое сопоставление существующих в современной науке теоретико-методологических подходов к пониманию основных идей ученого; выявление их теоретической и практической значимости с учетом новой социальной реальности.

Материалы и методы. Основой для написания статьи стали сочинения самого А. А. Богданова, а также научные исследования его творчества, появившиеся за последние 20 лет. В работе использованы структурно-функциональный и программно-целевой подходы, методы анализа, синтеза, обобщений и аксиологии, а также историко-ретроспективный, историко-генетический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. На примере социально-философских концепций «собирания человека» и «коллективной личности» показан вклад А. А. Богданова в постановку и развитие научных представлений о социализме, гуманизме, социальной ответственности и социальной справедливости. Раскрыт гуманистический характер представлений А. А. Богданова о социальном сотрудничестве и государственном устройстве в подлинно гуманном обществе, что отличает его взгляды от идей западноевропейских социалистов – утопистов и гуманистов эпохи Возрождения. Раскрыты отличительные особенности гуманистической философии А. А. Богданова от «ортодоксального марксизма» и либерализма.

Обсуждение и заключение. На основе разных научных подходов, сложившихся в историко-экономической и философской науке, выявлены полиморфизм оценок творческого наследия А. А. Богданова и растущая необходимость его дальнейшего изучения с учетом современных «вызовов времени».

Ключевые слова: коллективная личность, диалектика, идеализм, материализм, сотрудничество, социализм, раздробленная личность, общество, человек.

Для цитирования: *Стожко Д. К., Стожко К. П.* Гуманистические взгляды А. А. Богданова: отношения сотрудничества и проблема «собирания человека» (к 150-летию со дня рождения ученого) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 311–323. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.311-323.

Dmitrii K. Stozhko¹, Konstantin P. Stozhko²

¹ Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru

² Ural State Agrarian University (Ekaterinburg, Russia), e-mail: kostskp@mail.ru

Humanistic Views of A. A. Bogdanov: Relations of Cooperation and the Problem of “Gathering a Person” (to the 150th Anniversary of the Birth of a Scientist)

Abstract

Introduction. The purpose of the study is to assess the significance and substantiate the humanistic nature of the creative heritage of A. A. Bogdanov in the new social reality. The objectives of the study are: a comparative analysis of the philosophical and socio-economic content of the works of A. A. Bogdanov; critical comparison of the theoretical and methodological approaches existing in modern science to understanding the basic ideas of the scientist; revealing their theoretical and practical significance, taking into account the new social reality.

Materials and Methods. The basis for writing the article was the writings of A. A. Bogdanov himself, as well as scientific studies of his work, which have appeared over the past twenty years. The study used structural-functional and program-targeted approaches, methods of analysis, synthesis, generalizations and axiology, as well as historical-retrospective, historical-genetic and hermeneutic research methods.

Results. On the example of the socio-philosophical concepts of “gathering a person” and “collective personality”, A. A. Bogdanov’s contribution to the formulation and development of scientific ideas about socialism, humanism, social responsibility and social justice is shown. The humanistic nature of A. A. Bogdanov’s ideas about social cooperation and state structure in a truly humane society is revealed, which distinguishes his views from the ideas of Western European socialists – utopianists and humanists of the Renaissance. The distinctive features of the humanistic philosophy of A. A. Bogdanov from “orthodox Marxism” and liberalism are revealed.

Discussion and Conclusion. On the basis of different scientific approaches that have developed in historical, economic and philosophical science, the polymorphism of tabooing the creative heritage of A. A. Bogdanov and the growing need for its further study, taking into account modern “time challenges”, are revealed.

Keywords: collective personality, dialectics, idealism, materialism, cooperation, socialism, fragmented personality, society, man.

For citation: Stozhko D. K., Stozhko K. P. Humanistic Views of A. A. Bogdanov: Relations of Cooperation and the Problem of “Gathering a Person” (to the 150th Anniversary of the Birth of a Scientist). *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 311–323. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.311-323.

Введение

В настоящее время, в связи с процессами растущей геополитической и макроэкономической нестабильности и неопределенности в мире, идеи А. А. Богданова вновь стали актуальными. Особое значение в условиях формирования новой реальности стали приобретать его концепции «тектологии», «собирания человечества», «коллективной личности» и др. Во взглядах

А. А. Богданова современные исследователи обнаруживают не только интересные политические, экономические, управленческие или философские, но и психологические, социологические и даже художественные аспекты. Вместе с тем в науке все еще присутствует представление о классовом характере идей А. А. Богданова и их марксистской направленности, об их утопичности и т. д.

Целями данного исследования является оценка теоретического значения и обоснование гуманистического характера творческого наследия А. А. Богданова в условиях новой социальной реальности.

Материалы и методы

В исследовании использованы структурно-функциональный и программно-целевой подходы, методы анализа, синтеза, обобщений и аксиологии, а также историко-ретроспективный, историко-генетический и герменевтический методы изучения идей А. А. Богданова в контексте философии гуманизма, его основных мировоззренческих установок и принципов.

Результаты исследования

Александр Александрович Малиновский (Богданов) (1873–1928) – уникальный российский мыслитель, автор многих философских сочинений [4–8]. Среди российских марксистов он был, пожалуй, наиболее глубоким теоретиком в области исследования теоретико-методологических аспектов формирования «нового человека» и «нового общества». Известно, что классики марксизма-ленинизма смутно представляли себе образ будущего общественного устройства. Многие из них любили повторять известные слова Наполеона о том, что «сначала надо ввязаться в бой, а уже затем определяться с будущими целями». Поэтому особый интерес представляют попытки А. А. Богданова сформировать образ будущего общественного устройства до того, как началась революционная эпоха в российской истории.

Опираясь на идею, согласно которой только практический опыт является критерием истины, А. А. Богданов отвергал любые метафизические представления в области исследования социальных связей и социального устройства. По мнению ученого, только практические моменты человеческой деятельности, такие как активность и сопротивление, могут быть положены в

основу научного представления о социальном взаимодействии и появлении тех или иных социальных систем. Называя метафизическое мышление «мнимым мышлением», противоречащим опыту самой жизни, ученый обращал внимание на крайности и материалистического мышления, отмечал глубокие расхождения в понимании истины среди марксистов-материалистов [4, с. 217].

Метафизика в представлениях А. А. Богданова была связана с игнорированием реального опыта развития, причем не только общественного, но и природного. «Метафизика возникает там, – указывал автор, – где мышление пытается выйти за пределы возможного опыта» [4, с. 102]. В этом вопросе А. А. Богданов был даже более радикальным, чем К. Маркс, который понимал значение духовного производства – создания идей и знаний, и отнюдь не сводил метафизическое, идеальное к одной только религии. Для А. А. Богданова любое формирование идей и знаний должно было обязательно подкрепляться практикой. Ни в какие душевные переживания или субъективные ощущения как носителей духовного (метафизического) опыта он не верил. По существу, философ был атеистом, и этим все сказано.

В связи с этим вспоминается притча, в которой атеист упрекает священника в том, что тот верует в Бога, хотя не может доказать его существование. На это священник резонно замечает, что атеист тоже верует, только в отсутствие Бога, хотя тоже не в состоянии этого доказать.

Что же касается научной методологии А. А. Богданова, то со всей определенностью можно сказать, что она основана на диалектическом методе познания социальной реальности, в частности на использовании методов индукции и дедукции. На этот счет А. А. Богданов высказывался следующим образом: «Сущность дедукции заключается в применении результатов, до-

бытых индукцией, т. е. обобщений. Начало того и другого методов совершенно сливается, оно до такой степени общее, что в нем различать тот и другой метод нельзя» [5, с. 486].

Было бы не совсем корректно считать А. А. Богданова «ортодоксальным» марксистом. Стоит отметить, что методология ученого в области исследования явлений социальной жизни людей во многом была опосредована еще начальным периодом его жизни, когда А. А. Богданов занимался естественными науками. Поэтому в некоторых фрагментах его сочинений можно обнаружить влияние социал-дарвинизма и бихевиоризма. Психологический анализ поведения людей посредством системного подхода обычно связывают с работами американского психолога Дж. Вотсона (1978–1958), считающегося основателем бихевиоризма. Но А. А. Богданов, независимо от американского ученого также может считаться одним из основателей бихевиоризма. Если говорить о социал-дарвинистских мотивах организационной теории А. А. Богданова, то характерным будет следующее умозаключение ученого: «Природа – великий первый организатор; и сам человек одно из организационных его произведений... Он – ученик природы, и пока еще очень слабый» [8, с. 71]. Что касается бихевиоризма ученого, то об этом можно судить по специальной главе «Жизнь и психика» из его фундаментальной работы «Эмпириомонизм» [8, с. 37–107]. Выводом из этой главы служит утверждение о том, что «психическое есть опыт, организованный индивидуально, физическое – организованный социально» [8, с. 107].

Фронтирный характер общественного развития в России в конце XIX – начале XX в. ярко проявил себя в различных дискуссиях по вопросам социального устройства. Представители разных гуманитарных наук и различных политических ориента-

ций особенно остро спорили о монархии и республике, о демократии и тоталитаризме, материализме и идеализме, коллективизме и индивидуализме и т. д. Размышляя о коллективизме и индивидуализме, А. А. Богданов видел определенное несоответствие психического и социального формата в развитии личности и общества. Поскольку главными ценностями гуманизма являются именно человеческая личность и ее развитие, постановка вопроса, какая именно личность представляет эту цель и ценность, становится вопросом развития и самой гуманистической философии. «Абстрактная личность» эпохи Античности или «интеллектуальная личность» эпохи Возрождения, как, впрочем, и «расколота», индивидуализированная личность эпохи Постмодерна показали, что они никак «недоотягивали» до ранга «высшей ценности».

Вместе с тем в русской философии уже существовало представление о единстве личности и общества. Это представление активно развивали представители философии идеал-реализма (И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн и др.). В. С. Соловьев, например, отмечал: «Нельзя по существу противопоставить личность и общество, нельзя спрашивать о том, что из этих двух есть цель, и что – средство» [27, с. 161]. И далее: «Общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество» [27, с. 166]. Но если в основе философской антропологии В. С. Соловьева находилась метафизика, то в основе философской антропологии А. А. Богданова – социальная практика. Как показывает вся история развития человечества, обе эти системы философской антропологии, несмотря на существенные различия, имеют и нечто общее. Так, представители русской религиозной философской школы тоже обсуждали и развивали представления о кол-

лективизме, но называли это соборностью, приносили в его содержание, помимо секулярного смысла, еще и определенный сакральный контент. Представляется, что именно в силу такой общности двух вариантов российской философской антропологии тенденция к «собираанию человека» была генеральной и конструктивной, тогда как тенденция к «дроблению человека» – деструктивной и периодической. Именно в этом дроблении и обнаруживается глубинная разница в понятиях «индивид» и «личность».

Проблема социальной разобщенности или, в терминологии А. А. Богданова, «раздробленности человека», ставилась им в прямую зависимость от характера социальных отношений, прежде всего от характера производственных отношений. В системе производственных отношений особое внимание философ уделял феномену эксплуатации, полагая, что при условии совершенствования организации производственных отношений такую эксплуатацию можно будет преодолеть, уничтожить.

Однако, и это следует подчеркнуть, весь исторический опыт развития производственных отношений свидетельствует о том, что эксплуатация существовала в любой социально-экономической системе, как в публичном, так и в частном пространстве. В частном, например семейном, пространстве дети часто сознательно или бессознательно эксплуатируют родителей, и наоборот. В публичном пространстве, например в общественном производстве, феномен эксплуатации также всегда существовал либо в явном, либо в скрытом формате. Поэтому взгляды А. А. Богданова, мечтавшего об уничтожении эксплуатации, можно было бы отнести к категории идеал-реализма, который в начале XX в. представлял собой не просто заметное, но даже уникальное философское направление в российской и мировой философской мысли. Но этого

нельзя сделать в силу материалистических представлений А. А. Богданова, на основе которых философ пришел к выводу о том, что «в борьбе с природой человек приспособился к ее условиям не только путем стихийных рефлексов, но и путем *сознательно-целесообразных* усилий, активно изменяющих эти условия; другими словами, он есть существо *трудовое*» [5, с. 479]. Было бы бессмысленно упрекать ученого в недооценке духовного начала в процессе «собираания человека».

То обстоятельство, что «собираание человека», по мнению А. А. Богданова, связано с его участием в процессе общественного труда, вряд ли может быть поставлено под сомнение. С точки зрения философа, такое «собираание» осуществляется в рамках коллективистской психологии. Вместе с тем гуманистическое начало этой идеи, о котором рассуждает А. А. Богданов, слабо соотносится с объективным процессом общественного разделения труда, который исторически способствовал именно «дроблению человека», росту специализации в хозяйственной сфере его жизни и в итоге возникновению феномена «социального отчуждения» в условиях товарно-капиталистического производства.

Проблема социального отчуждения в свое время была основательно исследована К. Марксом, который доказал, что при товарно-капиталистическом типе производства отчуждение становится тотальным, охватывает как сознание, так и бытие. В этих условиях меняется сама родовая сущность человека, которая превращается в отчужденную от него сущность. Сознывая это или нет, человек сам становится товаром в обществе, в котором существует товарный фетишизм [16, с. 128].

По мнению А. А. Богданова, преодоление социального отчуждения и «собираание человечества» затрудняются распространением машин, которые «родились в мире

конкуренции, общественного антагонизма» и которые «эту конкуренцию, этот антагонизм... довели до крайности» [6, с. 39–41]. Поэтому вместо конкуренции, которая и прежде, и сейчас объявляется двигателем экономики, А. А. Богданов предлагал развивать отношения сотрудничества, кооперации, интеграции. Глядя на состояние современной мировой экономики и распространение недобросовестной конкуренции, можно только констатировать правомерность высказанных на этот счет идей А. А. Богданова.

Следует заметить, что недобросовестная конкуренция создается поведением недобросовестных, аморальных, циничных и эгоистичных людей. А это – отнюдь не образ нового человека, тем более человека-коллективиста, о котором рассуждал философ. А. А. Богданов писал, что постепенно человек «прежнего типа», т. е. *Ното есопотісис*, оказывается «не только уродливой, но и бесполезной фигурой» [6, с. 43]. Соответственно, и само общество оказывается антигуманным. Для преодоления этого необходимо «собирать человека» и «собирать человечество» на основе свободного, совместного и творческого труда. Именно трудовое начало А. А. Богданов видел в качестве основы будущего гуманного общества.

Несмотря на справедливость этих идей, А. А. Богданову в советское время было разрешено читать лекции по политической экономии исключительно в рамках досоветского периода [10, с. 67]. Власть не только опасалась справедливой критики своих действий со стороны ученого (разгона Учредительного собрания, установления диктатуры пролетариата, политики красного террора, военного коммунизма, продразверстки и т. д.), но и просто не понимала многих идей А. А. Богданова [21, с. 77]. С большим опозданием было признано, что многие идеи ученого опередили свое вре-

мя [17, с. 539]. Но в современных условиях растущей геополитической, макроэкономической и социокультурной турбулентности идеи А. А. Богданова, в первую очередь его концепции «собираания человека», «социального сотрудничества», а также организационная теория (тектология), вновь оказываются востребованными. Справедливо суждение, что «в наши дни осмысление творческого наследия А. А. Богданова, по существу, только начинается» [2, с. 366].

Если в советское время творческое наследие А. А. Богданова советская историография все-таки оценивала исключительно с позиций пролетарской, классовой идеологии, то в настоящее время, когда речь идет об укреплении и развитии социального государства, совершенствовании системы социального партнерства в российском обществе, очевидным образом меняются и теоретико-методологические подходы к изучению идей философа. И здесь, в контексте современного экзистенциального кризиса личности в условиях новой реальности, вновь актуальным становится гуманистический подход к оценке взглядов А. А. Богданова.

Сегодня вполне очевидно, что любая наука, в первую очередь гуманитарная, лишенная гуманистической направленности, объективно превращается в «чистую» технологию, социальную инженерию, которая может использоваться как во благо человека, так и вопреки этому [2]. В связи с этим вспоминается утверждение одного из лидеров экономического либерализма XX в. Л. фон Мизеса, который заявлял, что экономическая наука «абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам, и никогда – к выбору конечных целей» [19, с. 829]. При таком подходе понятно, почему все еще сохраняется недооценка значения культурологического контента рассматриваемой

мых концепций А. А. Богданова [19, с. 77]. Однако если раньше А. А. Богданова критиковали за идеализацию образа «коллективного человека», то позднее стали критиковать за идею «собираания человека», за представления ученого о «коллективистском человеке», «коллективистском обществе», считая эти понятия «социальным мифом» [19, с. 78]. Если отталкиваться от известного положения, согласно которому «в индустриальную эпоху коллективизм и индивидуализм вступают между собой в непримиримую, то «горячую», то «холодную войну» [30, с. 403], то подобная «критика» объяснима, но вряд ли конструктивна.

Кто-то же должен был поставить в науке вопрос о «новом человеке», о «новом обществе». Такой запрос в истории – вещь нередкая. В каждую историческую эпоху появляется кто-то, кому выпадает нелегкая участь антропологического прогноза. Достаточно, например, напомнить концепцию «нового человека», предложенную немецким философом Э. Фроммом и изложенную им в книгах «Душа человека», «Иметь или быть», «Бегство от свободы», «Человек для себя» и др. Это был ответ на вызов времени – середины XX в. Философская антропология А. А. Богданова стала ответом на вызовы времени – начала XX в. Время это было довольно бурное: проигранная Русско-японская война (1904–1905), Первая русская революция (1905–1907), разрушение крестьянской общины в ходе аграрной реформы 1906–1911 гг., убийство П. А. Столыпина (1911) и т. д. Поэтому создание «образа будущего», да еще на строго научных основаниях, в такие периоды времени крайне затруднительно, а исследователь рискует дать либо искаженный, либо очень условный вариант. Критика недостатков в обоих случаях – любимое занятие для многих авторов.

Однако недооценка гуманистического контента в философской антропологии

А. А. Богданова представляется несостоятельной хотя бы потому, что будущие поколения судят о человеке не по тому, чего он не сделал или не успел, не смог сделать в своей жизни, а по тому, что он совершил, что создал, что смог оставить будущим поколениям. В этом плане концепция «собираания человека» представляет безусловный теоретический и практический интерес. Тем более, что в условиях существующего противостояния индивидуалистической и коллективистской психологии отдельные авторы пытаются подвергнуть ревизии и ценности труда, девальвируя их [18, с. 37]. Тем не менее труд как источник средств к существованию, как способ самореализации личности, как механизм межличностного общения сохранял и сохраняет свое значение. Особенно это касается креативного (творческого) труда как основы для социального творчества.

Важно отметить и еще одно обстоятельство – существование современной техносферы, которая в эпоху постиндустриализма принципиально отличается от той, что складывалась в условиях индустриального производства. Существующая сегодня техносфера во многом сама устанавливает условия адаптации для людей, задает им векторы поведения. При этом «функциональные возможности и правила использования технотруктур ограничивают вероятность успешной адаптации всех организмов, состоящих в обществе» [11, с. 361]. Тем самым техносфера, хотя и способствует росту комфортности человеческой жизни, в то же время несет в себе угрозу и дегуманизации социальных отношений, личностного и общественного сознания, росту всевозможных рисков, нестабильности и неопределенности [29]. Как точно отмечал А. А. Богданов, «дробление человека вызывает дробление мира» [6, с. 33].

В сочинениях А. А. Богданова можно обнаружить четкую линию размежевания

принципов коллективизма и индивидуализма [30, с. 224]. Важно также отметить мнение, согласно которому «тектология Богданова – это наука, не соответствующая, и даже чуждая западным ценностям» [30, с. 225]. Даже сам термин «тектология» (от греческого слова *tekonikos* «созидательный») свидетельствует о гуманистической направленности организационной теории А. А. Богданова, на основе которой должно осуществляться «собрание человека». В связи с этим особо следует подчеркнуть трудовую природу «коллективной личности» и нового гуманистического общества, о которых писал А. А. Богданов: «Труд – органическая потребность человека» [6, с. 73]. Подлинно «коллективная личность» и «коллективистское общество» действительно не могут существовать вне единой трудовой природы [6, с. 86]. Эти суждения как никогда прежде актуальны сейчас, когда в условиях «общества потребления» (Ж. Бодрийяр), современного «общества риска» (У. Бек) сформировались «одномерный человек» и «одномерный универсум» (Г. Маркузе), а агрессивный рационализм и эгоизм все больше разъедают общество и личность.

Поэтому важно отметить, что именно трудовая солидарность людей выступает как способ их самоорганизации, самоопределения и самореализации, как способ взаимной координации их объективных интересов. В основе такой солидарности лежит трудовая культура, которая, по мысли ученого, представляет собой совокупность способов организации труда, познавательной деятельности и самой жизни. Благодаря ей сам «человек стал существом логическим и этическим» [6, с. 86].

Понимая всю сложность гуманистической реконструкции личности и общества, всю их многообразную типологию и морфологию, А. А. Богданов особую роль отводил системности и унификации орга-

низационных связей между участниками трудового процесса. Так «в результате преодоления авторитарного дробления человека возникает психический тип, совмещающий организаторскую и исполнительскую деятельность» [22, с. 57]. Полагая, что «любые разнородные явления могут быть объединены общими структурными связями на основе единства и объективности законов организации объектов, А. А. Богданов сформулировал задачу и способы ее решения» [17, с. 540]. В качестве задачи он берет идею формирования «товарищеской организации» социальных отношений: «Сущность товарищеской организации заключается в единстве цели, свободно, без всякого принуждения поставленной себе людьми и выходящей за пределы личных интересов каждого из них» [6, с. 68]. Товарищеское общение человека с другими людьми философ рассматривает в качестве конституирующего признака личности [6, с. 30].

Развитие гуманистического подхода А. А. Богданова к проблеме человека и его отличие от «ортодоксального либерализма» и «ортодоксального марксизма» обнаруживается также в его статьях «Либеральные программы» (1904), «Либерализм и демократизм» (1905), «Либералы и социалисты» (1905) и др. В 1917 г. вышла в свет его статья «Современные идеалы», в которой А. А. Богданов рассматривает соотношения двух подходов: сохранение и развитие разных социальных классов в обществе или устранение отдельных классов как эксплуататорских. Он пишет: «Между двумя главными идеалами располагается ряд промежуточных» [6, с. 291]. В итоге он останавливается на «коллективистском идеале», который не растворяет человека в космосе, а лишь делает его самостоятельной и цельной (целостной) личностью [31; 32].

Анализ представлений А. А. Богданова о «коллективистском идеале», «собрании человека» был неразрывно связан с ростом

антагонистических противоречий в условиях российского капитализма начала XX в. После семидесятилетнего перерыва наша страна опять вернулась к сценарию именно капиталистического типа хозяйства, в связи с чем обнаруживаются и прежние, исторически свойственные ему тенденции: с одной стороны, к концентрации и централизации производства и капиталов; с другой – к объединению труда, развитию сотрудничества и интеграции. Гуманистический сценарий общественного развития в таких условиях, предложенный А. А. Богдановым, содержит в себе не только теоретический, но и вполне практический потенциал и может быть востребован на новом этапе социально-экономического развития нашей страны.

Обсуждение и заключение

Творческое наследие А. А. Богданова все еще далеко от однозначной оценки. Это и объяснимо: оно настолько многоплановое и многогранное, что его трудно свести к какому-то «общему знаменателю». Например, вызывают интерес и одновременно сомнения вопрос о правомерности причисления А. А. Богданова к разряду «среднерусских марксистов» [10, с. 71], а также титул «основоположника теории организации» [13]. Среди предшественников А. А. Богданова здесь можно было бы назвать М. Вебера, А. Файоля, Ф. Тейлора и др. [33]. Или утверждение, что именно А. А. Богданов стал «основателем общей теории систем» [15]. Среди ее «отцов-основателей» были Л. фон Берталанфи и В. Бехтерев. Открытым остается и отношение А. А. Богданова к телеологическому и генетическому подходам в вопросах организации и управления социальными процессами. Крайне интересными и практически не изученными остаются и эволюция взглядов А. А. Богданова, соотношение его гуманистических идей с принципами анархизма, либерализма, марксизма, консерватизма [12; 20].

Вместе с тем все чаще исследователи творчества А. А. Богданова обращают внимание на синергетический и междисциплинарный характер его идей [3; 28], особенности их восприятия в современных условиях [9; 24; 26], их эволюцию [23] и практическую (экспериментальную) доказательность [25]. Сохраняется интерес к идеям А. А. Богданова и за рубежом [34; 35]. Это свидетельствует не только об актуальности и теоретической полезности его идей в современных условиях, но и о «титаническом» масштабе этой личности как ученого [1, с. 5], а также о возможностях практического использования его идей в условиях новой социальной реальности.

В настоящее время, в условиях глобального кризиса идеологии либерализма, всё большее внимание привлекает к себе гуманизм. Как мировоззрение, как особая идеология, которая в качестве высшей ценности ставит человеческую личность, ее жизнь и процветание, гуманизм составляет историческую альтернативу либерализму, прежде всего потому, что «либерализм – это «индивидуалистическая система, дающая человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным» [14, с. 4], а, по сути, противопоставляющая личность и общество и сводящая личность к индивиду.

В контексте растущего противостояния коллективного Запада и русского мира, пожалуй, как никогда прежде всё более актуальными становятся содержательные аспекты гуманистического контента, среди которых необходимо отметить идеи общественного и государственного устройства, гражданских прав и свобод, социального консенсуса, эффективной социальной организации общества, межличностных отношений, воспитания и образования, социальной ответственности, социальной солидарности, социальной справедливости, социальной безопасности, творческого характера труда и его роли в жизни человека.

В связи с этим исторический (научный) опыт в постановке и осмыслении гуманистических идей нашими предшественниками (соотечественниками) приобретает особое значение. Творческое наследие А. А. Богданова в полной мере относится к

такому опыту. Его концепции «собирания человека», «творческого» и «свободного труда», «коллективной личности» стали значительным вкладом в теорию гуманизма, осмысление и оценка которого настоятельно необходимы в новых условиях.

Список источников

1. Александр Александрович Богданов / под ред. М. В. Локтионова. М.: Полит. энцикл., 2021. 448 с.
2. Андреев А. Л., Маслин М. А. А. А. Богданов как философ и социальный мыслитель // Богданов А. А. Эмпириомонизм. М., 2003. С. 366–375.
3. Балановский В. В. Александр Богданов: от критики науки к практике жизни // Соловьевские чтения. 2012. Т. 35, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-bogdanov-ot-kritiki-nauki-k-praktike-zhizni/viewer> (дата обращения 11.05.2023).
4. Богданов А. А. Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003. 400 с.
5. Богданов А. А. Методы труда и методы познания // Русская философия. Конец XIX – начало XX века. СПб., 1993. С. 477–492.
6. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
7. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии докапиталистической эпохи. М.: USSR, 2020. 378 с.
8. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
9. Богомолов А. И. Тектология Богданова и диагностика глобальных процессов // Вестник МГУ. Сер.: Глобалистика и геополитика. 2019. № 4. С. 5–13.
10. Гловели Г. Д. Ленинизм, термины тов. А. А. Богданова и философ Ильенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия» // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2. С. 65–85.
11. Григорьев А. В. Антропология: от организмов к техносфере. М.: USSR, 2009. 480 с.
12. Кожевников В. П. Концептуальная природа и механизмы формирования русского либерального менталитета // Социодинамика. 2013. № 11. С. 133–153.
13. Кришталь В. В. А. А. Богданов – основоположник тектологии и теории организации // ЭВР. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-bogdanov-osnovopolozhnik-tektologii-i-teorii-organizatsii/viewer> (дата обращения: 11.05.2023).
14. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Рус. путь, 1995. 550 с.
15. Локтионов М. В. А. А. Богданов как основоположник общей теории систем // Экономика: реалии времени. 2015. Т. 19, № 3. С. 153–158.
16. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 43–178.
17. Маршев В. И. История управленческой мысли. М.: МГУ, 2005. 731 с.
18. Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.
19. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
20. Осипов А. А. Социально-философские идеи А. А. Богданова: от тектологии к марксизму // Актуальные проблемы социальной философии: сб. ст. СПб., 2012. С. 260–265.
21. Очерки советской и китайской мысли / ред. Л. Д. Широкоград. СПб.: С.-Петербург. государственный университет, 1992. 319 с.
22. Попова А. В. Концепция «цельного человека» в философии А. А. Богданова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. Т. 43, № 7. С. 55–59.
23. Попова А. В. Эволюция творчества А. А. Богданова на пути к тектологии всеобщей организационной науке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 7. С. 34–39.

24. Сидорова О. А. Генезис идей А. Богданова в современном обществе // Хроно-экономика. 2019. Т. 20, № 7. С. 48–50.
25. Ситкевич С. А., Черепица В. Н. А. А. Богданов (Малиновский): мыслитель, писатель и врач-экспериментатор // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2021. Т. 19, № 2. С. 242–245.
26. Смольников В. Тектология А. Богданова и современность. URL: http://vasilieva.narod.ru/24_3_97.htm (дата обращения: 11.05.2023).
27. Соловьев В. С. Оправдание добра / Русская философия собственности. СПб.: Ганза, 1993. 512 с.
28. Тепляков Д. А. Полемика А. А. Богданова с «ортодоксальными» марксистами: гносеологический дуализм «материи» и сознания или монизм «комплексов и элементов опыта»? // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. No. 18. P. 11–13.
29. Унукович А. С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект // Психо-педагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 86, № 3. С. 346–351.
30. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.
31. Шабатура Л. Н. Онтология космизма А. А. Богданова // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 15–17.
32. Шульман Н. А. Художественная специфика инопланетного пространства в романе А. А. Богданова «Красная звезда» // Грани познания. Электронный научный журнал ВГСПУ. 2022. Т. 78, № 1. С. 69–72.
33. Яковлев А. А. История развития и становления «теории организации» // Россия в глобальном мире. 2014. Т. 27, № 4. С. 364–375.
34. Alexander Bogdanov. Theoretiker für das 20. Jahrhundert. München: Verlag Otto Sagner, 2009. URL: <https://publications.hse.ru/books/90265158> (дата обращения: 11.05.2023).
35. Gare A. Aleksandr Bogdanov and Systems Theory // Democracy and Nature. 2000. Vol. 6, No. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/248981084_Aleksandr_Bogdanov_and_Systems_Theory (дата обращения 11.05.2023).

References

1. Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov / ed. M. V. Loktionova. Moscow, 2021, 448 p. (In Russ.)
1. Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov / Ed. M. V. Loktionova. Moscow, 2021, 448 p. (In Russ.)
2. Andreev A. L., Maslin M. A. A. A. Bogdanov as a philosopher and social thinker. *Bogdanov A. A. Empiriomonizm* = Bogdanov A. A. Empiriomonism. Moscow, 2003, P. 366–375. (In Russ.)
3. Balanovsky V. V. Alexander Bogdanov: from criticism of science to the practice of life. *Solov'evskie chteniia* = Soloviev Readings. 2012; 35(3). [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-bogdanov-ot-kritiki-nauki-k-praktike-zhizni/viewer> (accessed 11.05.2023). (In Russ.)
4. *Bogdanov A. A. Empiriomonism*. Moscow, 2003, 400 p. (In Russ.)
5. *Bogdanov A. A. Methods of work and methods of knowledge. Russkaia filosofiia. Konets XX – nachalo XX veka* = Russian Philosophy. The end of the XIX – the beginning of the XX century. St. Petersburg, 1993, P. 477–492. (In Russ.)
6. *Bogdanov A. A. Questions of socialism: Works of different years*. Moscow, 1990, 479 p. (In Russ.)
7. *Bogdanov A., Stepanov I. The course of political economy of the pre-capitalist era*. Moscow, 2020, 378 p. (In Russ.)
8. *Bogdanov A. A. Tectology. General organizational science*. In 2 books. Book. 1. Moscow, 1989, 304 p. (In Russ.)
9. *Bogomolov A. I. Bogdanov's tectology and diagnostics of global processes. Vestnik MGU. Seriya: Globalistika i geopolitika* = Bulletin of Moscow State University. Series: Global Studies and Geopolitics. 2019; 4: 5–13. (In Russ.)
10. *Gloveli G. D. Leninism, the terms of comrade. A. A. Bogdanova and the philosopher Ilyenkov as an apologist for the Stalinist economy "destruction of equilibrium". Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* = Questions of Theoretical Economics. 2020; 2: 65–85. (In Russ.)

11. Grigoriev A. V. Anthropology: from organisms to the technosphere. Moscow, 2009, 480 p. (In Russ.)
12. Kozhevnikov V. P. Conceptual nature and mechanisms of formation of the Russian liberal mentality. *Sotsiodinamika* = Sociodynamics. 2013; 11: 133–153. (In Russ.)
13. Krishtal V. V. A. Bogdanov – the founder of tectology and organization theory. *EVR* = EVR. 2006; 2. [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-bogdanov-osnovopolozhnik-tektologii-i-teorii-organizatsii/viewer> (accessed 11.05.2023). (In Russ.)
14. Leontovich V. V. The history of liberalism in Russia. 1762–1914. Moscow, 1995, 550 p. (In Russ.)
15. Loktionov M. V. A. A. Bogdanov as the founder of the general theory of systems. *Ekonomika: realii vremeni* = Economics: realities of time. 2015; 19(3): 153–158. (In Russ.)
16. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844. *Marks K., Engel's F. Sochineniia. 2-e izd.* = Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, 1974, vol. 42, P. 43–178. (In Russ.)
17. Marshev V. I. History of management thought. Moscow, 2005, 731 p. (In Russ.)
18. Mertsalov V. The logic of anthropogenesis. The origin of man is not yet complete. St. Petersburg, 2008. 296 p. (In Russ.)
19. Mises L. fon. *Human activity*. Treatise on economic theory. Chelyabinsk, 2005. 878 p. (In Russ.)
20. Osipov A. A. Socio-philosophical ideas of A. A. Bogdanov: from tectology to Marxism. *Aktual'nye problemy sotsial'noi filosofii* = Actual problems of social philosophy. St. Petersburg, 2012, P. 260–265. (In Russ.)
21. Essays on Soviet and Chinese soap / ed. L. D. Shirokorad. St. Petersburg, 1992, 319 p. (In Russ.)
22. Popova A. V. The concept of a “whole person” in the philosophy of A. A. Bogdanov. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* = Bulletin of the Orenburg State University. University. 2012; 43(7): 55–59. (In Russ.)
23. Popova A. V. Evolution of creativity A. A. Bogdanov on the way to tectology of general organizational science. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* = Bulletin of the Orenburg State University. University. 2005; 7: 34–39. (In Russ.)
24. Sidorova O. A. The genesis of A. Bogdanov's ideas in modern society. *Khrono-ekonomika* = Chrono-economics. 2019; 20(7): 48–50. (In Russ.)
25. Sitkevich S. A., Cherepitsa V. N. A. Bogdanov (Malinovsky): thinker, writer and experimental doctor. *Zhurnal Grodnenskogo gos. med. un-ta* = Journal of the Grodno State Medicine University. 2021; 19(2): 242–245. (In Russ.)
26. Smolnikov V. Tectology A. Bogdanov and the present. [Electronic resource]. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/24_3_97.htm (accessed 11.05.2023). (In Russ.)
27. Solovyov V. S. Justification of goodness. *Russkaia filosofiia sobstvennosti* = Russian Philosophy of Property. St. Petersburg, 1993. 512 p. (In Russ.)
28. Teplyakov D. A. A. A. Bogdanov's controversy with “orthodox” Marxists: epistemological dualism of “matter” and consciousness or monism of “complexes and elements of experience”? *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2018; 18: 11–13. (In Russ.)
29. Unukovich A. S. Social engineering and cybersecurity: victimological aspect. *Psikho-pedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* = Psycho-pedagogy in law enforcement agencies. 2021; 86(3): 346–351. (In Russ.)
30. Churinov N. M. Perfection and freedom. Novosibirsk, 2006. 712 p. (In Russ.)
31. Shabatura L. N. Ontology of cosmism A. A. Bogdanova. *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kul'tura* = Society: philosophy, history, culture. 2016; 12: 15–17. (In Russ.)
32. Shulman N. A. Artistic specificity of alien space in A. A. Bogdanov's novel “Red Star”. *Grani poznaniia. Elektronnyi nauchnyi zhurnal VGSPU* = Facets of Knowledge. Electronic scientific journal VGSPU. 2022; 78(1): 69–72. (In Russ.)
33. Yakovlev A. A. The history of the development and formation of the “organization theory”. *Rossiiia v global'nom mire* = Russia in the global world. 2014; 27(4): 364–375. (In Russ.)
34. Alexander Bogdanov. Theoretiker fur das 20. Jahrhundert. Munchen: Veglag Otto Sagner, 2009. [Electronic resource]. Available at: <https://publications.hse.ru/books/90265158> (accessed 11.05.2023). (In Russ.)

35. *Gare A. Aleksandr Bogdanov and Systems Theory. Democracy and Nature. 2000; 6(3). [Electronic resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/248981084_Aleksandr_Bogdanov_and_Systems_Theory (accessed 11.05.2023). (In Russ.)*

Поступила 18.05.2023.

Сведения об авторах

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: экономическая история, философия хозяйства, экономическая культура, история экономической мысли. Автор более 300 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: история социально-экономической мысли, философия хозяйства, экономическая история, история и философия науки. Автор более 500 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

Submitted 18.05.2023.

About the authors

Dmitrij K. Stozhko – Candidate of Philosophy, Department of Creative Management and Humanities, Ural State Economic University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: economic history, philosophy of economy, economic culture, history of economic thought. The author has more than 300 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Konstantin P. Stozhko – Doctor of History, Professor, the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: history of socio-economic thought, philosophy of economics, economic history, history and philosophy of science. The author has more than 500 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

УДК 091, 396.1

А. А. Типикина

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (Орёл, Россия),
e-mail: alin.tipikina2017@yandex.ru*

Тема женщины в философии В. В. Розанова

Аннотация

Введение. Статья посвящена воззрениям отечественного религиозного философа, критика и публициста В. В. Розанова на «женский вопрос» середины XIX – начала XX в. Автор обращается к таким социальным аспектам жизни женщины, как брак, образование, труд, права, возможности общественной самореализации. Актуальность статьи обусловлена несомненным интересом общества к женской теме и женскому отечественному движению. Цель статьи – выявить взгляды В. В. Розанова на женщину, сопоставив их с идеями женского эмансипационного движения середины XIX – начала XX в.

Материалы и методы. В исследовании были применены герменевтический, компаративистский и сравнительно-исторический методы, помогающие выявить взгляды отечественного мыслителя на женщину из его философских и публицистических произведений.

Результаты исследования. В статье рассмотрена трактовка В. В. Розановым бракоразводного процесса, положения женщины в семье, обществе, возможности женщин получить образование и реализации в трудовой сфере. Анализ выбранных автором произведений позволил выделить взгляды отечественного мыслителя в поддержку идей и требований русских женщин.

Обсуждение и заключение. Автор статьи делает вывод о поддержке В. В. Розановым большинства требований женщин России рубежа XIX–XX вв. и одновременно о традиционном подходе философа к пониманию природы женщины как мягкого и нежного существа, ее основных социальных функций, связанных с материнством и семьей.

Ключевые слова: В. В. Розанов, женщина, женский вопрос, брак, семья, равные права, женская самореализация, женское образование, женский труд.

Для цитирования: Типикина А. А. Тема женщины в философии В. В. Розанова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 324–335. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.324-335.

Alina A. Tipikina

Orel State University (Orel, Russia), e-mail: alin.tipikina2017@yandex.ru

Woman's Topic in Philosophy of V. V. Rozanov

Abstract

Introduction. The article is devoted to the views of the Russian religious philosopher, critic and publicist V. V. Rozanov on the “woman’s question” of the mid- 19th – early 20th century. The author pays attention to such social aspects of a woman’s life as: marriage, education, work, rights, opportunities for social self-realization. The relevance of the article is due to the undoubted interest of society in the woman’s topic and the Russian woman’s movement. The purpose of the article is to reveal the views of V. V. Rozanov on a woman, comparing them with the ideas of the woman’s emancipation movement of the middle of 19th and early 20th centuries.

© Типикина А. А., 2023

Materials and Methods. The study used hermeneutic, comparative and comparative historical methods that help to identify the views of the Russian thinker on a woman from his philosophical and journalistic works.

Results. The article examined V. V. Rozanov's interpretation of the divorce process, the position of women in the family, society, the opportunities for women to receive education and realization in the labor sphere. An analysis of the works chosen by the author made it possible to single out the views of the Russian thinker in support of the ideas and demands of Russian women.

Discussion and Conclusion. The author of the article concludes that Rozanov supported most of the demands of Russian women at the turn of the 19th – 20th centuries and, at the same time, about the philosopher's traditional approach to understanding the nature of a woman as a soft and gentle creature, her main social functions related to motherhood and family.

Keywords: V. V. Rozanov, woman, women's question, marriage, family, equal rights, female self-realization, women's education, women's work.

For citation: *Tipikina A. A. Woman's Topic in Philosophy of V. V. Rozanov. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 324–335. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.324-335.

Введение

Женское движение середины XIX – начала XX в. и его оценка современниками представляют несомненный интерес для понимания положения женщины в России. «Женский вопрос», нашедший отклик у представителей интеллигенции, являлся предметом широкой дискуссии, который в свое время не оставил равнодушными общественных деятелей, ученых, публицистов и, конечно, философов.

В репрезентируемом здесь исследовании мы обращаемся к идеям Василия Васильевича Розанова, отечественного религиозного мыслителя, критика и писателя, которые он высказывал по поводу женского движения и его требований. В статье будут рассмотрены взгляды В. В. Розанова по вопросам природы женщины и специфически женских качеств, бракоразводного процесса, образования и труда для женщин, социальной и юридической защиты женщин. Философ рассуждал об онтологических, социальных, правовых и семейных аспектах жизни женщины, давая им иногда достаточно противоречивые оценки. Благодаря такой неоднозначной позиции в отношении женщин мы можем проанализировать взгляды философа с разных сторон, а также выделить социальные задачи женщин, на

определении которых философ заострял особое внимание. Изучение женской темы с позиции В. В. Розанова позволит лучше понять положение и статус женщины периода середины XIX – начала XX в.

Современницы Розанова видели в философе человека, способного глубоко понять «женскую натуру», проникнуть в сущность женской природы. Творчество философа находило позитивный отклик у его соотечественниц. Любовь Алексеевна Мурахина-Аксенова, писательница и переводчица, вспоминает: «Василий Васильевич дал прочесть его “Уединенное” и 2 тома “Опавших листьев”. И я приятно была удивлена, когда, раскрыв “Уединенное”, нашла на 26-ой стр., что одна его родственница сказала ему: – “В вас мужского только одежда” (последнее слово там другое). Следовательно, я не ошиблась в своей характеристике, написанной мною до прочтения отзыва другой женщины» [8]. Анастасия Ивановна Цветаева, младшая сестра поэтессы Марины Цветаевой, писала об «Уединенном»: «Я бросилась к Марине. Марина отобрала у меня книгу, села за нее – и от нее встала в знакомом мне в ней книжном бреду. Ее глаза были пусты и жалобны. Она отсутствовала. Она была там, в книге, с неведомым от века родным человеком...» [34]. В письме к

Розанову Анастасия обращается: «Дорогой Василий Васильевич! Только что кончила Ваше “Уединенное”. Вам 59 лет, а мне 19, но никакой разницы, потому что Вы пишете о том, что вне возраста, и Ваша книга – родная...» [34]. Зинаида Гиппиус, поэтесса и философ, писала о Розанове: «Розанов ведь чувствовал в себе сам много женского. “Бабьего”, как он говорил» [3, с. 339].

Обзор литературы

Исходя из выделенных нами работ, мы можем говорить, что интерес к взглядам В. В. Розанова на женскую проблематику является актуальным и по сей день. Взгляды В. В. Розанова на женщину и проблемы, поднимаемые женским движением, освещены в работах И. В. Желтиковой «В. В. Розанов и вопросы феминизма» [6], Т. В. Елисеевой «Образ материнства как квинтэссенция мудрости в русской философии XIX века» [5], Л. Р. Усмановой, Л. В. Басовой «Женщина как хранитель семейных ценностей в России (на основе анализа философского творчества В. В. Розанова)» [33], Л. Р. Миркушиной «Образ женщины как социокультурный феномен в русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв.» [7], Ворониной О. А. «Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в.» [2].

В нашем исследовании мы обратимся к таким работам В. В. Розанова, как «Религия и культура» (1899), «Семейный вопрос в России» (1903), «Природа и история» (1904–1905), «Около церковных стен» (1906), «В темных религиозных лучах» (1906), «Люди лунного света» (1911), «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» (1912), «В чаду войны» (1916–1918).

Материалы и методы

В исследовании применены герменевтический, компаративистский и сравнительно-исторический методы. Наше внимание было направлено на анализ текстов В. В. Розанова и выявление в них основных

мировоззренческих установок по отношению к специфике природы женщины, поставленных ею на рубеже XIX–XX вв. социальных проблем. Герменевтический подход был использован для изучения конкретных текстов философа в рамках его творчества, с учетом общественных установок времени появления произведения. Компаративистский анализ предоставил возможность сравнить воззрения отечественного мыслителя с требованиями и убеждениями общества по отношению к женщине периода XIX – начала XX в. Сравнительно-исторический метод был использован при сопоставлении идей В. В. Розанова с культурно-историческими убеждениями его времени и позволил отметить новаторство или традиционные установки в воззрениях.

Результаты исследования

Рассуждая о природе женщины, специфике ее бытия, В. В. Розанов утверждал, что обществу не стоит отвергать присутствие женской природы в Боге. Общество, отвергающее женское, отвергает и мужское, что недопустимо с религиозной точки зрения [20, с. 82]. Для В. В. Розанова женщина являлась «символом единства рода», причиной его сплоченности и полноты. Женщина – мистический элемент, который объединяет всех людей, поэтому ей в первую очередь присущи красота, любовь, сила и право на то, чтобы все эти качества она могла реализовать во благо для себя [16, с. 98].

Бытие женщины В. В. Розанов неразрывно связывал с семейной жизнью, так как женщина характером, интеллектом, поддержкой способна исправить «кривизну характера мужа», приведя его к идеалу в супружестве [25, с. 357]. Именно поэтому философ настаивал на важности заботы церкви о брачных отношениях, ведь именно она может дать правильные установки семье. Церковь, по Розанову, играет главную роль в семейно-брачных отношениях, и именно женщины чаще всего приходят в церковь молиться.

Отечественный мыслитель восхищался религиозным чувством, которое присутствует у женщин. Если мужчина склонен по своей натуре предаваться философским размышлениям и это он может делать в любом месте, то женщина, будучи религиозным существом, показывает свою принципиальную сторону характера – она обязательно ищет храм для молитвы. Это желание делает женщину приближенной к земле, а соответственно, более приближенной к Богу, так как земля именно в Нем имеет свою тайну [26, с. 296]. В. В. Розанов придерживался позиции, что церковь обязана поддерживать в женщинах их трепетную религиозность и духовность. Для этого Церковь должна позаботиться о них, создав новый цикл молитв о беременной женщине и матери, так как «быть матерью – это призвание женщины» и «материнство – это великое» [12, с. 174].

Безусловно, В. В. Розанов разделял традиционные установки о предназначении женщины в семье: она должна реализовать себя в беременности и кормлении детей. Акты деторождения и воспитания являются способом женщины достичь высшего идеала ее существования [25, с. 356]. В этом заключается главная задача женщины – переработать цивилизацию и сделать ее для себя через материнское чрево. Реализация женщины как матери и воспитательницы способствует не только ее религиозной миссии, но и культурной: «культуру в ее подробностях, в мелочном и изящном, в ее удобном и поэтическом – делают женщины» [28, с. 127].

Мыслитель хвалит русскую женщину за ее чадородие и чадолюбие [32, с. 205], она может лучше всех выносить детей нравственно и физически. Человеческие пороки формируются еще внутри матери, и только русская женщина способна дать детям истинные добродетели в отличие от любой другой зарубежной дамы [12, с. 174].

Несмотря на то что В. В. Розанов утверждал безусловную важность семейно-брачных отношений, настаивал на особом положении женщины в браке, он являлся одним из немногих русских философов своего времени, который ставил вопрос о разводе, утверждая, что брак может тяготить возлюбленных и потому должен быть расторгнут. Осмысление бракоразводного процесса, его причин и особенностей связано в первую очередь с непростыми отношениями Розанова с официальной женой, Аполлинарией Прокофьевной Сусловой.

Можно утверждать, что брак Аполлинарии Прокофьевны и Василия Васильевича не был счастливым. Сам Розанов признавался, что, несмотря на большую разницу в возрасте, он заинтересовался этой женщиной из-за своей любви к Достоевскому [1, с. 405], чьей возлюбленной в прошлом она была. Получив хорошее домашнее образование, Аполлинария Прокофьевна демонстрировала приверженность передовым взглядам на место женщины в обществе, как и ее старшая сестра Надежда Прокофьевна – первый русский доктор медицины.

З. Н. Гиппиус в произведении «Задумчивый странник. О Розанове» (1923) посвящает главу «Тяжелая старуха» отношениям В. В. Розанова и А. П. Сусловой. Поэтесса пишет: «Дьявол, а не Бог сочетал восемнадцатилетнего мальчишку с сорокалетней бабой!» [3, с. 328]; «Ведь она не только, живя с ним, истерзала его, она и на всю последующую жизнь наложила свою злую лапу» [3, с. 327]. Когда философ осознал, что супруга не только не любит и презирает его труд, но и ненавидит его самого, супруги расстались [9, с. 34–35]. Попытавшись официально расторгнуть брак, В. В. Розанов лично убедился в законодательной неопределенности этого процесса в России. Желая придать официальный статус отношениям со второй женой Варварой Дмитриевной Бутягиной, а также узаконить детей от нее, Розанов стра-

дал из-за отсутствия возможности развестись с Суловой, которая не давала развод [4, с. 145–146]. Конечно, такая драматичная ситуация отразилась как на личной жизни, так и на общественной позиции мыслителя.

Проблеме развода посвящена значительная часть сборника «Семейный вопрос в России». Причиной развода, по мысли В. В. Розанова, могло быть как психологическое, так и физиологическое несовпадение супругов. Так, в начале семейной жизни супруги устают от совместного времяпровождения, от семейного быта [17, с. 192]. В этом заключается проблема возникновения «вторых» и «третьих» семей, где супруг или супруга ищут «оживления» и «молодости» [17, с. 193]. Семья должна создаваться с целью рождения детей. Их отсутствие – еще одна убедительная причина для развода. Бездетная семья – это «труп, обвитый ветхими цепями»; семья должна рождаться из «живого тела брака» и создавать «новый элемент», которого не было до сих пор, – ребенка [19, с. 116].

В. В. Розанов пытается привлечь внимание общественности к бракоразводному процессу и правовому аспекту жизни женщины. В качестве поддержки женщин он публикует в своем альманахе «В чаду войны» письмо русских тружениц «Послушаем голоса матерей» (1917). В письме русские работницы заявляют о несправедливом отношении к женщине как к матери. Женщины утверждают, что в настоящее время оснований для развода не так много, но общество не учитывает, что бесплодие супруга для женщины также является причиной для развода с мужем, так как дети – это святая цель брака [29, с. 488–489].

«Общество должно обратить внимание на воспитательные и родильные дома, – настаивает Розанов, – позволить женщинам стать “внебрачными” матерями, так как в процентном соотношении мужчин становится всё меньше, а женщина нуждается

в реализации своих материнских потребностей. Женщина, страдающая бесплодием, должна иметь поддержку со стороны государства и получать разрешение воспитывать детей из детских домов» [29, с. 488–489].

Мыслитель соглашается с русскими женщинами, поясняя, что контроль этого вопроса несет паспортно-канцелярский характер, из-за чего больше и больше детей могут погибнуть, а женщины – так и не реализоваться как матери [29, с. 488–489]. Философ поддерживает идею позволить девушке, достигнувшей зрелости, иметь вне брака ребенка, «который бы согрел ее старость и осмыслил ее жизнь» [11, с. 497]. Законы юридически отнимают у женщины ребенка, настраивают против нее общество, не позволяя детям и матерям носить одну фамилию, детям иметь фамилию отца. Девушке ничего не остается, кроме как убить младенца или отнести его в воспитательный дом [11, с. 497].

Продолжая рассуждать о правовой тематике в общественной жизни, В. В. Розанов публикует статью «О расширении прав брака» (1904), в которой рассуждает о возможности лиц, расторгнувших брак по причине измены супруга, вступать в новые брачные отношения. Называя эту реформу «могучею», философ считает, что новообретенные права избавят людей от страданий в отношениях, так как законодательство усугубляло связь между людьми, заставляя их ненавидеть друг друга или покушаться на жизнь партнера. Для В. В. Розанова очевидно, что в первую очередь будут разводиться те люди, которые живут порознь, а заключать брак – те, кто уже сожительствует [23, с. 376].

В статье «Новый важный закон» (1904) В. В. Розанов обращается к вопросу о реформировании бракоразводного процесса, который уравнивает возможность развестись одинаково, как мужчине, так и жен-

штине. Однако философ не исключает, что церковь могла отказать в новом браке «прелюбодею» с православной девушкой или вдовой, тем самым оберегая женщину от отрицательного влияния на нее. В. В. Розанов писал, что из-за возможного отказа церкви венчать возлюбленных всё больше и больше стали появляться гражданские браки, на которые церковь закрывала глаза. Церковь считала, что она не имеет права заключать новые браки, она могла только формально воспрепятствовать новому супружеству. Но также она допускала разрешение гражданского брака со стороны светской власти [21, с. 378–379].

В. В. Розанов не может отрицать, что социальные трансформации середины XIX в. оказали существенное влияние на женщину, что послужило возникновению в русском обществе «женского вопроса». На фоне общественных волнений для мужчины рушится идеал женщины как нежной матери и вдохновительницы. Возникает новый образ женщины как подруги и наставника, чему женщина охотно следует, избавляясь от длинных волос, украшений и своих нарядов – собственно, от всего, что «делает ее женщиной» [16, с. 95].

На фоне таких социальных изменений мыслитель приходит к выводу, что женщина становится самостоятельным членом общества и она больше не ребенок, которого надо опекать. Ее стоит серьезно воспринимать, принять во внимание требования и желания, поскольку женщина доказала свои способности в науке. В. В. Розанов констатирует, что по своей природе женщина – гениальный практик и может реализовываться как практик-покровитель и практик-защитник [10, с. 622–623].

Мыслитель считает, что в середине XIX – начале XX в. происходят необычные преобразования инстинктов материнства и домоводства в инстинкты ухода и хозяйского уклада. Он уверен, что женщине стоит

следовать этому инстинкту и нужно ей помочь реализовать его, так как исполнение подобного желания благоприятно скажется не только для нее самой, но и для общества и государства. Женщина обладает «нужным талантом», который должны «брать там, где он лежит» [10, с. 622–623].

Философ достаточно много размышлял о присутствии женщины в образовательном процессе. Он признавал, что русским девушкам, учившимся за границей, было крайне трудно получать научные степени и быть слушательницами среди студентов-иностранцев, при этом, будучи непонятыми своими же соотечественниками. Он отмечает, что женщинам было бы намного проще, если бы они встретили понимающих их людей в своей стране, и не было бы такого обильного оттока молодых и амбициозных девушек из России с целью получения высшего образования [30, с. 393].

В. В. Розанов подчеркивает важность развития женского образования именно в России, поэтому положительно отзываясь об учреждении Ольгинского женского института в Воронеже. Утверждая, что женские институты имеют славную историю, Розанов находит такой тип обучения идеалом среднего образования, где воспитание и мягкий нрав юных девушек выходят на первое место. Выпускаясь из институтов, студентки становятся добрыми семьянками и лучшими членами общества [22, с. 639].

На фоне деятельности Ольгинского женского института для мыслителя контрастно выглядит «образовательная» активность Высших женских курсов. В статье «Женское образовательное движение 60-х годов» (1896) В. В. Розанов размышляет об упрощенном способе получения профессии для женщин – с помощью специализированных курсов. Философ пренебрежительно отзываясь о деятельности Высших женских курсов, так как представительницы женско-

го движения занимаются общественными делами, находят аудиенцию у министров, занимаются хлопотами у президента Академии наук или директоров гимназий, но общество не замечает «беззаветно забывшейся над книгой женщины» [16, с. 94]. Так, философ считал, что слушательницы курсов отстаивают свое право на образование не ради просвещения, а ради внимания: «Высшие женские курсы, поэтому, были и остаются вовсе не проявлением умственного, теоретического интереса женщин. Его не было в то время и его нет теперь» [16, с. 94].

Даже притом что В. В. Розанов поддерживал не все способы получения образования женщинами, он считал крайне важным открыть женщине дорогу в медицинское образование. Для отечественного мыслителя женщина обладает особым чутьем, которое способно безошибочно определять болезни, особенно детские, в отличие от мужчины, который способен только угадывать [15, с. 631]. В. В. Розанов подмечает, что, конечно, сложно определить, кто искуснее в врачебной деятельности – мужчина или женщина. Однако он полагает, что женские и детские болезни – это собственность женщины-врача. Такие заболевания составляют половину из существующих болезней, а болезнь молодой матери намного опаснее и серьезнее, нежели локализованное заболевание [15, с. 631]. По этой причине В. В. Розанов делает вывод, что важно развивать женское медицинское образование, так как от этого зависит здоровье всей страны. Женщина, работающая в медицинской сфере, самоотверженна в отличие от мужчины, и в этом ее преимущество, делающее из нее хорошего врача и сестру милосердия: в поселения, куда неохотно поедет мужчина, женщина едет, как пионер [15, с. 632].

В. В. Розанов поясняет, что образование популярно сейчас настолько, что значимые люди в лице чиновника, купца, дворянина

или же священника обязательно отправят на обучение свою дочь в женскую гимназию. Философ замечает, что девушки повторяют упрощенные курсы, проводимые в мужских учебных заведениях, однако, помимо научной сферы, могли бы вовлечься в области, в которых мужчина не сможет повторить женщину. Однако она ими не занимается, обучаясь научно и отвлеченно, а не художественно и практически, как следовало бы ее натуре [13, с. 638]. Также женщине стоит заниматься культурными и художественными областями, поскольку ее задатки способствуют этому: девушка лучше видит, лучше соображает в мелочах, рука ее меньше, подвижнее и живее [24, с. 636].

Вопрос образования безусловно связан с вопросом трудовой деятельности. Так, В. В. Розанов признает факт, что женский труд обесценивается. В качестве примера он приводит женский труд в Европе – по сути, «китайский дешевый труд», в котором женщина может рассчитывать на детские формы работы и такую же оплату. Мыслитель подчеркивает, что женщина в производстве играет роль ребенка, где за нее всё решают взрослые [10, с. 620–621].

Интересны размышления В. В. Розанова о возможных сферах деятельности для женщин. Философ выделяет области, в которых способности женщины нашли бы наиболее эффективное применение: это административная работа, интендантство, руководство лечебными заведениями, сфера управления. В. В. Розанов утверждает, что в медицине только женщина способна на мягкое руководство, внимательное и сострадательное отношение и к персоналу, и к пациентам [10, с. 620–621]. На военном поприще она способна обеспечивать солдат едой и теплыми вещами, распределяя их по справедливости и по закону, не воруя казенное добро. По мнению В. В. Розанова, восполнение материальных ресурсов лучше всего

доверить женщине в силу ее природы. В качестве военных вакансий философ предлагал женщине быть также счетоводкой и заниматься организацией хозяйства, так как у женщины в этом есть прирожденный талант [10, с. 622].

Также философ предлагает женщинам обратиться к ремесленным областям, потому как женщина по своей исторической сущности всегда была рукодельницей и умело справлялась с иглой. Мыслитель надеется, что будут открыты курсы для женщин и девушек, обучающие их теоретическому и практическому освоению швейного мастерства, а их труд, соответственно, даст им «кусочек хлеба» [24, с. 637].

Помимо того что женщина для В. В. Розанова способна быть врачом, администратором и мастерицей, она еще хороший учитель и воспитатель. Философ выделяет, что допущение женщин к преподаванию – это большой шаг в трудовой сфере из-за того, что женщина всегда была честной и порядочной труженицей. Для В. В. Розанова женщина очень хороша в преподавании для младших классов в училищах как для девочек, так и для мальчиков, поскольку здесь преподавание сливается с воспитанием, а женщина выступает соединительным звеном между родителями и образовательным учреждением [31, с. 632–633].

Проблемы социальной защиты женщин также находят отклик в воззрениях В. В. Розанова. Философ отмечал, что неоднократно можно было услышать, как одни женщины обвиняли других женщин в соблазнении мужчин, нескромно себя вели, имели развязные манеры [20, с. 36]. Иная ситуация, когда женщины сами подталкивали мужей на ухаживания, проверяя их верность. В. В. Розанов защищает женщин, утверждая, что они не виноваты в обладании выраженной сексуальностью. То, что женщина «пала» перед мужчиной, говорит не о том, что она заслуживает порицания, а о том, что

ее эротическое желание требует удовлетворения [20, с. 37–38].

Бесконтрольные же половые связи и насилие над женщиной В. В. Розанов связывает с деятельностью государства, которое официально разрешило женщинам прелюбодеяние, узаконив проституцию, подтолкнув тем самым несчастных к нравственному падению. Философ считает: вместо того чтобы официально разрешить заключать и расторгать духовные браки, государство направляет женщин в публичный дом, портя им жизнь и отмечая их постыдный статус в паспорте [18, с. 136]. В обществе стали превалировать извращенный взгляд на женщину, безнравственность в семейных отношениях, браке, порочная интерпретация духовного супружества, что служит поводом для бесчисленного количества измен [27, с. 180]. Также женщины, страдающие при этом от физической расправы мужчин, никак не могут себя защитить или уйти от мужей. По замечанию В. В. Розанова, крестьянские женщины могли жить, имея временный паспорт, однако не все на это решались, так как судьбу жен решали их мужья [14, с. 533–534]. Самая главная инстанция, которая решает паспортный вопрос, – это мужчина. В этом отечественный мыслитель находит социальную несправедливость, так как мужчина, будучи самостоятельным членом общества, существует сам по себе, а женщина является его собственностью [14, с. 534].

Обсуждение и заключение

В заключение статьи хотелось бы отметить, что выделенные взгляды В. В. Розанова соотносятся с требованиями женщин, входящих в феминистическое движение. Философ был готов признать положение женщины в обществе как достаточно сложное, ее трудности в реализации социальных, правовых, профессиональных и образовательных возможностей. В. В. Розанов отмечал важность духовно-

го развития женщин, а также поддержки и заботы о них церкви. Для отечественного мыслителя женщина, по своей сущности, религиозна, а ее состояние беременности несет сакральный смысл. В. В. Розанов отмечал важность правовых, образовательных и социальных изменений, которые нужно внести в жизнь женщины, улучшив ее положение.

Женщина, неспособная родить ребенка естественным путем, должна иметь возможность воспитывать детей, взяв их из

воспитательных домов. В. В. Розанов видел истинное предназначение женщины в осуществлении ее материнских обязанностей, однако не считал, что она должна посвящать всю жизнь только воспитанию детей. Женщина не должна быть угнетена обществом или мужем. Она должна реализоваться в образовательной сфере, получив знания и навыки, которые помогли бы ей в дальнейшем прокормить себя, а также иметь возможность работать в той сфере, которую она выбрала самостоятельно.

Список источников

1. Варламов А. Н. Женился на Достоевском? История взаимоотношений В. В. Розанова и А. П. Сусловой // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2021. № 3. С. 398–413. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-398-413.
2. Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102–118. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.9.
3. Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове // Гиппиус З. Н. Стихотворения; Живые лица. М., 1991. С. 314–342.
4. Гончарова Е. И. «Мистическая трагедия»: В. В. Розанов и А. П. Суслова (По материалам архивных изысканий) // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-145-156.
5. Елисеева Т. В. Образ материнства как квинтэссенция мудрости в русской философии XIX в. // Вестник Омского университета. 2021. № 3. С. 63–67. DOI: 10.24147/1812-3996.2021.26(3).63-67.
6. Желтикова И. В. В. В. Розанов и вопросы феминизма // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 293–305. DOI: 24092517-2019-0-4-293-305.
7. Миркушина Л. Р. Образ женщины как социокультурный феномен в русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв.: моногр. М.: ЦИУМиНЛ, 2018. 211 с.
8. Мурахина-Аксенова Л. А. О В. В. Розанове. Из личных впечатлений. URL: http://az.lib.ru/m/murahinaaksenowa_1_a/text_1918_rozanov.shtml (дата обращения: 29.03.2023).
9. Осипова Е. А. Проблема понимания в семейном изводе: Василий Розанов и Аполлинария Суслова // Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. Дню славян. письменности и культуры и Междунар. дню филолога. Кострома, 2022. С. 32–37.
10. Розанов В. В. Утилизация главного женского таланта // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 620–623.
11. Розанов В. В. В туманах будущего... // Розанов В. В. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.): собр. сочинений. М.; СПб., 2008. С. 496–499.
12. Розанов В. В. Желчные мысли в желтом журнале // Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. С. 171–175.
13. Розанов В. В. Женские пансионы // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 637–639.
14. Розанов В. В. Женские паспорта // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 533–535.
15. Розанов В. В. Женское медицинское образование в России // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 631–632.
16. Розанов В. В. Женское образовательное движение 60-х годов // Религия и культура: сб. ст. СПб., 1899. С. 91–100.

17. Розанов В. В. Женщина перед великою задачею // Религия и культура: сб. ст. СПб., 1899. С. 187–203.
18. Розанов В. В. Из закрытых писем // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 135–136.
19. Розанов В. В. Колыбель // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 110–119.
20. Розанов В. В. Люди лунного света // Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Уединенное. М., 1990. С. 7–195.
21. Розанов В. В. Новый важный закон // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 25. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.; СПб., 2008. С. 377–383.
22. Розанов В. В. Новый женский институт // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 639–640.
23. Розанов В. В. О расширении прав брака // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 25. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.; СПб., 2008. С. 376–377.
24. Розанов В. В. О ручных изделиях в гимназиях // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 635–637.
25. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Уединенное. М., 1990. С. 277–421.
26. Розанов В. В. Оптиная пустынь // Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 1995. С. 285–301.
27. Розанов В. В. По поводу толков о разводе // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 179–184.
28. Розанов В. В. По тихим обителям // Розанов В. В. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 104–135.
29. Розанов В. В. Послушаем голоса матерей // Розанов В. В. В чадую войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.): собр. сочинений. М.; СПб., 2008. С. 487–489.
30. Розанов В. В. Устав женского медицинского института // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 25. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.; СПб., 2008. С. 392–394.
31. Розанов В. В. Учительницы в коммерческих училищах // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 632–634.
32. Розанов В. В. Что надобно иметь ввиду при изыскании мер к устранению незаконных сожительства? Доклад Пастырскому собранию с.-петербургского духовенства 1 декабря 1898 г. Священник А. Дернов // Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том I и II. Материалы для III тома. М., 2004. С. 197–238.
33. Усманова Л. Р., Баева Л. В. Женщина как хранитель семейных ценностей в России (на основе анализа философского творчества В. В. Розанова) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1. С. 161–165.
34. Цветаева А. И. Из воспоминаний. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1984_tzvetaeva_rozanov.shtml (дата обращения: 29.03.2023).

References

1. Varlamov A. N. Married Dostoevsky? The History of Relations between V. V. Rozanov and A. P. Suslova. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* = RUDN Journal of studies in literature and journalism. Moscow, 2021: 398–413. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-398-413
2. Voronina O. A. The role of women in Russian culture: the posotions of thinkers of the XIX c. *Zenshchina v rossijskom obshchestve* = Woman in Russian Society. Ivanovo, 2022: 102–118. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.9
3. Gippius Z. N. Thoughtful wanderer. About Rozanov. Lyrics; Alive faces. Moscow, 1991, P. 314–342 (In Russ.)
4. Goncharova E. I. “A mystical tradegy”: V. V. Rozanov and A. P. Suslova (Based on archival research). *Russkaya literatura* = Russian literature. Saint-Petersburg, 2022: 145–156. (In Russ.). DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-145-156

5. *Eliseeva T. V.* The image of motherhood as the quintessence of wisdom in Russian philosophy. *Vestnik Omskogo universiteta* = Herald of Omsk University. Omsk, 2021: 63–67. (In Russ.). DOI: 10.24147/1812-3996.2021.26(3).63-67
6. *Zheltikova I. V.* Vasily Rozanov and the issues of feminism. *Tetradi po konservatizmu* = Essays on conservatism. Moscow, 2019: 293–305. DOI: 24092517-2019-0-4-293-305. (In Russ.)
7. *Mirkushina L. R.* The image of a woman as a sociocultural phenomenon in Russian religious philosophy of the late 19th – early 20th centuries. Moscow, 2018, 211 p. (In Russ.)
8. *Murahina-Aksenova L. A.* About V. V. Rozanov. From personal impressions. Available at: http://az.lib.ru/m/murahinaaksenowa_1_a/text_1918_rozanov.shtml. (accessed 29 March 2023). (In Russ.)
9. *Osipova E. A.* The problem of understanding in the family environment: Vasily Rozanov and Apollinaria Suslova. Readings of Cyril and Methodius. Materials of the inter-university scientific conference dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture and the International Day of the Philologist. Kostroma, May 24, 2022, P. 32–37. (In Russ.)
10. *Rozanov V. V.* Utilization of the main female talent. The Family Question in Russia. Moscow, 2004. P. 620–623. (In Russ.)
11. *Rozanov V. V.* In the mists of the future. Collection of essays. In the shadow of war. Moscow, Saint-Petersburg, 2008, P. 496–499. (In Russ.)
12. *Rozanov V. V.* Bilious thoughts in a yellow magazine. Collection of essays. Around the church walls. Moscow, 1995, P. 171–175. (In Russ.)
13. *Rozanov V. V.* Women's boarding houses. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 637–639. (In Russ.)
14. *Rozanov V. V.* Female passports. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 533–535. (In Russ.)
15. *Rozanov V. V.* Female medical education in Russia. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 631–632. (In Russ.)
16. *Rozanov V. V.* Women's educational movement of the 60s. Religion and culture. Collection of articles. Saint-Petersburg, 1899, P. 91–100. (In Russ.)
17. *Rozanov V. V.* Woman in front of a great task Religion and culture. Collection of articles. Saint-Petersburg, 1899, P. 166–180. (In Russ.)
18. *Rozanov V. V.* From closed letters. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 135–136. (In Russ.)
19. *Rozanov V. V.* Cradle. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 110–119. (In Russ.)
20. *Rozanov V. V.* People of the Moon light. Solitary Thoughts. Moscow, 1990, P. 7–195. (In Russ.)
21. *Rozanov V. V.* New important law. Collection of essays. Nature and history. Moscow, Saint-Petersburg, 2008, P. 377–383. (In Russ.)
22. *Rozanov V. V.* New female institute. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 639–640. (In Russ.)
23. *Rozanov V. V.* About the expansion of marriage rights. Collection of essays. Nature and history. Moscow, Saint-Petersburg, 2008, P. 376–377. (In Russ.)
24. *Rozanov V. V.* About hand made things in high school. The Family Question in Russia. Moscow, 2004. P. 635–637. (In Russ.)
25. *Rozanov V. V.* Fallen leaves. Solitary Thoughts. Moscow, 1990, P. 277–421. (In Russ.)
26. *Rozanov V. V.* Optina hermitage. Collection of essays. Around the church walls. Moscow, 1995, P. 285–301. (In Russ.)
27. *Rozanov V. V.* About divorce talks. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 179–184. (In Russ.)
28. *Rozanov V. V.* In quiet places. Collection of essays. In dark religious light. 1994, P. 104–135. (In Russ.)
29. *Rozanov V. V.* Listen to voices of mothers. Collection of essays. In the shadow of war. Moscow, Saint-Petersburg, 2008, P. 487–489. (In Russ.)
30. *Rozanov V. V.* Rules of the women's medical institute. Collection of essays. Nature and history. Moscow, Saint-Petersburg, 2008, P. 392–394. (In Russ.)

31. *Rozanov V. V.* Female teachers in commercial schools. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 632–634. (In Russ.)
32. *Rozanov V. V.* What should be kept in mind when looking for measures to eliminate illegal cohabitation? Report to the Pastoral Assembly of the St. Petersburg clergy on December 1, 1898 Priest A. Dernov. The Family Question in Russia. Moscow, 2004, P. 197–238. (In Russ.)
33. *Usmanova L. R., Baeva L. V.* Woman as a keeper of family values in Russia (on the basis of the analysis of philosophical creativity of V. V. Rozanov). *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* = The Kaspian region: politics, economics, culture. Astrakhan, 2013: 161–165. (In Russ.)
34. *Cvetaeva A. I.* From memories. Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1984_tzvetaeva_rozanov.shtml (accessed 29 March 2023). (In Russ.)

Поступила 01.04.2023.

Сведения об авторе

Типикина Алина Андреевна – аспирант, кафедра философии и культурологии, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Орёл, Россия). Сфера научных интересов: русская философия, философия феминизма, отечественное женское движение середины XIX – начала XX в. Автор 7 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>.

E-mail: alin.tipikina2017@yandex.ru

Submitted 01.04.2023.

About the author

Alina A. Tipikina – Post-graduate Student, Orel State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia). Research interests: Russian philosophy, philosophy of feminism, Russian women's movement of the middle of 19th – early 20th century. The author of 7 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7913-4930>.

E-mail: alin.tipikina2017@yandex.ru

УДК 32.019.51

Е. В. Антонова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Россия), e-mail: katerina.antonova@mail.ru

Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве

Аннотация

Введение. Активное распространение информационных и цифровых технологий в XXI в. привело к тому, что виртуальное пространство сегодня стало основной платформой для выражения политических, культурных и духовных ценностей молодежи. Представители этой возрастной группы наиболее часто используют цифровые ресурсы как средство самовыражения и канал получения информации об изменениях в современном мире. В России виртуальное пространство используется различными акторами с целью формирования общественного мнения и включения молодежи в политическую и общественную жизнь государства. С другой стороны, возможности виртуального пространства часто используются как инструмент дезинформации молодежи, распространения «фейков», экстремистских и радикальных настроений. С учетом сложной внешнеполитической обстановки и задачи обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и защиты ее населения, в том числе в виртуальном пространстве, возникает необходимость исследования политических ориентаций и ценностей молодежи.

Материалы и методы. Основу методологии данной статьи образует совокупность общенаучных, специальных и прикладных методов. Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы исследования ценностных ориентаций и идеалов современной молодежи позволил рассмотреть ценности как важный социальный феномен, который требует конкретного исследования, отражающего особенности отражения политических ценностей в виртуальном пространстве. Герменевтический анализ, представленный в русле интеграции качественных и количественных методов исследования, используется при изучении становления персональной идентичности, ценностей, переживаний молодого поколения, связанных с выражением индивидуальности и политических предпочтений в виртуальной среде. Семиотический подход применялся в процессе исследования знаково-символического поля современной культуры молодежи в виртуальном пространстве. Эмпирической базой исследования послужили статистические данные, позволяющие дать оценку вовлеченности молодежи в интернет-среду и проследить тенденции развития виртуального пространства в современной России. Материалы социологических опросов, проведенных Левада-Центром и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), позволили сделать выводы о включенности российского общества в виртуальное пространство, а также о ценностных предпочтениях россиян в возрасте от 18 до 35 лет относительно материальных, семейных и гражданских идеалов.

Обсуждение и заключение. Статья направлена на исследование особенностей молодежи как возрастной группы и специфики отражения их ценностных идеалов в виртуальном пространстве. Развитие сети Интернет и социальных сетей приводит к возникновению новых проблем и потенциальных опасностей для молодого поколения, которое проводит мно-

© Антонова Е. В., 2023

го времени в виртуальном пространстве. Делается вывод, что жизненными ориентирами молодежи выступают высокий уровень материального благополучия, возможность жить размеренной жизнью и приносить пользу обществу. Несмотря на большую осведомленность молодежи об истории и культуре России, о значимости семейных ценностей, для этой возрастной группы характерно формирование западной ментальности, основанной на ценностях потребительского индивидуализма. Игнорируя традиционные СМИ, молодежь прислушивается к лидерам мнений, что делает их более уязвимыми перед лицом всевозможных манипуляций со стороны враждебно настроенных к нашей стране политических акторов.

Ключевые слова: молодежь, Российская Федерация, виртуальное пространство, интернет, политические ценности, идеалы, социальные сети.

Для цитирования: Антонова Е. В. Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 336–348. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348.

Ekaterina V. Antonova

*Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia
(Saransk, Russia), e-mail: katerina.antonova@mail.ru*

Political Values, Orientations and Ideals of Modern Youth and Their Reflection in Virtual Space

Abstract

Introduction. The active dissemination of information and digital technologies in the 20th century has led to the fact that the virtual space today has become the main platform for expressing the political, cultural and spiritual values of young people. Representatives of this age group most often use digital resources as a means of self-expression and a channel for obtaining information about changes in the modern world. In Russia, the virtual space is used by various actors to form public opinion and include young people in the political and public life of the state. On the other hand, the possibilities of the virtual space are often used as a tool for misinforming young people, spreading fakes, extremist and radical sentiments. Given the difficult foreign policy situation and the need to ensure the national security of the Russian Federation and protect its population, including in the virtual space, it becomes necessary to study the political orientations and values of young people.

Methods. The basis of the methodology of this article is formed by a combination of general scientific, special and applied methods. The choice of the axiological approach as a methodological basis for the study of value orientations and ideals of modern youth made it possible to consider values as an important social phenomenon that requires a specific study that reflects the features of the reflection of political values in the virtual space. Hermeneutical analysis, presented in line with the integration of qualitative and quantitative research methods, is used in the study of the formation of personal identity, values, experiences of the younger generation associated with the expression of their individuality and political preferences in a virtual environment. The semiotic approach was used in the process of studying the sign-symbolic field of modern youth culture in the virtual space. The empirical basis of the study was statistical data that allows us to assess the involvement of young people in the Internet environment and trace the trends in the development of the virtual space in modern Russia. The materials of sociological surveys conducted by the Levada Center and the All-Russian Public Opinion Research Center made it possible to draw conclusions about the inclusion of Russian society in the virtual space, as well as about the value preferences of Russians aged 18 to 35 regarding material, family and civic ideals.

Results and Discussion. The article is aimed at studying the characteristics of young people

as an age group and the specifics of the reflection of their value ideals in the virtual space. The development of the Internet and social networks leads to new problems and potential dangers for the younger generation, which spends a lot of time in the virtual space. It is concluded that the life guidelines of young people are a high level of material well-being, the opportunity to live a measured life and benefit society. Despite the greater awareness of young people about the history and culture of Russia, about the importance of family values, this age group is characterized by the formation of a Western mentality based on the values of consumer individualism. Ignoring the traditional media, young people listen to “opinion leaders”, which makes them more vulnerable to all sorts of manipulations by political actors hostile to our country.

Keywords: youth, Russian Federation, virtual space, Internet, political values, ideals, social networks.

For citation: Antonova E. V. Political Values, Orientations and Ideals of Modern Youth and Their Reflection in Virtual Space. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 336–348. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348.

Введение

С середины XX в. широкое использование компьютеров привело к тому, что информационные технологии проникли во все уголки общественной жизни и дали человечеству совершенно новое чувство общности. В последние два-три десятилетия виртуальное пространство (известное также как сетевое пространство, или киберпространство), образованное интернет-технологиями, стало ключевой платформой для политической, экономической, культурной, развлекательной и эмоциональной жизни людей. Виртуальное пространство не только оказало влияние на изменение условий труда, но и коренным образом повлияло на взаимодействие индивидов, образ жизни, способы потребления и формы представления личных и общественных интересов. На наш взгляд, виртуальное пространство оказывает существенное влияние на политические ценности, ориентации и идеалы современного общества, как в положительном, так и в негативном контексте. Виртуальное пространство, по сути, влияет на существующие модели социальной и эмоциональной жизни людей. Быстро расширяющаяся сеть Интернет связывает миллионы людей в новых пространствах, которые меняют образ нашего мышления, представления о добре и зле, справедливости, духовных ценностях и т. д.

Молодежь как социальная группа традиционно находится в оппозиции к взрослому населению и устоявшемуся миру. Несмотря на то что молодежь не является единственным участником виртуального пространства, представители этой возрастной группы наиболее часто используют цифровые ресурсы как средство самовыражения и канал получения информации об изменениях в современном мире, в противовес официальным источникам. Это связано с тем, что представители молодого поколения находятся на жизненном этапе, когда в силу личных обстоятельств они склонны критически относиться к системе и искать, часто радикальные, улучшения, способные удовлетворить их потребности. Кроме того, они хорошо знакомы с цифровыми технологиями, которые помогают распространять и продвигать их действия в интернете.

Активность в социальных сетях становится для молодого поколения удобным каналом выражения своих интересов, требований и недовольства, что актуализирует необходимость исследования отражения политических ценностей, ориентаций и идеалов молодого поколения в виртуальном пространстве. Формируя мировоззрение молодежи по вопросам социально-политического, экономического, культурного и духовно-нравственного развития государства

и общества, виртуальная среда может использоваться государством с целью обеспечения национальной безопасности страны и консолидации общества. В то же время динамичность и многомерность виртуального пространства сложно поддаются контролю, в связи с чем оно часто становится инструментом дезинформации молодежи, распространения «фейков», экстремистских и радикальных настроений.

Эти размышления поднимают вопросы, на которые необходимо ответить в рамках изучения политических ценностей, ориентаций и идеалов молодежи в виртуальной среде, так как проблемы обеспечения национальной безопасности, угрозы распространения радикальных и экстремистских воззрений приобретают особую значимость с учетом обострения кризиса на территории Украины и проведения Россией специальной военной операции.

Цель настоящей статьи – изучение отражения политических ценностей, идеалов и ориентаций молодых россиян в виртуальном пространстве.

Задачи: исследовать особенности вовлечения российской молодежи в виртуальное пространство; проанализировать последние статистические и социологические данные, отражающие приоритеты, идеалы и ценности молодежи в виртуальном пространстве; выявить проблемы и перспективы использования социальных сетей в процессе повышения гражданской и политической активности молодежи.

Материалы и методы

Основу методологии данной статьи образует совокупность общенаучных, специальных и прикладных методов. Среди общенаучных методов стоит выделить анализ, синтез, индукцию, классификацию, типологию, аналогию, обобщение,

сравнение. Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы исследования ценностных ориентаций и идеалов современной молодежи позволил рассмотреть ценности как важный социальный феномен, который требует конкретного исследования, отражающего особенности отражения политических ценностей в виртуальном пространстве. Герменевтический анализ, представленный в русле интеграции качественных и количественных методов исследования, используется при изучении становления персональной идентичности, ценностей, переживаний молодого поколения, связанных с выражением индивидуальности и политических предпочтений в виртуальной среде. Семиотический подход применялся в процессе исследования знаково-символического поля современной культуры молодежи в виртуальном пространстве. Он помогает осмыслить суть преемственности и развития социокультурных процессов в современном российском обществе. Эмпирической базой исследования послужили статистические данные, позволяющие дать оценку вовлеченности молодежи в интернет-среду и проследить тенденции развития виртуального пространства в современной России. Материалы социологических опросов, проведенных Левада-Центром¹ и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), позволили сделать выводы о включенности российского общества в виртуальное пространство, а также о ценностных предпочтениях россиян в возрасте от 18 до 35 лет относительно материальных, семейных и гражданских идеалов. Опросы проводились методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров в 2017–2022 гг. В опросе

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

приняли участие 1 600 респондентов. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

Результаты и обсуждение

Для молодежи как для возрастной группы характерны некоторые особенности, отличающие ее от лиц среднего и старшего возраста. В современной культуре наблюдается определенное «исчезновение чувства истории». Эта потеря включает в себя отрицание или отказ от любого ценного аспекта прошлого, который ведет к жизни в вечном настоящем. Молодое поколение иногда критически относится к личным и коллективным жертвам, которые были необходимы для достижения определенных социальных завоеваний [8, с. 181].

Так как именно представители молодого поколения являются основными авторами и пользователями виртуального пространства, у них сильнее проявляется искажение представлений о времени и пространстве. В традиционном обществе время и пространство связаны и люди в своей жизни следуют указаниям традиций, устойчиво передавая ценностные ориентации и идеалы от поколения к поколению [6, с. 150]. В современном обществе представления о времени и пространстве сильно изменились, что, естественно, вызвало путаницу в идентичности молодежи. Благодаря виртуальности сетевое пространство открыло совершенно новый пространственно-временной контекст с огромными объемами информации, которые создают иллюзию управляемости [7, с. 108]. Происходит непрерывный переход от конкретного и доступного офлайн-мира к иногда далекому и вдохновляющему он-

лайн-миру. Нечто подобное происходит и с восприятием времени: не так давно понятие реального времени, время отклика системы на отправленную команду, оценивалось в четыре секунды. Современные технологии работают мгновенно, и общение может происходить очень быстро с помощью видео, аудио, изображений и текста [9, с. 12].

Взросление всегда подразумевало определенный разрыв с традициями. Наивный или радикально новый взгляд молодых людей на реальность ставит вопросы, которые взрослый мир уже не задает себе. В самом напряжении вокруг молодежи также заложена воля изменить всё не соответствующее тому, что считается идеальным или необходимым. Это происходит исторически и является частью процесса личной и социальной эволюции [12, р. 947].

Молодежь начала XXI в. – миллениалы, или поколение Z, – выросла в особом культурном, социальном и экономическом контексте, в котором выделяются определенные характеристики по сравнению с предыдущими поколениями. В этом контексте технологии также сыграли весьма важную роль, поскольку они меняют их самовосприятие, личную идентификацию и отношения с другими, а также с ближайшим и отдаленным окружением. Молодежь активно использует цифровые технологии и социальные сети. В частности, последние очень удобно удовлетворяют потребности предпубертативного и пубертативного возраста [11, р. 30]. Виртуальное пространство удовлетворяет аффективные, социальные, эскапистские потребности и потребности в идентичности, которые особенно интенсивно переживаются в этом возрасте.

По словам С. Ливингстон², радикальные изменения в медиа и технологическом

² См.: *Livingstone S.* Young people and new media: Childhood and the changing media environment. URL: https://www.researchgate.net/publication/31722241_Young_People_and_New_Media_Childhood_and_the_Changing_Media_Environment_S_Livingstone/.

контексте привели к возникновению новых проблем и потенциальных опасностей для молодого поколения, которое проводит много времени в виртуальном пространстве. Это также открывает для них беспрецедентные коммуникативные возможности, которые используются данной возрастной группой. Особая привязанность молодежи к социальным сетям подчеркивает их полезность в удовлетворении специфических для них потребностей – либо из-за их возраста, либо из-за социального и культурного контекста, в котором они живут.

Социальные сети включают в себя «высокоинтерактивные платформы», предназначенные для обмена информацией, содействия различным типам обсуждений и развития отношений с другими пользователями; интерактивные платформы создаются с помощью различных технологий. В литературе разработана структура, в которой социальные сети подробно объясняются с помощью семи строительных блоков³.

1. Личность: личная информация, предоставленная пользователем.

2. Беседы: общение между пользователями в социальных сетях.

3. Совместное использование: количество контента, совместно используемого пользователями.

4. Присутствие: социальные сети могут предоставлять информацию о пользователях независимо от того, находятся они в Сети или нет.

5. Отношения: уровень связи между пользователями.

6. Репутация: показывает, насколько пользователи осведомлены о своем статусе и статусе других в социальных сетях.

7. Группы: строительный блок, описывающий способность пользователей формировать сообщества и подсообщества.

Виртуальная среда в современной России активно развивается – по состоянию на 2022 г. в России насчитывается 129,8 млн интернет-пользователей. Интернетом пользуются 89 % от общей численности населения. По сравнению с 2021 г. число пользователей сети Интернет выросло на 5,8 млн, или на 4,7 %. Основным мотивом использования Сети у российских пользователей выступает поиск информации (84,3 %). Немногим реже виртуальная среда используется с целью общения (66,4 %) и мониторинга новостей (66,1 %)⁴.

Социальные сети в повседневной жизни использует около 70 % россиян (здесь важно отметить, что не все являются реальными пользователями), а за последний год число пользователей социальных сетей также продемонстрировало положительную динамику, увеличившись по сравнению с 2021 г. на 7 млн, или на 7,1 %⁵. По данным Mediascope, блокировка нескольких крупных социальных сетей привела к переходу контентмейкеров из запрещенных соцсетей на отечественные (Telegram, VK, Одноклассники), однако аудитория не слишком активно пошла за лидерами мнений. В среднем блогеры-миллионники перевели из заблокированных сервисов в Telegram от 2 до 5 % подписчиков. Массово начали появляться новые социальные сети (Musicgram,

³ См.: *Shafaq F., Li Y., Dong F.* Social media influence on politicians and citizens relationship through the moderating effect of political slogans. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2022.955493/full/>.

⁴ См.: Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyie-vazhnye-cifry-i-statistika/>.

⁵ См.: Там же.

QR'ME), которые также не получили полноценного развития как альтернатива запрещенных социальных сетей⁶.

Молодежь составляет основную демографическую группу пользователей интернета в России, а также основных участников и строителей виртуального пространства. Доля интернет-пользователей в возрастной группе 18–24 лет – 66 %, 25–35 лет – 52 %. По данным ВЦИОМ, молодежь, наряду с жителями крупных городов, составляет ядро активных потребителей интернета, получая информацию исключительно из социальных сетей и мессенджеров, не обращаясь к традиционным СМИ⁷.

Результаты социологического опроса ВЦИОМ, посвященного изучению ценностей и приоритетов в молодежной среде, позволяют сделать ряд выводов относительно идентичности молодежи как возрастной группы, ее представлениях о значимости семейных и гражданских ценностей⁸:

– во-первых, формирование приоритетов и ценностей молодежи реализуется в условиях противоречивого сочетания тенденций глобализации и изоляционизма. Подавляющее большинство молодых россиян 14–35 лет (83 %) сегодня идентифицируют себя как граждане РФ, причем у разных возрастных групп доминируют разные виды идентичности. Например, у молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет преобладает национальная идентичность, а граждане от 18 до 25 лет позиционируют себя как «гражданина мира», акцентируя внимание на гражданской, а не на национальной

и религиозной идентичности. Религиозная идентичность, наряду с гражданской, более выражена у молодых людей в возрасте от 30 до 35 лет;

– во-вторых, молодежь хорошо осведомлена об истории России, среди этой возрастной группы сохраняется авторитет старших членов семьи. С возрастом молодежь всё более осознает значимость поддержания теплых отношений близкими родственниками: если в возрасте от 18 до 24 лет об этом заявляют 91 %, то в возрастной группе от 25 до 35 лет – 95 % респондентов;

– в-третьих, молодежь отличается высоким уровнем правосознания и гражданской ответственности: 78 % респондентов считают важным соблюдение государственных законов, даже если их положения будут разниться с их пониманием справедливости. При этом лишь 25 % молодежи признают обязательность религиозных норм.

В структуре жизненных ориентаций молодежи преобладают семейные ценности, такие как безопасность семьи (97 %) и ее материальное положение (95 %). На втором месте по значимости оказываются материальные ценности – о важности положительной экономической ситуации в стране заявляют 89 % респондентов. Чуть менее значимыми для молодого поколения стали ценности личностного развития и профессионального роста (81 %), возможность участия в социальной и политической жизни (54 %)⁹. Жизненными ориентирами молодежи выступают высокий уровень материального благополучия (58 %), воз-

⁶ См.: Рунет 2022: блокировка соцсетей, VPN-сервисы и запрет ЛГБТ-пропаганды. URL: <https://www.sostav.ru/publication/trendy-runeta-57912.html/>.

⁷ См.: Тренды медиапотребления. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022/>.

⁸ См.: Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/>.

⁹ См.: Там же.

можность жить спокойной и размеренной жизнью (54 %), приносить пользу обществу посредством участия в политической жизни (26 %) ¹⁰.

Анализируя результаты социологических опросов, свидетельствующие об отношении молодежи к специальной военной операции (СВО), А. А. Казаков также приходит к выводу, что молодые люди, в отличие от представителей старшего поколения, более равнодушны к современным политическим событиям и процессам. Молодежи сложно понять, почему государство жертвует благополучием своих граждан, несет репутационные и экономические издержки по мере проведения СВО. Представители молодежной возрастной группы менее подвержены государственной пропаганде, так как предпочитают пользоваться информационными источниками в сети Интернет. Они прислушиваются к лидерам мнений, чей авторитет наиболее важен в молодежной среде, что делает их более уязвимыми перед лицом всевозможных манипуляций со стороны враждебно настроенных к нашей стране политических акторов [2, с. 464].

Таким образом, с одной стороны, информационные технологии оказывают существенное влияние на массовое сознание. С другой – анонимность в виртуальном пространстве способствует возникновению неэтичного и некультурного поведения в цифровом мире: использованию нецензурной лексики, оскорблений; унижению на религиозной, политической и социальной почве. Российские интернет-пользователи полагают, что в виртуальной среде за последние пять лет увеличилось число нега-

тивных постов и комментариев – около половины россиян сталкивались с проблемой кибербуллинга или встречали подобное агрессивное отношение к другим людям ¹¹. Почти 60 % опрошенных указали, что негативно относятся к подобным проявлениям. Тем не менее остается довольно высоким процент безразличия, при котором пользователи не выражают никакой признательности. Менее 10 % респондентов поддержали нерегулируемую свободу общения в интернете, где каждый якобы высказывает свое мнение так, как хочет. Несмотря на наличие факторов риска при виртуальном общении, большая часть респондентов не сталкивалась с реальными угрозами. Следовательно, меры, предпринимаемые при общении для обеспечения собственной безопасности в виртуальной среде, эффективны.

Отражение ценностей и идеалов молодежи в виртуальном пространстве является новой областью исследований, поскольку восприятие культуры поведения в физическом и виртуальном мире у современной молодежи различается. Это говорит об отсутствии регламентированного этического кодекса поведения в интернете. Поэтому респонденты, рассказывая о причинах грубого поведения в социальных сетях, высказывали мысли о неудовлетворенности работой, учебой или карьерой, низком уровне образования и культуры, усталости, эгоцентризме, личных проблемах и переживаниях, подсознательной неприязни к другим людям, идеологической нетерпимости. Такие причины, как анонимность, безнаказанность, чувство защищенности, желание высказаться, не имели принципиального значения. Респонденты утвержда-

¹⁰ См.: Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи: высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и возможность приносить пользу своему народу. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi/>.

¹¹ См.: Кибербуллинг: масштаб проблемы в России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii/>.

ют, что примеры неэтичного поведения в виртуальной среде чаще всего проявляются в социальных сетях.

Большое количество пользователей социальных сетей получают уникальный опыт, связанный с политической тематикой. Практически все политические силы реформировали традиционные каналы коммуникации за счет интеграции цифровых методов коммуникации. Это включает в себя создание конкретных блогов и веб-сайтов для прямого и более эффективного доведения своих политических взглядов до широкой общественности в дополнение к их активному присутствию на платформах социальных сетей.

Виртуальная среда предлагает более яркую платформу для разнообразных политических тем по сравнению с некоторыми живыми форумами или сессиями, на которых люди присутствуют лично. Наряду с социальными сетями, отражение материальных и нравственных ценностей молодежи происходит во множестве вебблогов или на онлайн-форумах, где человек может обмениваться информацией по всему миру. До последнего десятилетия блоги были ограничены отдельными людьми, которые делились информацией, сосредоточенной только на определенной теме. Однако за последнее десятилетие значительно увеличился интернет-трафик блогов и дискуссионных онлайн-форумов. Университеты, аналитические центры, активисты и даже правительственные учреждения создали вебблоги и дискуссионные форумы для распространения информации. Здесь обсуждаются почти все темы, связанные с общей жизнью: от спорта, искусства, религии, науки до политики и философии. Простой блог

представляет собой комбинацию текста, изображений и ссылок на другие подобные страницы в интернете. Взаимодействие людей через общественные комментарии – еще одна важная часть блога и интернет-форумов. С каждым днем популярность и количество таких блогов стремительно растут. Политики и политические организации также создали специальные блоги и онлайн-форумы для расширения участия широкой общественности в политической жизни [5, с. 663].

Активность молодежи в виртуальном пространстве актуализирует необходимость анализа их способности справляться с последствиями использования технологий в рамках активной деятельности. Цифровая компетентность – это концепция, которая имеет множество подходов и может быть обобщена как способность использовать технологии «эффективным, действенным, надлежащим, критическим, творческим, автономным способом для работы, отдыха, политического участия, обучения, социализации и расширения возможностей»¹².

В связи со сложной ситуацией, вызванной усилением агрессии коллективного Запада в отношении Российской Федерации и ее граждан, давлением на россиян (прежде всего молодежи) в виртуальном пространстве, дезинформация достигла тревожного уровня с точки зрения здоровья демократических обществ, и преобладающая часть этой дезинформации распространяется через средства массовой информации и социальные сети. Цифровая компетентность идеально отреагировала бы на эту ситуацию, обеспечив гражданам, в том числе молодым людям, которые активно пользуются социальными сетями, личные

¹² *Martinez-Bravo M., Sádaba-Chalezquer Ch., Serrano-Puche J. Fifty years of digital literacy studies: A meta-research for interdisciplinary and conceptual convergence. URL: https://www.researchgate.net/publication/343500503_Fifty_years_of_digital_literacy_studies_A_meta-research_for_interdisciplinary_and_conceptual_convergence/.*

и технические ресурсы, чтобы справиться с ситуацией¹³. Существует очевидная необходимость продолжать работу в этой области и обучать молодежь необходимой медиаграмотности, которая защищает их и является частью цифровой компетенции. Активизм использует традиционные, цифровые и независимые СМИ и, конечно, социальные сети. Знакомство с механизмами, генерирующими дезинформацию, является обязанностью активистов не только для ответственного выполнения своей работы, но и для защиты от распространения мистификаций и фальшивых новостей, генерируемых в этих средах. Окружающая среда и скорость, которую цифровые технологии приносят в общественную жизнь, требуют быстрой и четкой реакции от всех, кто занимается обеспечением информационной безопасности [10, с. 259].

В современных исследованиях молодежь как возрастная группа часто описывается как преимущественно не заинтересованная в общественных вопросах и характеризующаяся своего рода социально-политической апатией, что связано с преобладанием эгоцентричных и материалистических установок. В настоящее время существенное влияние на дистанцию между молодежью и общественными проблемами оказывают также экономический кризис и вытекающая из него неопределенность, характеризующая экзистенциальное состояние молодежи, с ослаблением ее более широких ожиданий, и вынужденная сосредоточенность на личных и текущих проблемах [4, с. 69].

В других работах молодежь описывается скорее как группа с высоким потенциалом участия в общественно-политической жизни, но имеющая для этого ограниченные возможности. В этом ракурсе отсутствие участия среди молодежи в основном интерпретируется как следствие того, что они часто не находят возможности для самовыражения – ни в институциональном контексте, ни за его пределами, – которое способно удовлетворить их ожидания [3, с. 52].

В то же время в других работах отмечается, что молодые люди в значительной степени проявляют этическую и просоциальную чувствительность, посредством развития новых форм политической активности, а также социальной и гражданской активности вместо более традиционных форм участия [1, с. 159]. С этой точки зрения наблюдается явное и широкое недовольство институциональной политикой, политическими партиями и политиками, отчасти потому, что молодые люди считают, что эти субъекты недостаточно решают их проблемы и не выполняют обещанного. Волонтерство и политическая активность вне этих контекстов, напротив, в значительной степени широко распространены среди молодежи, а экономический кризис и пандемия, вместо того чтобы толкнуть молодых людей глубже в «частную» сферу, вызвали рост некоторых из этих форм участия¹⁴. Молодежь стремится развивать новые и более дифференцированные формы участия, отдаляясь от институциональной политической системы¹⁵, что приводит к слабому

¹³ См.: *Salaverria R., Buslon N., Lopez-Pan F., Leon B.* Desinformacion en tiempos de pandemia: tipologia de los bulos sobre la COVID-19. URL: <https://revista.profesionaldelainformacion.com/index.php/EPI/article/view/epi.2020.may.15/>.

¹⁴ См.: Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/>.

¹⁵ См.: Молодежь и политика: точки соприкосновения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-tochki-soprikosnoveniya/>.

развитию интереса, доверия, поддержки и взаимодействия с системой.

Безусловно, большинство молодежи проявляет интерес к проблемам коллективного значения в виртуальном пространстве, таким как справедливость, неравенство, окружающая среда, права человека. Интернет-пользователи в возрасте от 18 до 35 лет с позиции своего опыта и образования определяют, какие социально значимые цели должна преследовать политика в настоящее время, выражая значительную готовность к участию. Хотя они признают важную роль политики в улучшении социального контекста, они также считают, что имеющиеся структуры и формы политического вмешательства неэффективны или что личное участие в них непривлекательно.

Российская молодежь убеждена в важности коллективных действий для социальных изменений, но при этом не доверяет политикам, партиям и профсоюзам настолько, чтобы лично участвовать в этих организациях¹⁶. При этом наиболее «активные» из них предпочитают слабоидеологические, слабоструктурированные и слабообязывающие формы участия, гибкие в отношении времени и ритмов личного участия, а также перспектив деятельности. С их точки зрения, участие в общественно-политической жизни должно удовлетворять личные потребности активистов, предоставить достаточную свободу в настройке конкретных форм участия на основе их личных идеалов. Более того, значения и представле-

ния, связанные с этими формами участия, разнообразны и индивидуализированы, что затрудняет принятие коллективных представлений, нарративов и идеологий.

Заключение

Таким образом, виртуальное пространство, которое формирует интернет на базе компьютерных технологий, оказывает влияние на идентичность молодежи, формирование их политических ориентаций, идеалов и ценностей. Российская молодежь выступает в качестве активного пользователя сети Интернет и социальных сетей, так как значительная доля представителей рассматриваемой возрастной группы преимущественно являются создателями авторского контента и получают информацию о политической и общественной жизни в виртуальном пространстве, мало внимания уделяя традиционным СМИ. Именно в виртуальном пространстве молодежь получает возможность выражать свое мнение относительно событий в России и мире, развивает новые формы гражданского участия. Наряду с социальными сетями, отражение материальных и нравственных ценностей молодежи происходит во множестве веблогов или на онлайн-форумах, в дискуссионных онлайн-клубах. С каждым днем популярность и количество таких блогов стремительно растут. Их потенциал активно используется в политической деятельности лидеров и партий с целью активизации молодого поколения, их вовлечения в процесс коммуникации с политическими силами и государством.

Список источников

1. Деревянченко А. А., Калинин Д. В. Политическая активность молодежи в цифровом обществе // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2. С. 155–173.
2. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 4. С. 460–467.
3. Колтунов А. Л., Ребышева Л. В., Савицкая Ю. П. Проблемы политической активности моло-

¹⁶ См.: Более 80 % российской молодежи равнодушны к политике. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/>.

дежи: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 46–54.

4. *Курьшова О. В.* Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1. С. 67–75.
5. *Назайкин А. Н.* Использование интернет-ресурсов в современных медиарелинз // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 4. С. 660–672.
6. *Перчун Н. В.* Традиции как элемент духовной культуры // Известия ТРТУ. 2006. № 2. С. 147–154.
7. *Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н.* Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.
8. *Тюкина Л. А.* Индивидуальные и коллективные воспоминания как основа формирования культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 179–185.
9. *Шатинская Е. Н.* Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности // Культура культуры. 2014. № 4. С. 9–24.
10. *Шинкарецкая Г. Г., Берман А. М.* Цифровизация и проблема обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2020. № 5. С. 254–260.
11. *Kačínová V., Sádaba-Chalezquer C.* Conceptualización de la competencia mediática como una “competencia aumentada” // Revista Latina de Comunicación Social. 2022. No. 80. P. 21–38.
12. *Sharkey P.* The intergenerational transmission of context // American Journal of Sociology. 2008. Vol. 113, no. 4. P. 931–969.

References

1. *Derevyanchenko A. A., Kalinin D. V.* Political activity of youth in the digital society. *Grazhdanin. Vybory. Vlast* = Citizen. Elections. Power. 2020; 2: 155–173. (In Russ.)
2. *Kazakov A. A.* The attitude of Russian youth to the NWO: the role of media support for state policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sociologiya. Politologiya* = Bulletin of the Saratov University. New episode. Ser.: Sociology. Political science. 2022; 22; 4: 460–467. (In Russ.)
3. *Koltunov A. L., Rebysheva L. V., Savitskaya Yu. P.* Problems of political activity of youth: a sociological aspect. *Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika* = News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy. 2018; 4: 46–54. (In Russ.)
4. *Kuryshova O. V.* Psychological characteristics of youth as an age group. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* = Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2014; 1: 67–75. (In Russ.)
5. *Nazaikin A. N.* The use of Internet resources in modern media relations. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = Questions of theory and practice of journalism. 2020; 9; 4: 660–672 p. (In Russ.)
6. *Perchun N. V.* Traditions as an element of spiritual culture. *Izvestiya TRTU* = Izvestia TSURE. 2006; 2: 147–154. (In Russ.)
7. *Soldatova E. L., Pogorelov D. N.* The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem. *Obrazovanie i nauka* = Obrazovanie i nauka. 2018; 20; 5: 105–124. (In Russ.)
8. *Tyukina L. A.* Individual and collective memories as the basis for the formation of culture. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik* = Upper Volga Philological Bulletin. 2018; 4: 179–185. (In Russ.)
9. *Shapinskaya E. N.* Virtual reality as a space of escapism: unlimited possibilities and new dangers. *Kultura kultury* = Culture of Culture. 2014; 4: 9–24. (In Russ.)
10. *Shinkaretskaya G. G., Berman A. M.* Digitalization and the problem of ensuring national security. *Obrazovanie i pravo* = Education and Law. 2020; 5: 254–260. (In Russ.)
11. *Kasinova V., Sádaba Ch.* Conceptualization of the competencia mediática comouna “competencia aumentada”. *Revista Latina de Comunicacion Social*. 2022; 80: 21–38.
12. *Sharkey P.* The intergenerational transmission of context. *American Journal of Sociology*. 2008; 4: 931–969.

Поступила 14.06.2023.

Сведения об авторе

Антонова Екатерина Владимировна – аспирант НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: государственная молодежная политика России, применение современных информационных технологий в общественно-политической жизни молодежи, проблемы молодежи. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6912-6345>.

E-mail: katerina.antonova@mail.ru

Submitted 14.06.2023.

About the author

Ekaterina V. Antonova – Postgraduate Student State Institution of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russia). Research interests: state youth policy of Russia, application of modern information technologies in the socio-political life of youth, youth problems. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6912-6345>.

E-mail: katerina.antonova@mail.ru

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823 (Print), ISSN 2587-7879 (Online)
DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.349-356

УДК 159.922

Н. Е. Кулешова¹, Ж. Г. Гаранина², Л. И. Лашмайкина³

¹ Университет «Синергия» (Москва, Россия)

^{2,3} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

¹ e-mail: Lobanova80.80@mail.ru

² e-mail: garanina23@mail.ru

³ e-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

Исследование интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи у студентов

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты исследования интеллектуальных и лидерских качеств студентов вуза. Проведен теоретическо-методологический анализ подходов к данной проблеме в отечественной и зарубежной психологии. Описаны результаты эмпирического исследования, проводившегося среди студентов юридического факультета Университета «Синергия», в ходе которого выявлены особенности взаимосвязи их интеллектуальных и лидерских качеств. Выявлены статистически значимые различия в уровне развития интеллектуальных и лидерских качеств. Нами поставлены следующие задачи: 1) на основе теоретического анализа научной литературы раскрыть сущность понятий «лидерство» и «интеллект»; 2) исследовать интеллектуальные и лидерские качества у студентов в их взаимосвязи.

Материалы и методы: анализ научной литературы; наблюдение; психодиагностические методы (тесты, беседа); экспериментальные методы; математико-статистические методы (метод ранговой корреляции Спирмена).

Результаты исследования. Представлены результаты исследования, связанные с выявлением взаимосвязи интеллектуальных и лидерских качеств у студентов.

Обсуждение и заключение. Выявлена взаимосвязь между интеллектуальными и лидерскими качествами у студентов.

Ключевые слова: интеллект, лидер, интеллектуальные качества, лидерские качества.

Для цитирования: Кулешова Н. Е., Гаранина Ж. Г., Лашмайкина Л. И. Исследование интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи у студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 349–356. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.349-356.

© Кулешова Н. Е., Гаранина Ж. Г., Лашмайкина Л. И., 2023

Natalia E. Kuleshova¹, Zhanna G. Garanina², Liudmila I. Lashmaikina³

¹ Synergy University (Moscow, Russia)

^{2,3} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: Lobanova80.80@mail.ru

² e-mail: garanina23@mail.ru

³ e-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

The Study of Intellectual and Leadership Qualities in Their Relationship among Students

Abstract

Introduction. The article presents the results of a study of the problem of the emotional intelligence and empathy of university students. An analysis of theoretical approaches to this problem in domestic and foreign psychology is carried out. The results of an empirical study conducted among students of the Faculty of Law of the Synergy University are described, during which the features of the relationship between their intellectual and leadership qualities are revealed. Statistically significant differences in the level of development of intellectual and leadership qualities were revealed. We have set the following tasks: 1) on the basis of a theoretical analysis of scientific literature, to reveal the essence of the concepts of “leadership” and “intelligence”; 2) to explore the intellectual and leadership qualities of students in their relationship.

Materials and Methods: analysis of scientific literature; observation; psychodiagnostic methods (tests, conversation); experimental methods; mathematical and statistical methods (Spearman's rank correlation method).

Results. The results of the study related to the identification of the relationship between intellectual and leadership qualities among students are presented.

Discussion and Conclusion. The relationship between the intellectual and leadership qualities of students was revealed.

Keywords: intellect, leader, intellectual qualities, leadership qualities.

For citation: Kuleshova N. E., Garanina Zh. G., Lashmaikina L. I. The Study of Intellectual and Leadership Qualities in Their Relationship among Students. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 349–356. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.349-356.

Введение

Быстрое развитие технологий, растущий поток информации, процессы глобализации, изменения в социально-экономическом укладе многих стран заставляют общество сталкиваться с новыми вызовами во всех сферах жизнедеятельности. Дальнейшее развитие любого государства, его место в мировой иерархии будут определяться именно отношением государства и общества к главному своему ресурсу – интеллектуально-творческому потенциалу. В таких условиях потребность в креативной, интеллектуально-развитой личности становится наиболее актуальной для дальнейше-

го успешного развития социума. Ведущие российские ученые (А. Г. Агиров, А. В. Мудрик, Е. А. Береговой и др.) подчеркивают, что важен не только технический прогресс, но и процесс интеллектуализации населения. Развитие интеллектуальных качеств в настоящее время является все более важным. Важность заключается не только в том, что нужно развиваться как личность и продвигаться по карьерной лестнице, но и в том, что интеллект помогает человечеству выживать.

Тем не менее, как показывает анализ, в современной психологической науке недостаточно объемных систематических

исследований, посвященных изучению интеллектуального потенциала, а тем более во взаимосвязи с лидерскими качествами. Во многом склонности и способности человека предопределены генетически. В отличие от них лидерство с детских лет в значительной мере формируется окружающей социальной средой. Таким образом, актуальность работы определяется целым спектром научно-практических задач (диагностических, профилактических, обучающих) и обусловлена необходимостью подробного исследования особенностей взаимосвязи интеллектуальных и лидерских качеств.

Цель исследования – изучить особенности интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи. Объект исследования – интеллектуальные и лидерские качества.

Предмет исследования – особенности интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи. Задачи исследования: 1) проанализировать проблему взаимосвязи интеллектуальных и личностных качеств в научной литературе; 2) эмпирически выявить особенности интеллектуальных и личностных качеств в их взаимосвязи у студентов вуза. Гипотеза исследования – у студентов с более высоким уровнем интеллекта будут более выражены лидерские качества.

Рассматривая историю психологии, становится очевидно, что существует большое количество понятий, подходов к терминологии интеллекта. Например, по мнению И. И. Юматовой [10], есть несколько подходов: структурно-генетический подход Ж. Пиаже [2]; когнитивистский подход; определение интеллекта как средства измерения, факторно-аналитический подход (Х. Айзенк, Д. Векслер, Ф. Вернон, Ч. Спирмен, Л. Терстоун) и др. По мнению С. Векслера, интеллект – масштабная особенность, позволяющая человеку логически действовать и размышлять и находить решение при сложных жизненных обстоятельствах [4]. Ж. Пиаже склонялся к

тому, что развитость интеллекта в первую очередь заключается в приспособлении к окружающему миру, т. е. человек достигает «равновесия» с миром [9]. Таким образом, интеллект – свойство человека, которое является основным условием, обеспечивающим ему адаптационное поведение, т. е. приспособление к изменяющимся условиям окружающего мира.

По мнению А. А. Лучниковой [4], интеллектуальные способности – это возможность использовать весь ранее накопленный опыт своей интеллектуальной деятельности. Рост интеллектуальных способностей происходит благодаря накоплению интеллектуального опыта и знаний и при повышении числа и качества функций интеллекта, которые индивид в силах исполнить. Если растет качество интеллектуальных функций, растет и качество интеллектуальных способностей, а рост числа интеллектуальных функций влечет за собой образование новых.

В статье И. А. Колоскова [3] указано, что лидера характеризуют пять качеств: ум или интеллектуальные способности; господство или преобладание над другими; уверенность в себе; активность и энергичность; знание дела. В статье Ю. В. Федорова отмечается, что У. Беннис, который проводил исследования на успешных лидерах, выявил четыре типа лидерских качеств: способность управлять вниманием; способность управлять значением, т. е. умение донести цель, значимость действий так, чтобы последователи были заинтересованы в достижении целей; способность управлять доверием; способность управлять собой, т. е. лидеру нужно хорошо знать себя, свои сильные и слабые стороны [8]. А. В. Пономарев [6] писал, что лидерство – процесс влияния социума на человека, где человек, занимающий главенствующую роль, принимает поддержку внутри группы от ее участников; это нужно для того,

чтобы группа достигла назначенных целей и задач. По мнению В. Б. Сергеевой и А. А. Токаревой [7], лидерство – особенность, которая заключается в поведенческой черте участников определенной группы, руководство – социальная особенность связей в определенной группе людей. О. К. Мартенс [5] понятие «лидерство» рассматривает как одно из устройств организации коллективной деятельности, т. е. персону выполняет роль главенствующего человека в группе, который ведет работу группы в нужном направлении. Таким образом, лидерство можно рассматривать как процесс и как свойство. Лидерство как процесс – это влияние лидера как субъекта на членов группы, которые являются объектами. Влияние происходит с целью направления группы в их общей деятельности. Другими словами, лидер берет ответственность за целую группу, разрабатывает план действий, назначает задачи, организует всю деятельность, влияет на поведение людей в группе и делает ее более эффективной.

Материалы и методы

Для исследования интеллектуальных и лидерских качеств было проведено экспериментальное исследование. Его цель заключается в изучении интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи. В исследовании приняли участие 30 респон-

дентов в возрасте 18–23 лет, обучающихся на I курсе юридического факультета Университета «Синергия». Исследование особенностей интеллектуальных и лидерских качеств в их взаимосвязи осуществлялось в два этапа: первый – подготовительно-поисковый (анализ психолого-педагогической литературы по проблеме, определение методологического аппарата и понятийного аппарата исследования); второй – опытно-экспериментальный (проведение экспериментального исследования по выбранным методикам, анализ результатов).

Для определения интеллектуальных и лидерских качеств были использованы следующие диагностические средства: прогрессивные матрицы Дж. Равена; краткий отборочный тест В. Н. Бузина; «Определение общих способностей» Г. Айзенка; тест «Я – лидер» А. Н. Лутошкина; самооценка лидерства Н. П. Фетискина; диагностика лидерских способностей (Е. Жариков, Е. Крушельницкий) [1]. Для статистической обработки результатов мы использовали Statistica version 10 и метод ранговой корреляции Ч. Э. Спирмена для выявления связи между лидерскими и интеллектуальными качествами в данных методиках.

Диаграмма 1 иллюстрирует данные по методике «Тест Равена»: 6 чел. (20 %) имеют интеллект ниже среднего, 11 (37 %) –

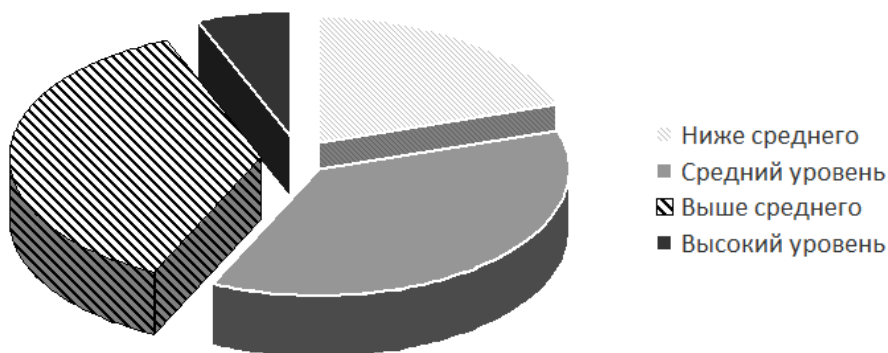

Диаграмма 1. Результаты методики «Тест Равена»
Diagram 1. Results of the Raven Test

средний уровень, 11 (37 %) – уровень выше среднего и 2 чел. (6 %) – высокий уровень интеллекта. Преобладают две группы: со средним уровнем интеллекта и с интеллектом выше среднего.

Анализируя корреляционные связи между показателями методик «Тест Равена» и «Я – лидер», мы выявили взаимосвязь:

1. Серия В в «Тесте Равена», построенная по принципу аналогии между парами фигур, коррелирует с показателем А в методике «Я – лидер», который отвечает за умение управлять собой. Результат данной корреляции по Ч. Э. Спирмену $r = 0,574$, связь средняя, прямая и статистически значима.

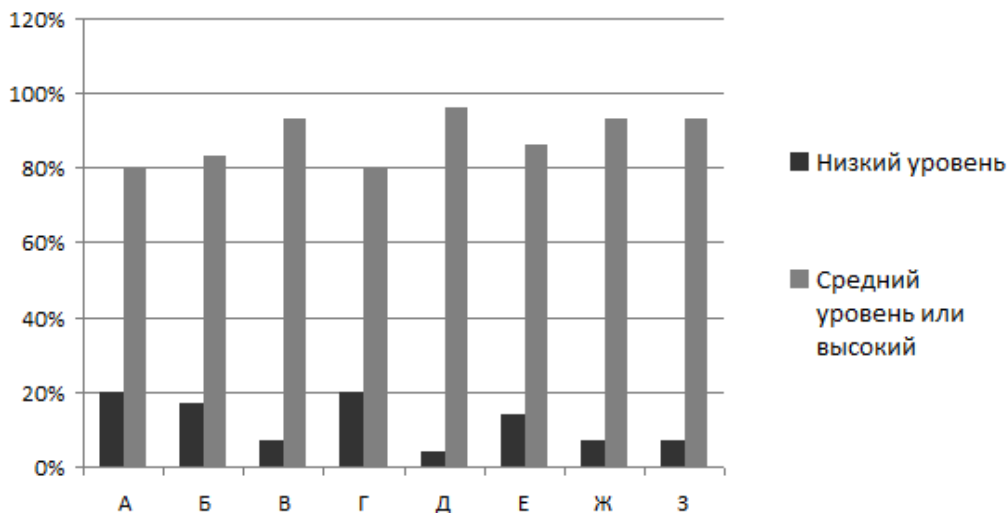
2. Серия В коррелирует с показателем В, который отвечает за умение решать проблемы. Результат данной корреляции $r = 0,565$, связь средняя, прямая и статистически значима.

3. Серия D формируется на базе перегруппировки объектов внутри матрицы. Данный показатель коррелирует с В. Результат $r = 0,389$, связь слабая.

4. Серия В коррелирует с показателем Г, который отвечает за наличие творческого подхода. Результат данной корреляции $r = 0,373$, связь слабая, прямая и статистически значима.

5. Серия В коррелирует с показателем Ж, который отвечает за организаторские способности. Результат данной корреляции $r = 0,475$, связь слабая, прямая и статистически значима.

Методика «Я – лидер» показала, что у большинства испытуемых лидерские качества выражены на высоком или среднем уровне, аутсайдеров значительно меньше. Результаты представлены на гистограмме. Большинство испытуемых с низким уровнем лидерства наблюдается в шкалах А и Г. Шкала А отвечает за умение управлять собой, а шкала Г – за наличие творческого подхода. Большинство испытуемых со средним или высоким уровнем лидерства наблюдается в шкале Д, которая отвечает за влияние на окружающих.

Гистограмма. Результаты методики «Я – лидер»
Bar graph. The results of the method "I am a leader"

■ Низкий ▨ Ниже среднего ▩ Средний ■ Выше среднего ■ Высокий

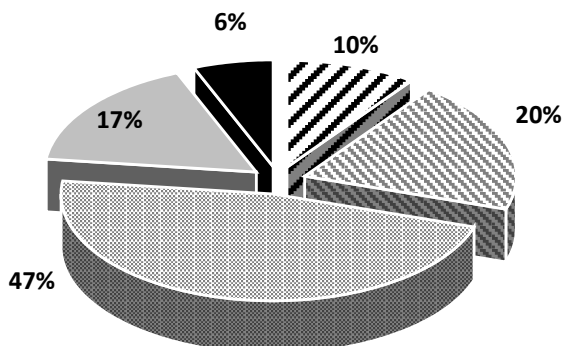

Диаграмма 2. Результаты методики «Краткий отборочный тест»
Diagram 2. Results of the methodology “Short screening test”

Результаты методики «Краткий отборочный тест» представлены на диаграмме 2. Краткий отборочный тест показал, что низкий уровень интеллекта имеют 3 чел. (10 %) из нашей выборки; уровень ниже среднего – 6 (20 %); средний – 14 (47 %); выше среднего – 5 (17 %); высокий интеллект – 2 чел. (6 %).

Методика диагностики лидерских качеств выявила, что у 15 чел. (50 %) средний уровень интеллекта. При этом довольно большой процент испытуемых со слабо выраженными лидерскими качествами – 13 чел. (44 %); ярко выраженные лидерские качества – всего у 2 чел. (6 %). Средний по группе балл общей осведомленности ($S = 26,9$ балла) соответствует среднему уровню.

Заключение

Интеллект – способность людей к адаптации к условиям окружающего мира, способность учиться, умение перерабатывать новую информацию. Структура интеллекта многомерна и до конца не изучена, но можно сказать, в нее входят компоненты, которые помогают человеку осуществлять свои цели, задачи.

Лидерство – процесс влияния лидера на группу людей, у которых есть общая цель.

Существует множество теорий лидерства. В данной работе были рассмотрены следующие теории: теория лидерских качеств, ситуационные теории личности. В них подробно описана природа настоящего лидера, но на данный момент нет точной характеристики лидера.

Задача теорий лидерства заключается в том, что они раскрывают лидерские качества, присущие настоящему лидеру, например способность управлять вниманием, значением, доверием, собой.

Нами проведено экспериментальное исследование, в результате которого выявлено, что шесть пар методик имеют между собой прямую корреляционную связь со слабой силой связи: «Тест Равена» и «Я – лидер»; «Тест Равена» и «Самооценка лидерства»; КОТ и «Диагностика лидерских качеств»; «Определение общих способностей» и «Я – лидер»; «Определение общих способностей» и «Диагностика лидерских качеств»; «Определение общих способностей» и «Самооценка лидерства».

Если говорить о взаимосвязи лидерских качеств с интеллектуальными качествами, можно сделать вывод, что корреляционную связь из методик «Тест Равена» и «Я – лидер» имеют 5 показателей из 45 возмож-

ных. Среди них есть средняя и слабая сила корреляционной связи.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что с ростом уровня интеллекта растет уровень лидерских качеств. Следовательно, чем выше у студентов уровень интеллекта, тем будет выше уровень лидерских качеств. У сту-

дентов с более высоким баллом интеллекта будут более ярко выражены лидерские качества.

Результаты проведенного исследования можно использовать на практике в процессе психологического сопровождения и консультирования студентов в аспекте формирования лидерских качеств.

Список источников

1. Васильева И. В. Психодиагностика. М.: ФЛИНТА, 2019. 252 с.
2. Далакова М. М. Интеллектуальное развитие ребенка: теория Пиаже // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Грозный, 2019. С. 133–137.
3. Колосков И. А. Современные подходы к теории лидерства // Вестник РМАТ. 2015. № 3. С. 51–57.
4. Лучникова А. А. К вопросу об уточнении понятий «интеллект», «потенциальный интеллект», «интеллектуальные способности» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 3.
5. Мартенс О. К. Сущность и природа лидерства // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2018. № 1. С. 76–84.
6. Пономарев А. В. Лидерство в молодежной среде. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. 218 с.
7. Сергеева В. Б., Токарева А. А. Лидерство в менеджменте // Вестник НГИЭИ. 2012. № 9. С. 81–102.
8. Федоров Ю. В. Эволюция требований к руководителю в контексте развития теорий лидерства // Инновации и инвестиции. 2014. № 3. С. 102–106.
9. Харькова Д. Ю., Сафаргалина Э. И. Основы теории когнитивного развития Пиаже // Colloquium-journal. 2019. № 26-2. С. 49–52.
10. Юматова И. И. Психодиагностика. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 254 с.

References

1. Vasilieva I. V. Psychodiagnostics. Moscow, 2019, 252 p. (In Russ.)
2. Dalakova M. M. Intellectual development of the child: Piaget's theory. Actual problems of modern science: the view of young scientists: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 1995, 168 p. (In Russ.)
3. Koloskov I. A. Modern approaches to leadership theory. *Vestnik RMAТ* = Bulletin of the RIAT. 2015; 2: 16–28. (In Russ.)
4. Luchnikova A. A. On the issue of clarifying the concepts of "Intelligence", "Potential intelligence", "Intellectual abilities". *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2015. (In Russ.)
5. Martens O. K. Essence and nature of leadership. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskiye nauki* = Bulletin of the MGOU. Series: Philosophy. 2018; 2: 34–44. (In Russ.)
6. Ponomarev A. V. Youth leadership. Moscow, 1995, 168 p. (In Russ.)
7. Sergeeva V. B., Tokareva A. Leadership in management. *Vestnik NGIAI* = Bulletin of the NGIAI. 2012; 1: 101–109. (In Russ.)
8. Fedorov Y. V. Evolution of requirements for a leader in the context of the development of leadership theories. *Innovations and investments* = Innovations and investments. 2014; 3: 17–22. (In Russ.)
9. Harikova D. Y., Safargalina E. I. Foundations of Piaget's theory of cognitive development. *Colloquium-journal*. 2019; 2. (In Russ.)
10. Yumatova I. I. Psychodiagnostics. Rostov on Don, 2017, 254p. (In Russ.)

Поступила 28.04.2023.

Сведения об авторах

Кулешова Наталья Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия). Сфера научных интересов: психология конфликта, психология общения. Автор более 60 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Гаранина Жанна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психологическая компетентность, личностно-профессиональное саморазвитие. Автор более 165 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Лашмайкина Людмила Ивановна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психология деятельностного подхода. Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0848-3871>.

E-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

Submitted 28.04.2023.

About the authors

Natalia E. Kuleshova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Moscow University of Finance and Industry “Synergy” (Moscow, Russia). Research interests: psychology of conflict, psychology of communication. The author more than 60 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Zhanna G. Garanina – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychological competence, personal and professional self-development. The author more than 165 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Liudmila I. Lashmaikina – Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychology of the activity approach. The author more than 50 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0848-3871>.

E-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

УДК 159.98:316.64

*Л. А. Кунаковская¹, Е. В. Кривотулова², М. Р. Арпентьева³**^{1, 2} Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)**³ Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи
«Содействие» (Калуга, Россия)**¹ e-mail: kynludal@mail.ru**² e-mail: krivotulova-elen@bk.ru**³ e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Рефлексивное обучение и проблемы самосовершенствования преподавателя вуза

Аннотация

Введение. Системность педагогической деятельности предполагает необходимость ее периодического переосмысления педагогами: как с целью профессионального и иного развития самих себя, так и с целью повышения успеваемости и качества подготовки их учеников.

Материалы и методы. Цель исследования – осмыслить место рефлексивного обучения в контексте самосовершенствования преподавателя вуза. Метод исследования – теоретический анализ проблем рефлексивного обучения в контексте самосовершенствования преподавателя вуза.

Результаты исследования. Рефлексивная практика – это процесс, облегчающий, интенсифицирующий и улучшающий преподавание и обучение. Она позволяет развивать понимание преподавателей и иных субъектов образования и играет центральную роль в профессиональном развитии педагогов вузов.

Обсуждение и заключение. Когда педагоги ориентированного на инновации вуза проводят систематические рефлексивные (само)исследования, они лучше и полнее понимают себя, свою практику и своих учеников. Постоянно изучая собственные действия, представления и переживания, педагоги растут профессионально, лично и социально. Они также создают условия для своих учеников: помогают им развивать свое понимание и свои рефлексивные практики в ходе учебных занятий. Анализ данных проблем может быть важным шагом на пути к созданию интегративной модели рефлексивных процессов в образовании, а также шагом на пути осмысления источников и условий самосовершенствования педагогов.

Ключевые слова: рефлексивные практики, рефлексивное обучение, студенты-учителя, повышение квалификации учителей, инновации, профессиональное образование.

Для цитирования: Кунаковская Л. А., Кривотулова Е. В., Арпентьева М. Р. Рефлексивное обучение и проблемы самосовершенствования преподавателя вуза // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 3. С. 357–370. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.357-370.

Ludmila A. Kunakovskaya¹, Elena V. Krivotulova², Mariam R. Arpentieva³

^{1,2} Voronezh State University (Voronezh, Russia)

³ Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance "Assistance" (Kaluga, Russia)

¹ e-mail: kynludal@mail.ru

² e-mail: krivotulova-elen@bk.ru

³ e-mail: mariam_rav@mail.ru

Reflexive Learning and Problems of Self-Improvement of a University Teacher

Abstract

Introduction. The purpose of the study is to comprehend the place of reflective learning in the context of self-improvement of a university teacher.

Research method are theoretical analysis of the problems of reflective learning in the context of self-improvement of a university teacher.

Results. Reflective practice is a process that facilitates, intensifies and enhances teaching and learning. It allows developing understanding of teachers and other subjects of education and plays a central role in the professional development of university teachers. When educators in an innovation-oriented university conduct systematic reflective (self-)examination of themselves, they understand themselves, their practice, and their students better and more fully. By constantly examining their own actions, ideas and experiences, they grow professionally, personally and socially. He also creates conditions for his students: he helps them develop their understanding and their reflective practices in the situation of the study sessions.

Discussion and Conclusion. The analysis of these areas can be an important step towards creating an integrative model of reflexive processes in education, as well as a step towards comprehending the sources and conditions for self-improvement of teachers.

Keywords: reflective practices, reflective teaching, student teachers, teacher development, innovation.

For citation: Kunakovskaya L. A., Krivotulova E. V., Arpentieva M. R. Reflexive Learning and Problems of Self-Improvement of a University Teacher. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(3): 357–370. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.357-370.

Введение

Рефлексивная практика преподавателей, ориентированных на инновации вузов, — это процесс, облегчающий, интенсифицирующий и улучшающий преподавание и обучение. Она позволяет развивать понимание преподавателями и иными субъектами образования себя и мира, процессов и результатов обучения и воспитания в вузе, играет центральную роль в профессиональном развитии педагогов. Когда преподаватели проводят систематические рефлексивные (само)исследования, они лучше и полнее понимают себя, свою практику и своих учеников [1; 4; 16]. Постоянно

изучая собственные действия, представления и переживания, они растут профессионально, лично и социально [7; 14; 19; 24]. Рефлексивное обучение и рефлексия в целом также помогают педагогам создавать условия для учеников: развивать понимание и рефлексивные практики в ситуации учебных занятий.

Многосторонний, многоуровневый характер педагогической деятельности требует, чтобы педагоги подвергали свою практику периодическому переосмыслению: как с целью профессионального и иного развития самих себя, так и с целью повышения успеваемости и качества подготовки

их учеников [2; 8; 10]. Это особенно важно в вузах, ориентированных на инновации: инновации как таковые требуют от педагогов развернутого во времени и пространстве их внутриличностных и межличностных отношений рефлексивного осмысления происходящего, характеристик и процессов их и иных субъектов образования активности.

Рефлексивная практика требует от педагога способности и готовности размышлять над происходящим во внутреннем и внешнем мире, в том числе в контексте идей непрерывного обучения как одного из путей непрерывного развития человека как личности, партнера и профессионала как единственно соответствующего его сущности варианта бытия: человек существует только при условии развития, творческого переосмысления и изменения самого себя, позволяющего постигать всё новые аспекты себя самого и внешней реальности [3; 9; 35].

Материалы и методы

Цель исследования – осмыслить место рефлексивного обучения в контексте самосовершенствования преподавателя вуза. Методы исследования – теоретический анализ проблем рефлексивного обучения в контексте самосовершенствования преподавателя вуза.

Ключевая идея значимости рефлексивной практики состоит в том, что опыт преподавателей вузов сам по себе обязательно ведет к развитию. Важное, основополагающее значение имеет преднамеренное осмысление опыта: даже «случайное обучение» требует наличия у будущего специалиста наставника, готового поддержать педагога в осознании этой «случайности», помочь исследовать ее смыслы и компетенции [11; 13; 19; 39]. Для наибольшей же результативности, в том числе в контексте использования рефлексии как средства самосовершенствования, она должна быть системной, осознанной, направленной [5; 6; 8; 24]. Здесь можно сослаться на извест-

ное высказывание В. А. Сухомлинского: «В самой своей основе педагогический труд – настоящий творческий труд – стоит близко к научному исследованию. Эта близость, родство заключается, прежде всего, в анализе фактов и необходимости предвидеть. Учитель, умеющий проникать мысленно в сущность фактов, в причинно-следственные связи между ними, предотвращает многие трудности и неудачи» [12, с. 71].

Результаты исследования

(Само)совершенствование преподавателей вузов – трудный, но крайне важный для человека как субъекта опыт становления себя и (само)изменения, управления переменами – изнутри человека или извне него, в том числе при помощи рефлексии и исправления ошибок, переопределения накопленного человеком опыта жизни как личности, партнера, ученика и профессионала [15; 22; 34]. Рефлексивная практика преподавателей вузов – это обучение через опыт и на его основе для получения нового понимания себя и практики [24; 25; 39]. Рефлексивное обучение широко признано многими исследователями как подход, который может способствовать профессиональному развитию преподавателей вузов и повышению качества преподавания и обучения. Рефлексия как критическое осмысление опыта продолжает оставаться эффективной и продуктивной методикой профессионального развития [31; 39; 42]. При этом рефлексивная практика является в образовательном взаимодействии квалифицированного и успешного педагога на разных стадиях его профессионального, социального и личностного развития непрерывным процессом, который приводит к формированию и развитию студентов-педагогов как автономных, квалифицированных и самостоятельных специалистов. Вовлечение преподавателей, ориентированных на инновации вузов в рефлексивную практику, связано с улучшением качества психолого-

педагогического сопровождения вузовского процесса, стимулированием личностного, партнерского и профессионального (само) совершенствования и преодолением разрыва между теорией и практикой образования.

Рефлексивная практика является важным инструментом в руках преподавателей ориентированных на инновации вузов, опирающихся на идеи практической ориентированности и (интер)активности условия профессионального образования, в которых студенты и слушатели учатся и воспитываются на собственном профессиональном, личностном и партнерском опыте, а не на формально-репродуктивном обучении и воспитании. Это также не практика обмена знаниями и умениями: ведущую роль здесь играет собственный опыт, который может дополняться опытом других людей. Рефлексивная практика в этом контексте – важнейший источник личного, социального и профессионального развития преподавателей вузов и повышения качества образования. Это также важный и хороший способ объединить теорию и практику, поскольку «теоретическая линза» рефлексии является одной из ведущих линз наряду с «линзами» понимания происходящего, которые совершенствующийся будущий или уже работающий педагог извлекает из собственного опыта, опыта студентов и школьников, опыта других коллег и т. д.

Рефлексия требует от преподавателей вузов понимания, что они делают в классе, почему они это делают и работает ли это. Рефлексия включает процессы самонаблюдения и самооценки. При этом рефлексивная практика может быть как личным процессом, так и процессом, который они обсуждают с коллегами и/или руководителями [24; 39].

При этом, хотя многие педагоги более или менее активно размышляют о своей работе и ее совершенствовании, говорят об этом с коллегами и порой с учениками,

но без достаточного количества времени и структуры, потраченных на обсуждение того, что произошло, эти беседы и размышления чаще всего не помогают работающим педагогам и студентам действительно и серьезно изменить свою практику к лучшему. Рефлексивное обучение преподавателей вузов представляет собой систематический и направленный процесс сбора, записи и анализа данных (само)наблюдений педагога, а также его коллег и учеников с последующим внесением изменений [19]. Это не одноразовый, а циклический процесс, который должен происходить регулярно, если педагог хочет использовать его для самосовершенствования, в том числе тогда, когда из-за перегрузок и рутины педагогу проще забыть сделать шаг назад, посмотреть на свою практику другим взглядом и определить области совершенствования и исправления ошибок, для того чтобы лучше поддерживать учеников, обогащать и оптимизировать их учебный опыт.

Преподаватель, который рефлексировал свою активность и ответную активность студентов на протяжении всей практики, не просто оглядывается на свое и чужое прошлое, но сознательно исследует переживания, представления, действия и ценности, используя эту информацию, чтобы добавить к существующей у него базе компетенций и достичь более глубокого и полного понимания. Рефлексия – четко определенная и продуманная практика, которая несет в себе специфический смысл и связанные с ним действия [38; 39]. Рефлексивное обучение на самом общем уровне предполагает размышление о своем учении или о преподавании. Рефлексивное обучение – это процесс, в котором педагоги обдумывают особенности своей преподавательской практики, анализируя, как они чему-то учили и воспитывали, как эта практика может быть улучшена или изменена для улучшения результатов обучения школьников или студентов.

Собирая информацию о том, что происходит в их учебной группе и в аудитории, анализируя и оценивая эту информацию, они выявляют и изучают собственные поступки и действия, способы преподавания и основополагающие убеждения, что может в перспективе привести к изменениям и улучшениям в их обучении. Таким образом, рефлексивное обучение полезно для профессионального развития всех педагогов, включая студентов педагогических специальностей и педагогов, проходящих курсы повышения квалификации или занимающихся этой проблемой без отрыва от производства [19; 24; 39]. Л. Ур говорит, что первая и самая важная основа профессионального прогресса педагога – собственная рефлексия учителями и преподавателями ежедневных событий в учебных классах и аудиториях [43]. Таким образом, рефлексивная практика может быть и должна быть использована как на дотрудовой, так и на трудовой стадии обучения. Коучинг и участие сверстников/сотрудников – это два поддерживающих аспекта рефлексивной практики, которые чаще всего наблюдаются на дотрудовой стадии, но сейчас всё более широко внедряются и на стадии трудовой деятельности преподавателей вузов.

Педагоги как наставники могут обучать студентов-педагогов и уже работающих преподавателей вузов рефлексивной практике, используя личные истории и опыт (свой и студентов), наблюдения и диалоговые журналы, деловые игры и дискуссии в малых и больших группах [19; 40]. Очень полезно привлечение «рефлексивных групп сверстников/сотрудников», которое побуждает будущих или уже работающих педагогов критически переосмысливать существующие теории и методики, собственные предвзятые взгляды на преподавание, моделируя совместный стиль образовательной активности как совершенствующейся, обеспечивая, таким образом, профессиональ-

ное, личностное и социальное развитие специалиста на протяжении всей его преподавательской карьеры и в жизни.

Л. Бартлетт полагает: для того чтобы стать рефлексивным преподавателем, необходимо выйти за рамки основной задачи [18]. С помощью специальных приемов и вопросов «как», «что», «зачем» и «почему» инструкции, методики преподавания и управленческие методы предстают не как самоцель, а как часть более широких воспитательных и дидактических целей и ценностей. Задавание вопросов «что», «почему» и «зачем» дает человеку определенную власть над его индивидуальным обучением, приводя к возникновению и развитию автономии и ответственности в работе педагога. Практика рефлексивного обучения приводит к обретению преподавателем вуза личностных, межличностных и профессиональных компетенций, которые так важны для того, чтобы быть эффективным и конструктивным педагогом, помогая увеличить эффективность и продуктивность учебной и общей активности [27; 36; 39].

М. Джейкобс, Н. Вакалиса, Н. Гаве и другие исследователи утверждают, что рефлексивное обучение дает преподавателям вузов возможность возобновить практику на новом этапе и понять результаты своей работы и учебного труда учеников [8; 10; 30].

Рефлексивное преподавание заставляет педагогов подвергать сомнению клише, которые они усвоили в годы становления; позволяет им развивать более осознанную и направленную деятельность; интегрировать компетенции, которые они получили во время дотрудовой подготовки, с их практическим и общежизненным опытом; совершать осознанные и успешные выборы, исходя из ситуаций, в которых они оказываются, и особенностей участников этих ситуаций [17; 19]. Уже на этапе студенчества будущие педагоги должны подвергать

критическому пересмотру свою практику, быть открытыми для возникающих возможностей и преодолевать барьеры в своей работе.

При этом рефлексия и критическое осмысление не являются естественными и «самопроизвольными» видами активности для большинства преподавателей вузов, поэтому студентов нужно учить рефлексии и создавать условия для развития способности и готовности к рефлексии [19; 44]. Рефлексивные размышления воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а не совершаются, но предположение о том, что студенты и уже работающие преподаватели вузов автоматически начнут размышлять над своей практикой, неверно [2; 26; 33].

Рефлексивность – это навык, который необходимо приобретать и развивать в процессе направленного обучения преподавателей вузов, а не путем «автоматического» и «случайного» возникновения. Педагоги-наставники должны применять это понимание в процессе практической работы в классе, побуждая студентов наблюдать и размышлять над процессами и результатами, формой и содержанием образовательных взаимодействий, чтобы классы и аудитории стали своего рода лабораториями, где совершенствующийся педагог может связать теорию преподавания с практикой преподавания. Приняв к реализации практику рефлексивного обучения, наставник может и должен вдохновлять педагогов-стажеров, чтобы дать им возможность практиковать им рефлексии на их собственных учебных занятиях [17; 39].

Рефлексивная практика в образовании является одним из наиболее важных источников личного, социального и профессионального развития и совершенствования. Эффективные и продуктивные педагоги, как правило, отмечают: каким бы хорошим ни был урок/лекция, их практику всегда можно улучшить. Рефлексия помогает пе-

дагогу перейти от констатаций и «опыта» к (само)пониманию и (само)преобразованию. Исследования показали: если педагоги не задаются вопросом, что означает их опыт, и не рефлексиируют его активно, они не стремятся вносить изменения в свою жизнедеятельность и, следовательно, совершенствоваться.

Преимущества рефлексивной практики особенно заметны во времена кризисов и перемен [4], в ситуациях образовательных инноваций. Поощрение рефлексивной практики в высшей школе приносит пользу не только отдельным педагогам и студентам, но и вузу, системе высшего образования в целом. Развитие культуры рефлексивной практики улучшает работу вузов и школ, создавая прочную основу для постоянного повышения качества образования. Рефлексия как совместная практика посылает окружающим педагогов людям «сигналы», что обучение и воспитание действительно важны как для учащихся/обучающихся, так и для учителей/преподавателей; как для общества в целом, так и для работодателей; что все заинтересованы в поддержке и качестве образования.

Это создает среду сотрудничества, когда педагоги адаптируют как собственную практику, так и практику своих коллег к конкретным условиям, сохраняя базовые ценности и цели образования. Педагоги могут объединяться в команды, опираясь на свой опыт и предлагая друг другу поддержку, развивать передовую практику в школах и вузах, что приводит к более результативному взаимодействию. Согласно Дж. Хэтти, развитие передового опыта в образовании оказывает самое сильное влияние на успеваемость учащихся [29].

Рефлексивная практика является ключом к совершенствованию. Если педагоги не анализируют и не оценивают свою профессиональную деятельность, они не могут совершенствоваться. Кроме того, как

только они начинают таким образом брать на себя ответственность, их уверенность и ощущение (само)эффективности растут.

Рефлексивная практика позволяет преподавателям вузов создавать и экспериментировать с новыми идеями и подходами для достижения максимального успеха. Рефлексивная практика побуждает преподавателей понимать своих учеников, их способности и ограничения, нужды и желания. Рефлексия помогает поставить себя на место учеников. Так делают многие опытные педагоги, потому что «из всех педагогических задач, с которыми сталкиваются учителя, проникновение в головы учащихся – одна из самых сложных. Это также и самое важное» [19, р. 12]. При этом рефлексивные педагоги с большей вероятностью развивают рефлексивные способности учеников. Если педагоги практикуют рефлексия, они могут более эффективно и продуктивно побуждать учеников к рефлексии, оценке и улучшению собственного обучения (ключевые навыки независимых учеников). Центром и условием успешности рефлексии в образовании при этом является систематическое, направленное индивидуальное или совместное исследование результатов деятельности педагогов и их учеников.

Помимо этого, рефлексия происходящего вне и внутри себя у преподавателей вузов развивает смирение: признавать ошибки, брать на себя ответственность и разрабатывать план преодоления трудностей – неотъемлемая часть любой успешной команды. Рефлексия служит постоянным напоминанием педагогам о том, что нужно продолжать усердно работать для достижения результатов.

Стандарты педагогов многих современных стран гласят, что учителя должны систематически анализировать эффективность и продуктивность уроков и подходов к обучению, утверждают, что «совершенствование себя и других является фунда-

ментальным ожиданием для качественного преподавания и обучения в школах» [32, р. 168], «фундаментальная цель профессиональной подготовки студентов-педагогов – развитие у них способности анализировать и оценивать собственную педагогическую практику» [37, р. 3]. Для педагогов важно активно и систематически продолжать развитие и обучение на протяжении всей карьеры, администрация обязана способствовать этому [19; 41].

Также рефлексия помогает преодолеть «пятилетнее» и иные «плато» и кризисы, возникающие у преподавателей вузов и многих иных педагогов после пяти первых лет трудовой деятельности и далее, в связи с невозможностью или нежеланием совершенствоваться и иными событиями. В работе Ч. Клотфелтера, Х. Лэдд и Дж. Вигдора отмечается, что педагоги совершенствуют и оттачивают мастерство до первых пяти лет карьеры, а после многие останавливаются на достигнутом [21]. До сих пор неясна причина этого «плато» и неизвестно, как его избежать. Дж. Харрисон и соавторы предполагают, что педагоги могут рассмотреть возможность использования рефлексии, во многом так же, как опытный коллега или наставник может использовать шаблон для направления своих отзывов студентам и начинающим педагогам-стажерам [28]. Привычки и отношения, которые преподаватель вуза вырабатывает на ранних этапах карьеры, должны быть устойчивыми, если педагог хочет, чтобы они сохранялись по мере того, как новые жизненные реалии вступают в силу, особенно в контексте давления на работе. Преодолев страх, лень и неделание, педагог может понять, насколько полезным может быть этот инструмент, чтобы понимать, как далеко он продвинулся, что может узнать о себе. К сожалению, школы и вузы часто не имеют достаточно ресурсов и желания для создания условий профессионального развития, но есть за-

писи лекций в рамках учебных курсов для педагогов в различных банках данных специализированных профессиональных сообществ, например на созданных ими специальных электронных платформах и тренажерах [20].

Люди с установкой на развитие, как правило, более успешны и в профессиональной деятельности, и в жизни в целом: они более гибки и рефлексивны. К. Двек пишет, что люди с фиксированным, ригидным мышлением считают, что их качества неизменны, тогда как люди с «мышлением роста» чувствуют, что могут улучшить свои качества, прилагая усилия, в том числе к расширению перспектив осмысления и развития своей активности [23]. Успешный педагог с гибким, многоаспектным и многоуровневым пониманием себя и мира может вдохновить учеников на такое же – нефиксированное, развивающееся понимание происходящего, самосовершенствование.

Обобщим сказанное (рисунок).

Заключение

Исследования рефлексивной практики в педагогическом образовании привлекают всё больше внимания, по крайней мере в последние десятилетия. Цели рефлексии преподавателей вузов заключаются не только в том, чтобы осветить их профессиональный опыт обучения, но и в том, чтобы критически осмыслить их призвание как учителей, включая ценности, которые могут быть продиктованы им извне, посредством жестких правил в ходе предшествующего работе профессионального становления, а также нынешней администрации и «организационной культурой» вуза, в котором они трудятся, а могут стать итогом внутренней работы, осмысления внутренних механизмов и аспектов педагогического труда. Рефлексия в педагогическом образовании и педагогическом труде имеет решающее значение, поскольку она тесно связана с качеством образования и возможностями развития педагога как лич-

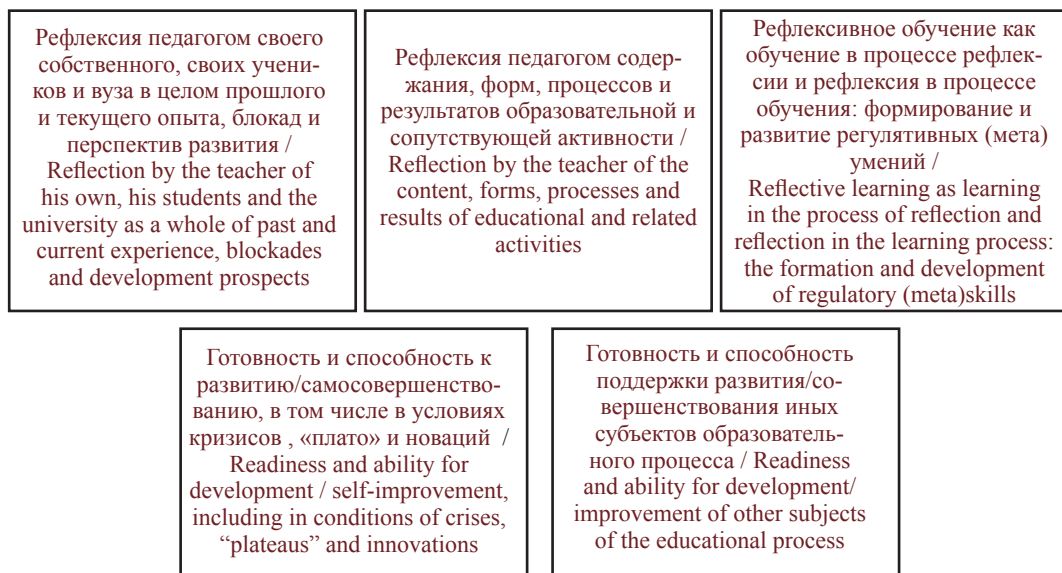

Рисунок
Рефлексивная активность и совершенствование преподавателя вуза
Figure
Reflective activity and improvement of a university teacher

ности, партнера и профессионала и, таким образом, аналогичными возможностями для его студентов. Анализ данных проблем может быть важным шагом на пути к созда-

нию интегративной модели рефлексивных процессов в образовании, а также шагом на пути осмысления источников и условий самосовершенствования педагогов.

Список источников

1. Абдуллоева М. А., Убайдуллоева Ф. А. Анализ урока практиканта как средство повышения уровня его методической компетенции // Вестник педагогических наук. 2021. № 6. С. 239–243.
2. Анализ современного урока: подходы, схемы, модели: методические рекомендации / сост. Н. Ф. Ильина. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2009. 83 с.
3. Анисимова Н. П. Психологический анализ урока в контексте образовательных стандартов нового поколения // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2, № 3. С. 229–234.
4. Арпентьева М. Р., Гасанова Р. Р. Проблемы развития субъектов дополнительного образования педагогов // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 13–21.
5. Бизязева А. А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия. Псков: Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова, 2004. 216 с.
6. Бобровская Л. Н. Схема анализа урока как инструмент измерения качества образовательного процесса // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2017. № 5. С. 3–9.
7. Кунаковская Л. А. Профессиональное самосовершенствование преподавателя вуза // Акмеология. 2013. № 3. С. 170–173.
8. Кунаковская Л. А., Кривотулова Е. В., Арпентьева М. Р. Методики психолого-педагогического анализа учебного занятия в рефлексивном обучении // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 136–144.
9. Кунаковская Л. А., Кривотулова Е. В., Арпентьева М. Р. Рефлексивное обучение в преподавании психолого-педагогических дисциплин // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 131–139.
10. Оганесян Н. Т. Психолого-дидактические технологии анализа современного урока в образовательной организации // Научные исследования и образование. 2017. № 1. С. 23–30.
11. Сиднева А. Н. Психологический анализ урока с позиций деятельностного подхода // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2017. № 3. С. 100–119.
12. Сухомлинский В. А. Беседа с молодым директором школы. М.: Просвещение, 1973. 204 с.
13. Формирование субъектности подростка в ситуации предпрофильного обучения: рефлексия педагога-психолога / ред. колл.: Н. И. Вьюнова, Л. А. Кунаковская, Е. Д. Сергеева, Ю. Г. Хлоповских. Воронеж: Воронеж. центр науч.-техн. информации, 2011. 202 с.
14. Худякова Т. Л., Гасанова Р. Р., Степанова О. П., Токарь О. В., Арпентьева М. Р., Шпаковская Е. Ю. Технологии управления карьерным и профессиональным развитием руководителя организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 1. С. 50–59.
15. Шадрин А. Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 240 с.
16. Шпаковская Е. Ю., Токарь О. В., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6, № 4. С. 482–495.
17. Akbari R. Reflection on Reflection: A Critical Appraisal of Reflective Practice in L2 Teacher Education // System. 2007. Vol. 35, no. 2. P. 192–207.
18. Bartlett L. Teacher Development through Reflective Teaching // Second Language Teacher Education. New York, 1990. P. 202–214.

19. *Brookfield S.* Becoming a critically reflective teacher. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1995/2017. 304 p.
20. *Buck A., Tomlinson O., Took J.* What Makes a Great Middle Leader? London: United Learning Publications, 2014. 300 p.
21. *Clotfelter Ch., Ladd H., Vigdor J.* Teacher-Student Matching and the Assessment of Teacher Effectiveness // *Journal of Human Resources*. 2006. Vol. 41. P. 778–820. DOI: 10.3368/jhr.XLI(4).778.
22. *Conley L., van der Merwe M., Robinson M., Petersen N., Osman R., November I., Merckel V., Lomofsky L., Gravett S., Dunbar-Krige H.* Becoming a Teacher. Cape Town: Pearson Education South Africa, 2010. 520 p.
23. *Dweck C. S.* Mindset: The New Psychology of Success. New York: Ballantine Books, 2007. 320 p.
24. *Finlay L.* Reflecting on “Reflective Practice” // *Practice-Based Professional Learning Center (PBPL)*. 2008. Paper 52. P. 1–27.
25. *Gibbs G.* Learning by Doing: A guide to teaching and learning methods. Further Education Unit. Oxford: Oxford Polytechnic, Oxford Centre for Staff and Learning Development, Oxford Brookes University, 1988/2013. 134 p.
26. *Griffiths V.* The Reflective Dimension in Teacher Education // *International Journal of Educational Research*. 2000. Vol. 33, no. 5. P. 539–555.
27. *Han E. P.* Issues in Education: Reflection is Essential in Teacher Education // *Childhood Education*. 2012. Vol. 71. P. 228–230.
28. *Harrison J. K., Lawson T., Wortley A.* Mentoring the beginning teacher: developing professional autonomy through critical reflection on practice // *Reflective Practice*. 2005. Vol. 6, no. 3. P. 419–441.
29. *Hattie J.* Teachers make a difference: What is the research evidence? // Australian Council for Educational Research Annual Conference. October, Melbourne, Australia. Melbourne, 2003. P. 19–21.
30. *Jacobs M., Vakalisa N. C. G., Gawe N.* Teaching Learning Dynamics. Cape Town: Pearson Education South Africa, 2011/2016. 420 p.
31. *Jasper M.* Nurses’ perceptions of the value of written reflection // *Nurse Education Today*. 2005. Vol. 19, no. 6. P. 452–463.
32. *Killeavy M.* Induction: A Collective Endeavor of Learning, Teaching, and Leading // *Theory into Practice*. 2006. Vol. 45. P. 168–176. DOI: 10.1207/s15430421tip4502_9.
33. *Killen R.* Teaching Strategies for Outcomes-Based Education. Cape Town: Juta Legal and Academic Publishers, 2007. 488 p.
34. *Kuswandono P.* Reflective Practices for Teacher Education // *Language and Language Teaching Journal*. 2012. Vol. 15. P. 149–162. DOI: 10.24071/llt.2012.150102.
35. *Levanova E. A., Stetsenko I. A., Kunakovskaya L. A.* Reflexive context of professional training of future teachers at the university // *Vectors of development of contextual education. Collective monograph. Voronezh*, 2021. P. 55–68.
36. *Lieberman A., Miller L.* Teaching and Teacher Development: A New Synthesis for A New Century // *Education in a New Era. Alexandria, Virginia*, 2000. P. 47–66.
37. *Lofthouse R., Birmingham P.* The camera in the classroom: video-recording as a tool for professional development of student teachers // *Teacher Education Advancement Network Journal*. 2010. Vol. 1. P. 1–18. URL: <https://ojs.cumbria.ac.uk/index.php/TEAN/article/view/59/70> (accessed 22.05.2022).
38. *Loughran J. J.* Effective Reflective Practice: In Search of Meaning in Learning about Teaching // *Journal of Teacher Education*. 2002. Vol. 53. P. 33–43.
39. *Mathew P., Mathew P., Prince Mr., Peechattu J.* Reflective practices: a means to teacher development // *Asia Pacific Journal of Contemporary Education and Communication Technology (APJCECT)*. 2017. Vol. 3, issue 1. P. 126–130. URL: www.apiar.org.au.
40. *Ojanen S.* A process in which personal pedagogical knowledge is created through the teacher education experience // *International Conference on Teacher Education*, Tel-Aviv, Israel. Tel-

Aviv, Israel, 1993. № ED 398 200. P. 1–16. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED398200.pdf> (accessed 22.05.2022).

41. Runhaar P., Sanders K., Yang H. Stimulating teachers' reflection and feedback asking: An interplay of self-efficacy, learning goal orientation, and transformational leadership // *Teaching and Teacher Education*. 2010. Vol. 26. P. 1154–1161.
42. The reflective turn: Case studies in and on educational practice / Schon D. A. (Ed.). New York: Teachers College Press, 1993. 440 p.
43. Ur P. A course in language teaching: practice and theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999/2012. 336 p.
44. Yang S. H. Using Blogs to Enhance Critical Reflection and Community of Practice // *Educational Technology and Society*. 2009. Vol. 12, no. 2. P. 11–21.

References

1. Abdulloeva M. A., Ubaidulloeva F. A. Analysis of the trainee's lesson as a means of increasing the level of his methodological competence. *Vestnik pedagogicheskikh nauk* = Bulletin of Pedagogical Sciences. 2021; 6: 239–243. (In Russ.)
2. Ilyin N. F. (ed.). Analysis of the modern lesson: approaches, schemes, models: guidelines. Krasnoyarsk: V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2009, 83 p. (In Russ.)
3. Anisimova N. P. Psychological analysis of the lesson in the context of educational standards of the new generation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2013; Vol. 2(3): 229–234. (In Russ.)
4. Arpentieva M. R., Gasanova R. R. Problems of development of subjects of additional education of teachers. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* = Bulletin of the State Humanitarian and Technological University. 2022. No. 1. P. 13–21. (In Russ.)
5. Bizyaeva A. A. Psychology of a Thinking Teacher: Pedagogical Reflection. Pskov: S. M. Kirov Pskov State Pedagogical Institute, 2004, 216 p. (In Russ.)
6. Bobrovskaya L. N. Scheme of lesson analysis as a tool for measuring the quality of the educational process. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya* = Management of the quality of education: theory and practice of effective administration. 2017; 5: 3–9. (In Russ.)
7. Kunakovskaya L. A. Development of pedagogical reflection in a modern teacher. *Bulletin of the Voronezh Regional Institute for Advanced Studies of Educational Workers*. 2002; 8: 33–35. (In Russ.)
8. Kunakovskaya L. A., Krivotulova E. V., Arpentieva M. R. Methods of psychological and pedagogical analysis of training sessions in reflective learning. *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom* = Vocational Education in Russia and Abroad. 2022; 4(48): 136–144. (In Russ.)
9. Levanova E. A., Stetsenko I. A., Kunakovskaya L. A. Reflective learning in teaching psychological and pedagogical disciplines. *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom* = Vocational Education in Russia and Abroad. 2022; 3(47): 131–139. (In Russ.)
10. Oganessian N. T. Psychological and didactic technologies for the analysis of a modern lesson in an educational organization. *Nauchnye issledovaniya i obrazovanie* = Scientific research and education. 2017; 1(25): 23–30. (In Russ.)
11. Sidneva, A. N. Psychological analysis of the lesson from the standpoint of the activity approach. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* = Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. 2017; 3: 100–119. (In Russ.)
12. Sukhomlinskiy V. A. A conversation with a young school principal. Moscow, 1973, 204 p. (In Russ.)
13. Vyunova N. I., Kunakovskaya L. A., Sergeeva E. D., Khlopovskikh Yu. G. (eds.). Formation of subjectivity of a teenager in a situation of pre-profile training: reflection of a teacher-psychologist. Voronezh, 2011, 202 p. (In Russ.)
14. Khudyakova T. L., Gasanova R. R., Stepanova O. P., Tokar O. V., Arpentieva M. R., Shpakovskaya E. Yu. Technologies for managing the career and professional development of the head of the organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* = Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2022; Vol. 7, 1(23): 50–59. (In Russ.)

15. *Shadrina A.* Single: Sex, love and family outside of marriage. Moscow, 2014, 240 p. (In Russ.)
16. *Shpakovskaya E. Yu., Tokar O. V., Gasanova R. R., Khudyakova T. L., Stepanova O. P., Arpentyeva M. R.* Career and professional development of the head of the organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* = Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2021; Vol. 6, 4(22): 482–495. (In Russ.)
17. *Akbari R.* Reflection on Reflection: A Critical Appraisal of Reflective Practice in L2. Teacher Education. System, 2007; Vol. 35(2): 192–207. (In Engl.)
18. *Bartlett L.* Teacher Development through Reflective Teaching. In: J. C. Richards, & D. Nunan (Eds.) Second Language Teacher Education. New York: Cambridge University Press, 1990, P. 202–214. (In Engl.)
19. *Brookfield S.* Becoming a critically reflective teacher. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1995 / 2017, 304 p. (In Engl.)
20. *Buck A., Tomlinson O. and Took J.* What Makes a Great Middle Leader? London: United Learning Publications, 2014, 300 p. (In Engl.)
21. *Clotfelter Ch. & Ladd H. & Vigdor J.* Teacher-Student Matching and the Assessment of Teacher Effectiveness. Journal of Human Resources. 2006; Vol. 41: 778–820. [https://doi.org/10.3368/jhr.XLI\(4\).778](https://doi.org/10.3368/jhr.XLI(4).778). (In Engl.)
22. *Conley L. van der Merwe M., Robinson M., Petersen N., Osman R., November I., Merckel V., Lomofsky L., Gravett S., Dunbar-Krige H.* Becoming a Teacher. Cape Town: Pearson Education South Africa, 2010, 520 p. (In Engl.)
23. *Dweck C. S.* Mindset: The New Psychology of Success. New York: Ballantine Books, 2007, 320 p. (In Engl.)
24. *Finlay L.* Reflecting on “Reflective Practice”. Practice-Based Professional Learning Center (PBPL). 2008. Paper 52. Pp. 1–27. (In Engl.)
25. *Gibbs G.* Learning by Doing: A guide to teaching and learning methods. Further Education Unit. Oxford: Oxford Polytechnic, Oxford Centre for Staff and Learning Development, Oxford Brookes University, 1988 / 2013, 134 p. (In Engl.)
26. *Griffiths V.* The Reflective Dimension in Teacher Education. International Journal of Educational Research, 2000, vol. 33(5). P. 539–555. (In Engl.)
27. *Han E. P.* Issues in Education: Reflection is Essential in Teacher Education. Childhood Education, 2012, vol. 71. P. 228–230. (In Engl.)
28. *Harrison J. K., Lawson T. and Wortley A.* Mentoring the beginning teacher: developing professional autonomy through critical reflection on practice. Reflective Practice. 2005; Vol. 6(3): 419–441. (In Engl.)
29. *Hattie J.* Teachers make a difference: What is the research evidence? Australian Council for Educational Research Annual Conference. October, Melbourne, Australia. Melbourne, 2003. P. 19–21. (In Engl.)
30. *Jacobs M., Vakalisa N.C.G. & Gawe N.* Teaching Learning Dynamics. Cape Town: Pearson Education South Africa, 2011/2016, 420 p. (In Engl.)
31. *Jasper M.* Nurses’ perceptions of the value of written reflection. Nurse Education Today, 2005; Vol. 19(6): 452–463. (In Engl.)
32. *Killeavy M.* Induction: A Collective Endeavor of Learning, Teaching, and Leading. Theory into Practice. 2006. Vol. 45: 168–176. https://doi.org/10.1207/s15430421tip4502_9. (In Engl.)
33. *Killen R.* Teaching Strategies for Outcomes-Based Education. Cape Town: Juta Legal and Academic Publishers, 2007, 488 p. (In Engl.)
34. *Kuswando P.* Reflective Practices for Teacher Education. Language and Language Teaching Journal. 2012; Vol. 15: 149–162. <https://doi.org/10.24071/llt.2012.150102> (In Engl.)
35. *Levanova E. A., Stetsenko I. A., Kunakovskaya L. A.* Reflexive context of professional training of future teachers at the university. Vectors of development of contextual education. Collective monograph / Ed. by E.P. Komarova. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2021, P. 55–68. (In Engl.)
36. *Lieberman A., Miller L.* Teaching and Teacher Development: A New Synthesis for A New Century.

- Education in a New Era / Brandt R. (ed.), Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development, 2000, P. 47-66. (In Engl.)
37. Lofthouse R., & Birmingham P. The camera in the classroom: video-recording as a tool for professional development of student teachers. *Teacher Education Advancement Network Journal*, 2010; Vol. 1: 1-18. URL: <https://ojs.cumbria.ac.uk/index.php/TEAN/article/view/59/70> (accessed 22.05.2022) (In Engl.)
 38. Loughran J. J. Effective Reflective Practice: In Search of Meaning in Learning about Teaching. *Journal of Teacher Education*. 2002; Vol. 53: 33–43. (In Engl.)
 39. Mathew P., Mathew P., Prince Mr., Peechattu J. Reflective practices: a means to teacher development. *Asia Pacific Journal of Contemporary Education and Communication Technology (APJCECT)*. 2017; Vol. 3. Iss. 1. www.apiar.org.au Asia Pacific Institute of Advanced Research (APIAR). P. 126–130. (In Engl.)
 40. Ojanen S. A process in which personal pedagogical knowledge is created through the teacher education experience. International Conference on Teacher Education, Tel-Aviv, Israel. Tel-Aviv, Israel, 1993; ED 398 200: 1-16. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED398200.pdf> (accessed 22.05.2022) (In Engl.)
 41. Runhaar P., Sanders K., Yang H. Stimulating teachers' reflection and feedback asking: An interplay of self-efficacy, learning goal orientation, and transformational leadership. *Teaching and Teacher Education*, 2010; Vol. 26: 1154–1161. (In Engl.)
 42. Schon D. A. (Ed.). *The reflective turn: Case studies in and on educational practice*. New York: Teachers College Press, 1993. 440p. (In Engl.)
 43. Ur P. *A course in language teaching: practice and theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999/2012, 336 p. (In Engl.)
 44. Yang S. H. Using Blogs to Enhance Critical Reflection and Community of Practice. *Educational Technology and Society*, 2009; Vol. 12(2): 1–21. (In Engl.)

Поступила 11.06.2023.

Сведения об авторах

Кунаковская Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия). Сфера научных интересов: профессиональное образование и педагогическая психология, психология педагогической рефлексии и профессиональных деформаций. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1345-8462>.

E-mail: kynludal@mail.ru

Кривотулова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия). Сфера научных интересов: профессиональное образование и педагогическая психология, консультативная психология, психология инноваций. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8183-9144>.

E-mail: krivotulova-elen@bk.ru

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования, педагог-психолог, Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие» (Калуга, Россия). Сфера научных интересов: социальная психология, педагогическая психология, консультативная психология и психотерапия. Автор более 2 500 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Submitted 11.06.2023.

About the authors

Ludmila A. Kunakovskaya – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology, Voronezh State University (Voronezh, Russia). Research interests: professional education and pedagogical psychology, psychology of pedagogical reflection and professional deformations. The author of more than 200 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1345-8462>.

E-mail: kynludal@mail.ru

Elena V. Krivotulova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Pedagogy and Educational Psychology, Voronezh State University (Voronezh, Russia). Research interests: vocational education and educational psychology, counseling psychology, psychology of innovation. The author of more than 250 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8183-9144>.

E-mail: krivotulova-elen@bk.ru

Mariam R. Arpentieva – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the International Academy of Education, teacher-psychologist of the State Treasury Institution of the Kaluga Region of the Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance “Assistance” (Kaluga, Russia). Research interests: social psychology, educational psychology, counseling psychology and psychotherapy. The author of over 250 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке:

5.3. Психология: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.6. Исторические науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.7. Философия: 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, односторонний интервал. Количество рисунков – не более 4. Подписанные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

- благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

- список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

- аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics:

5.3. Psychology: 5.3.1. General psychology, psychology of personality, history of psychology (Psychological sciences); 5.6. Historical sciences: 5.6.1. Russian history (Historical sciences); 5.6.2. General history (Historical sciences); 5.7. Philosophy: 5.7.7. Social and political philosophy (Philosophical sciences); 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (Philosophical sciences)

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.

– the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5-2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.

– affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrTable 2

ations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.